

ИЛЬЯ ГЛАЗКОВ

Э В О Л Ю Ц И Я
G.A.N.Z.A

Илья Глазков

Эволюция G.A.N.Z.A.

«Издательские решения»

Глазков И. А.

Эволюция G.A.N.Z.A. / И. А. Глазков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908355-5

Технологии позволили человечеству спасать жизни с помощью интеграции плазмы под названием G.A.N.Z.A. Многие готовы отдать всё, ради того чтобы спасти близкого человека. Воспринятое обществом как дар свыше, G.A.N.Z.A. становится источником новой веры. И новым брендом с лицензией, а также основой для передовых разработок. В этом заинтересованы многие. Что порождает конфликты, в которых все забывают о главном. Что на самом деле хотел создать учёный, открывший G.A.N.Z.A? И какова страшная цена?

ISBN 978-5-44-908355-5

© Глазков И. А.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Вероятно год 2067...	7
G.A.N.Z.A.	8
GENOME OF AUTOCATALYTICAL NORMATIVE OF «Z»	8
ABIOTGENESIS	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
1	9
2	15
3	28
4	37
5	42
6	52
7	60
8	66
9	70
10	72
11	80
12	87
13	91
14	95
15	102
16	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Эволюция G.A.N.Z.A.

Илья Александрович Глазков

© Илья Александрович Глазков, 2018

ISBN 978-5-4490-8355-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Воображение – способность любого человека создавать свой собственный мир, недоступный органам чувств. Бескрайнюю вселенную, с которой существует только односторонняя связь. Образы, представления и идеи всегда сложно описать так, как понимаешь их именно ты, ведь у каждого своя индивидуальная фантазия. Слова помогают писателю поделиться своим миром с читателями. Я попробовал это сделать и написал эту книгу. Надеюсь, что она вам понравится. Буду этому очень рад.

*С уважением к читателю,
Глазков Илья*

Вероятно год 2067...

Хотя, точно я не уверен. И не потому, что такое развитие технологий, будет, невозможно. А лишь, по причине, смогут ли так долго скрывать подобные эксперименты в генетике.

G.A.N.Z.A.

GENOME OF AUTOCATALYTICAL NORMATIVE OF «Z» ABIOGENESIS

Охраняется поправкой S-27 пункт 3, как исключительное право церкви Предтечи на использование данной технологии для спасения жизни человека, гражданина/ки Сообщества наций...

...Любая попытка копирования и интеграции G.A.N.Z.A, без действующей лицензии, преследуются по Закону. Продукт синтеза подлежит изъятию из организма носителя и последующей эвтаназии

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

По дну ущелья, прыгая по камням, бежала группа вооруженных людей. Они были одеты в черное и слабо выделялись на фоне унылых скал. Молча, тяжело дыша, дюжина мужчин двигалась цепочкой по еле заметной тропе среди валунов. Каждый нёс на себе амуницию, в руке была винтовка. Двое в хвосте группы тащили тяжёлый пулемёт, торопились, но всё равно отставали, спотыкались. Что-то гнало их вверх по тропе, без остановки, двигало вперед, не давая ни секунды передышки. Ветер с силой дул в спины, дышал, могучей глоткой, устремлялся вверх к иззубренным вершинам, подпиравшим низкое свинцовое небо. Иногда переходил на тихий свист в щелях металла на оружии, обжигал открытые участки разгоряченных от бега тел, забивал уши, срывал капли пота с потемневших, огрубевших от страданий лиц.

Пологий голый склон единственного изломанного прохода к вершине напоминал внезапно застывшую, закипевшую реку с крутыми берегами, где в одно мгновение вскипела серая поверхность, и застыли разнокалиберные пузыри валунов. Они монолитами, в незыблемом покое врастали в землю, вылизанные ветром и покрытые редким, бурым мхом. Одни валуны размером с двухэтажный дом, другие – не больше апельсина. Видимо, когда-то сорвавшиеся с вершин камни, давно покоились на дне ущелья, медленно оттачивались в предметы природного искусства ветром и осадками. Безмолвно лежали тут веками, пока вдруг солдатские ботинки не потревожили их покой.

Лидер группы достиг огромного валуна, возвышавшегося над остальной каменной россыпью, остановился. Посмотрел по сторонам. К нему подбежали остальные.

– Попробуем там! – показал он на верх валуна.

Один из мужчин, вцепился в его плечо. Тяжело дыша, скривил бородатое лицо, заговорил, прерывая сип сбитого дыхания:

– Оставь... – сбивчиво заговорил – Мы теряем время... Ещё одна попытка ... 5 минут времени... Темнеет.

Первый нервно двинул плечом, отбросив его руку.

– Попробуем, – сказал он уверенно. – Готовьте антенну. Рассредоточьтесь.

Коротко свистнул, ткнул пальцем и крикнул:

– Снегирь, Жак, ставьте там пулемёт!

Мужчины разбежались в разные стороны. Тащившие станок с силой воткнули его под валуном, установили пулемёт, развернув стволом вниз по тропе, откуда они пришли. Залегли за ним, быстрыми движениями проверяя готовность, зарядили. Наводчик поднял руку.

Командир кивнул и побежал вокруг валуна, туда, где мелкая россыпь позволяла забраться на верх огромной глыбы. За ним последовали трое, с болтавшимися за спиной большими рюкзаками.

Остальные залегли цепью на камнях, выставив оружие в сторону тропы, тяжело дышали, восстанавливая сбитое дыхание, нервно пили из фляг, то и дело, поглядывая в оптику.

День быстро заканчивался. Пасмурная погода и ветер крали последние световые минуты, всё больше сгущая небо непроглядной, пластилиновой тьмой. Она, будто размазывалась с каждым вздохом ветра. Словно облака медленно опускались на горы и поглощали все вокруг. Не заставили себя ждать мелкие, противные капли дождя. Первые предвестники затяжного шквала побрызгали лежащих людей. Всё было против них. Даже природа.

Те, кто карабкался на большой валун, почувствовали ещё большую усталость от этих первых капель. Впереди был ещё час быстрого бега по ущелью, и эта задержка не сулила ничего

хорошего. Они по одному вскарабкались на покатуемую поверхность вершины большого камня, несколько секунд стояли, согнувшись, переводя дух. Потом резко скинули рюкзаки, достали из них оборудование, провода и антенну для связи.

Быстро собрали станцию, подключили ноутбук и развернули портативный пеленг. Их движения были точны и правильны. Они знали, что делают. И делали это, видимо, не первый раз. От последней попытки прошло не более получаса. Батареи ещё были теплые. Последний клик зажимов, щелчок запуска, и по блоку управления побежали огоньки подключения.

– Грузится, – сказал один. Он сел на камень, надел наушники и быстро застучал по клавиатуре. Портативный зонтик антенны задвигался в поиске сигнала, ловя его через серые скалы.

Антенна не могла пробить горную гряду, не вылавливала эхо спутников, они были в недопустимой зоне, чудес не случилось с низкого свинцового неба, потоки каналов были недоступны через зашифрованный код доступа. Система бесполезно искала хоть какую-то лазейку. Данные о коннекте не появлялись.

Командир впился взглядом в экран. Сидящий связист не переставал качать головой.

– Ничего, – он ударил кулаком по камню.

– Надо подождать, – сказал командир, тронув его за плечо. Он тоже нервничал.

– Не торопись. Ищи по каждому сектору. Сканируй. Должно быть хоть что-нибудь. Хоть какой-то канал...

Но на экране сканирование диапазонов не давало никакого результата. Шкалы быстро добежали до 100% и показывали пустоту.

– Бесполезно, – связист нервно снял наушники и встал. – Горы глушат всё.

Командир ждал чуда. Губы беззвучно шептали. Лицо, освещенное экраном, резко очерчивало черты его лица с хмурыми бровями и густой щетиной.

Связисты переглядывались, переминаясь с ноги на ногу.

– Давай... давай... давай... Ну же – шептал он, опустившись на колени перед монитором.

– Три минуты – сказал связист, поднимая с валуна винтовку и напряженно осматривая небо. – Ещё две, и нас запеленгуют.

Остальные двое связистов, собиравших оборудование, тоже осторожно, поддавшись импульсу, осмотрели низкое серое небо, будто из него вывалится что-то ужасное.

Командир мельком взглянул на них и ничего не сказал, смотрел на экран. Зрачки его бежали вслед за десятками шкал, отображавших сканирование сотен возможных выходов для передачи сигнала. Все они подкрашивались красным светом отсутствия результата. Это угнетало его. Он держался и, на секунду закрывая глаза, выдыхал воздух носом. Ждал чуда. Всё напряжение последних суток сконцентрировалось на кончике крутившейся в разные стороны антенны. Они решала сейчас всё в их жизни. Действительно, нужно было чудо.

И оно пришло. Внезапно одна из сканирующих областей окрасилась зелёным, и прозвучал подтверждающий писк. Развернулось окно и показало слабый, но надёжный сигнал возможности передачи. Антенна перестала вращаться и зафиксировалась.

Лицо связиста озарилось улыбкой, он быстро положил оружие и сел на камень, положив на скрещенные ноги клавиатуру. Командир с силой хлопнул его по спине, улыбнулся в ответ и резко встал.

– У нас одна минута.

– Сигнал слабый, – сказал связист, напряженно вчитываясь в данные. Его пальцы быстро выщелкивали данные по кнопкам. – Но передача возможна. Начинаю.

– Коды прежние, – сказал командир. – Отправляй немедленно. – Он встал с колен, поправил ремень оружия, впившийся в шею. Вытер ладонью потный лоб. Вдохнул полной грудью, подняв лицо к небу и редким каплям ледяного дождя.

– Пошли данные – воскликнул связист, закинул голову вверх и нервно коротко засмеялся.

– Оууууу! – кивнул подпрыгнувшим товарищам. Он бережно вытер рукой монитор от капель дождя и улыбнулся, показывая командиру большой палец.

У всех наступила разрядка. Не так тяжело стала давить амуниция на плечи, и тьма, сгушавшаяся в ущелье, стала не такой чёрной. Шкала передачи данных медленно отсчитывала проценты. Так же, как и часы отсчитывали секунды, определяя остаток времени до критического момента перехвата передающего сигнала. Нужно было только ждать, что произойдёт быстрее.

На верх валуна, цепляясь винтовкой и поскальзываясь, забрался ещё один человек. Он, шатаясь и тяжело дыша, подошёл к ним. Это был бородатый, кто говорил с командиром раньше у валуна.

– У нас истекло время, надо уходить.

– Всё удачно. Идёт передача, – командир оторвал взгляд от экрана, повернулся к нему. – Скажи остальным. У нас успех и ещё есть несколько секунд, и мы используем их.

– Я передам, – сказал один из трех связистов и, кивнув головой, начал спуск по россыпи с валуна, чтобы передать остальным, кто залег внизу, новость.

– Это всё равно ничего не решит, – сказал бородатый, подходя к монитору. Взглянул на него. Было видно, как его губы тронула едва заметная улыбка. – Нужно уходить.

– Это как раз то, ради чего мы уходили из бункера.

– Теперь важно быть там со всеми, – бородатый неопределенно показал винтовкой вверх по ущелью.

– Мы пытались решить задачу. Потеряли почти сутки. Осталось только сдохнуть здесь... Ты же знаешь из-за аномалии сверху ничего не отправить.

Командир резко схватил его за грудь рукой, притянул к себе, воткнул свои глаза в бешеные зрачки товарища.

Связист мельком посмотрел на них, но не прекратил свою работу, опять повернулся к монитору.

– Довольно... – сдерживаясь, сказал командир – Мы все – добровольцы... Или ты забыл? Вся эта миссия ради одного... Ради этого, – он ткнул пальцем в антенну. И не важно, сколько для этого потребуется времени. Мы сделали передачу. Или ты забыл, сколько осталось наших внизу? Ради чего их нет? Ты забыл?

Он встряхнул бородатого. Тот прищурил глаза и с силой сбросил удерживающую его руку. Злобно оскалился и процедил сквозь зубы, сдерживая закипевший гнев:

– Там были и мои друзья, – он сделал шаг назад. – Мы должны идти. Тамверху тоже нужна наша помощь. А это, – он взмахнул винтовкой в сторону монитора, – не факт, что спасёт ещё кого-нибудь.

Командир смотрел на него, не отрываясь.

– Это важно. И единственное, чего стоят наши жизни ради остальных. Я уверен, и ты это понимаешь.

Они напряженно смотрели друг на друга. Хмурые, небритые, усталые мужчины с оружием, окруженные сгушавшимся сумраком, в мёртвом ущелье среди бессмертных камней, на ветру, в каплях начинающегося дождя.

– Время вышло, – сказал связист, – пеленг открыт.

– Сколько до окончательной загрузки? – спросил командир.

– 27% плюс-минус 3 минуты, если канал не будет прерван.

Связист вопросительно посмотрел на командира. Тот поморщился, сделал два шага в сторону, нервно провел рукой по подбородку. Долго думать не было времени. Решать нужно было сейчас. Он посмотрел на бородатого, застывшего перед ним, на связиста, сидевшего с ноутбуком на коленях.

– Другого шанса не будет, – коротко скомандовал, – не прерывай передачу.

Связист улыбнулся, уткнулся в клавиатуру. Бородатый устало прикрыл глаза, покачал головой, тяжело выдыхая воздух.

– Сейчас или никогда, – сказал, глядя на него, командир.

– Ты сам знаешь, что уже никогда для нас.

Они опять молча смотрели друг на друга несколько секунд.

– Это важнее нас, – командир ткнул пальцем в монитор. – Три минуты...

Бородатый обреченно покачал головой, повернулся, и ожесточенно сплюнул на камень. Порыв ветра унёс плевок далеко в сторону.

Они вместе посмотрели на шкалу загрузки, где невероятно медленно уходили в пустоту гигабайты зашифрованной информации через антенну, гордо поднявшую тарелку к свинцовому небу. Они следили, как устремляются эти крохи однопроцентного измерения, за которыми находились наиважнейшие для них события последнего дня. Как много и в то же время скупо, говорили эти цифры. Как медленно и в обратном отсчете истекала их собственная жизнь вслед за тем пределом, который отмерил для них только три минуты процесс передачи сверх установленного лимита дешифратора. Они истекли очень быстро. И как только таймер показал 100% загрузки, они словно почувствовали эту огненную, невидимую черту, как по команде тревожно, в который раз осмотрели небо. Оно было пустое, хмурое и теперь крайне враждебное.

Связист захлопнул крышку ноутбука, сбросил наушники, вскочил на ноги. Бородатый подтянул ремень винтовки, перекинул его через шею. Связисты, быстро проверив оружие, ожидали команды.

– Спускайтесь вниз! – скомандовал командир и протянул руку. – Дай термитную гранату.

Один из связистов на ходу открыл клапан на чехле и быстро бросил ему в руки черный цилиндр.

– Уходите, – повторил командир бородатому, – спускайтесь. Я догоню.

Он взялся за чеку и, ногой подвинув ноутбук на камне ближе к станции передачи и тарелке, ухмыльнулся своим мыслям. Сейчас он был далеко. Его мысли улетели вслед за переданными данными.

Бородатый хмуро взглянул на него и пошел к спуску.

Командир, выдернув кольцо и удерживая скобу, посмотрел на него, ждал, чтобы он отошёл подальше. Бородатый прошел несколько метров, и, почувствовав его взгляд, обернулся.

Внизу у валуна собирались люди, вставая с камней. Их фигур уже практически не было видно в наступавшем сумраке. Не видно было и капель усилившегося дождя, который рвал усиливающийся ветер.

– Мы успеем, – сказал командир, вытянув руку с гранатой над аппаратурой.

В этот момент, как только командир закончил фразу, словно удар меча, разрезавшего тьму, вспыхнул ярчайший луч, осветивший всю группу, и следом за ним всё накрыл рёв двигателя, пульсировавший всей мощью в стенах ущелья. Сверху, из темного неба, через гряды скал падали две боевые летающие машины, из которых били две полосы белого света, ослепившие всех, кто был у валуна.

Только мгновение понадобилось квадрокоптерам, чтобы перемахнуть через полукилометровые зубрины вершин, и, совершив маневр, с разворотом, замедленно, как в страшном сне, не теряя из вида застывших в ужасе людей, снизить скорость. Круги винтов на концах гондол с гулом развернулись, породив шквал ветра и машины повисли в 20 метрах над землёй, мощным гулом заставляя камни вибрировать.

Те, кто был внизу и те, кто торчал в открытых люках, рассматривали друг друга, только мгновение, когда невероятно растягивается сама лента событий, а руки и голова работают инстинктивно, время словно замирает.

Всего секунда прошла, как первый квадрокоптер вывалился из облаков, и луч его прожектора выхватил валун, пальцы командира разжали гранату, и она упала вниз на оборудование. В ярком свете отчетливо было видно его фигуру, отпрыгнувшую в сторону, и увлекающую за собой остолбеневшего бородатого вниз с валуна.

Мгновенье дикой напряженности длилось, словно вечность, в оценивающих взглядах тех, кто высывался из люков боевых машин. Вниз смотрели лица солдат в защитных спектрочках и касках. Они оценивали противника.

Вдруг, резко рванула термитная граната, оставленная на оборудовании, озарив оранжевой вспышкой скалы, резко очертив стрелы черных теней во все стороны. Вспышка, как сигнал, вырвала людей в реальность, восстановила ход времени. Отпрянув от безобидного для них взрыва, квадрокоптеры управляемые руками пилотов резко накренились и поднялись вверх на десяток метров, ещё одним шквалом работающих двигателей обдав людей внизу.

Взрыв гранаты словно сорвал ненависть с цепи. Вырвавшись из оцепенения, люди в черном вспомнили о цене своей жизни. Десятки рук взметнулись вверх и винтовки открыли огонь. Сотни бледно синих трассеров расчертили небо, скалы залило мертвенно белым светом вспышек очередей. Под эти вспышки кубарем, по склону россыпи, с валуна падали командир с бородатым. Они прыгали, не разбирая дороги, пригнувшись, стремились уйти под защиту камней.

Захлёбываясь прерывистыми очередями, затыкал пулемёт, выбивая вспышки и искры из брони квадрокоптеров, медленно плывущих по кругу в реве своих двигателей.

При первых выстрелах с земли резко отстрелились световые ловушки. Скользя, захлопнулись двери люков, и, затрещав от попадающих пуль, заработала магнето защиты. Трассеры злобно выли, рикошетируя от полупрозрачного щита, подсвеченного молниями, поглощавшего всю инерцию ударов по машинам. Пока огонь не ослабевал, квадрокоптеры двигались по кругу, вышли в мертвую зону с другой стороны валуна, закрываясь этим сектором. С шипением отвалились израсходованные конвертеры защиты, когда огонь прекратился, и люди внизу, перестав стрелять, судорожно стали перезаряжать оружие.

Свет прожекторов резко очертил фигуры: командира и бородатого, который распрямившись за камнем, закричал и выпустил длинной очередью весь магазин.

Командир что-то крикнул ему и рванулся в сторону.

В этом момент боевые квадрокоптеры, видимо, закончив сканирование теплового излучения нападавших, дали ответ. Первыми заговорили турели. Завертели в шарнирных установках, выпуская десятки снарядов в секунду, разорвали в клочья бородатого мужчину вместе с камнем, за которым он стоял, раскрошили многотонный монолит валуна, отбивая куски от его машины.

Огненные струи металась в луче прожекторов, быстро перемещаясь от цели к цели. Квадрокоптеры разошлись в разные стороны и, поливая снарядами вокруг валуна, прошлись по кругу. Гулко хлопнули кассетные ракеты и, взлетев над машинами, устремились вниз, покрыли огненными цветами разрывов. Взметнулись куски камней и тучи раскаленной пыли...

Всё было кончено. Через минуту в живых никого больше не осталось. Тяжёлым смертельным саваном поднималась пыль. Она поползла, сносимая ветром, вверх по ущелью, рвалась под дождём, растворяясь в темноте.

Прожекторы жаждали смерти, суетливо выхватывали камни, и скрючившиеся, искалеченные тела внизу. Лучи шарили, мертвенно бледным светом, фиксировали результаты работы. Сопротивления больше не было. Геликоптеры, уменьшая гул двигателей, опустились к земле, винты замедлились. Люки открылись, и из них быстро стали выпрыгивать солдаты в сером камуфляже, в касках. Они бегом оцепляли место боя.

Замаячили десятки фонарей в темноте. Солдаты, молча торжествуя, цепью прочесывали периметр.

Недалеко от валуна, вверх по тропе, оставляя за собой след, полз командир. Из перебитых ног обильно сочилась кровь. Судорожно цепляясь и подгребая камни, он с перекошенным лицом отползал в темноту. Сначала один отблеск, потом несколько фонарей остановились на нём. Солдаты замерли в десятке метров, нацелившись, полукругом оцепляя беспомощно распластавшуюся фигуру.

Преодолевая дикую боль, человек повернулся на спину и, застонав, сел, опустив голову, тяжело дыша. Он посмотрел на них из-под бровей, прикрываясь от яркого света трясущейся левой рукой. Его правая рука скользнула к кобуре на бедре и расстегнула клапан.

– Не стрелять, – прозвучала громкая команда. – брать живым!

Солдаты медленно опустили оружие и стали осторожно приближаться.

Человек криво ухмыльнулся, вытащил пистолет из кобуры. Смотрел на них глазами, полными боли. В зрачках полыхала голубая искра, пронизывающая насквозь каждого солдата, кто заметил этот нереальный оттенок.

– Будьте вы прокляты! – хрипло сказал он и, резко подняв пистолет к виску, выстрелил себе в голову. Дёрнулся и медленно повалился на камни. Яркие голубые радужки погасли в его широко раскрытых глазах. Солдаты остановились рядом и молча смотрели на тело.

2

В тёмном помещении стояли две фигуры. Свет от небольшого светодиода очерчивал круг на полу. От этого казалось, что стены растворились во мраке. Еле видимые предметы отблескивали. Контуры стола, аппаратуры и стекла чуть подсвечивались голубоватым фоном. Свет бросал резкие тени на лица. Накладывал текстуры из графиков и цифр.

Мужчина в белом халате в очках с датчиками визира и перчатками для управления голограммой медленно водил кистями на уровне груди. Следуя его движениям,плыли в воздухе и сменялись показания диагностики. Женщина стояла напротив, спокойно наблюдала за ним. На ней была только футболка и трусики. Холмами торчала грудь. Голые ступни на холодном кафеле пола были прижаты друг к другу. Она не двигалась. Только моргала и тихо отвечала на вопросы. У неё были ярко-голубые глаза, словно изнутри горел неоновый свет и так четко выделял все всполохи молний из капилляров.

– Ты чего-то боишься? – глухо спросил мужчина в халате.

– Нет, – спокойно ответила она

– Я вижу, ты боишься.

– Нет.

– Это неверный вопрос? – он хмурился, глядя на цифры. Кашлянул, скрывая спазм в горле. Но когда переводил взгляд на неё, то выражение его лица становилось мягким и внимательным.

– Вероятно, он задан с предложением. Задать следующий?

– Хорошо, – кивнул мужчина, удовлетворённый ответом. – Тогда скажи, ты в безопасности?

– Да.

– Уверена?

– Да, – ответила она и внимательно посмотрела в его глаза. – Ведь я рядом с тобой.

Он улыбнулся ей. Глаза грустно смотрели на неё с какой-то скрытой тоской. Сняв очки, мужчина на секунду прикрыл веки. Свет резко выделял морщины на лбу и вокруг глаз. Седая голова качнулась, словно он отогнал какое-то видение.

– На сегодня достаточно.

Руками в перчатках он вывел голограмму панели и, переключив режим, включил свет. Лаборатория осветилась белым светом. В большой комнате было полно аппаратуры. Они стояли в середине помещения. Женщина осмотрелась и поежилась, как от холода. Провела рукой по шее.

– Сейчас, только проверю температуру, – сказал мужчина.

Она молча улыбнулась уголками губ и чуть кивнула.

Он взял со стола прибор и, сделав несколько шагов, обошел её, оценив взглядом. Спереди лицо, волосы, грудь, кисти, ноги абсолютно точно копировали человеческое тело живого организма. Сзади эта женщина открывалась совершенно по-другому. Начиная от сжатых в круглые мешки блоков распределителей на месте ягодиц, прикрытых трусиками, и заканчивая затылком с коконом процессора в виде сегментированного апельсина. Этот биоорганизм не имел ничего общего с женщиной, которую он видел, смотря ей в лицо.

Чтобы помочь ему увидеть датчик, она наклонила голову вперед и рукой подобрала вверх длинные чёрные волосы.

– Так удобней? – спросила она.

– Конечно. Извини, будет немного больно, – он поднял прибор и направил короткий щуп в основание шейных роторов, туда, где должен был быть позвоночник.

Он смотрел, как быстро растёт и падает температура от управления процессором. Но его взгляд цепляли её волосы. Он чувствовал, какие они мягкие, и гордился своей работой.

– Мне не нравится, когда ты так на меня смотришь, – сказала она.

– Как? Ты не видишь, как я на тебя смотрю... – поинтересовался он, сверяя данные.

– Не вижу, но чувствую.

Он сохранил показания и подошел к ней спереди. Руками мягко поднял голову и опустил волосы. Она, подняв лицо, смотрела на него синими глазами.

– Я смотрю на свою женщину.

– Да, но только на такую...

– Это сейчас не важно, – сказал он. – Очень важно, что ты чувствуешь, как я на тебя смотрю.

– Я знаю, – она притянула его к себе. – Но смотри на меня по-другому. Не так, когда ты видишь, какая я сзади.

Он поцеловал её в лоб и улыбнулся.

– Ты ведешь себя, как настоящая женщина.

– Я чувствую себя, как женщина, и не хочу, чтобы ты видел меня такой. Когда всё будет в порядке?

Он обнял её на секунду. Она прильнула к нему.

– Скоро... немного подождать.

Они вместе посмотрели на большие колбы, возвышавшиеся вдоль одной из стен лаборатории. В них медленно вспучивалась бесцветная жидкость и опадала на дно. Процесс повторялся несинхронно в каждой капсуле, и словно невидимая волна поднимала густые всплески в заполненных густым киселем сосудах. Она отпустила его плечи и медленно подошла к сосудам. Её рука прикоснулась к стеклу, пальцы скользили по гладкой поверхности, синие глаза отразились в стекле.

– Как медленно, – шепнула она.

– Процесс роста клеток слабо контролируем. Они растут только в собственном механизме эволюции. Нам остается только ждать. Одно хорошо. Они вырастут, и это неоспоримый факт.

– Я знаю, – тихо сказала она, наблюдая за тугими всплесками, и указательным пальцем водила по стеклу. Она обернулась, её волосы тяжело колыхнулись на плечах.

– Страшно ждать.

Он подошел к ней и снова обнял. Но она повела плечом.

– Ты беспокоишься?

– Немного. Я не могу ощутить себя полноценной.

– Ты прекрасна. А оболочка – это только внешняя среда...

– Я помню, – перебила она его, – ты также сказал, когда подключил мою голову.

Он поморщился и хотел заглянуть в её глаза, но она прислонилась лбом к стеклу. Он секунду стоял сбоку, разглядывая её волосы и уши, подмечая их баланс. Кашель душил его. Он сдерживался до последнего и, подняв кулак, кашлянул. Она подняла на него синие глаза.

– Ты же знаешь, это была вынужденная мера.

– Я никак не могу прийти в себя. Какой-то дикий холод преследует и гуляет по всему телу.

Он положил руку ей на плечо.

– Нужно было спасать нас. Мы так много говорили об этом. Ты не представляешь, чего мне это стоило.

– Да, – она поежилась, потеряла свои руки. – Ты всё сделал правильно. Но я всё время думаю, что, если бы не получилось всё собрать.

– Не надо... – попросил он.

Она тяжело вздохнула и отошла от него. Её взгляд и походка не изменились. Она скрывала, как ей плохо от холода. Голые ступни неторопливо ступали по кафелю. Она обошла всю лабораторию, невесомо прикасаясь к предметам, мониторам, кабелям, и остановилась перед хирургическим столом, залитым белым светом. Её черные волосы стали ещё гуще и темней под источником света. Он следил за ней грустным взглядом.

– Они не остановились бы ни перед чем. Для них нет ничего, святого. Только...

– Но ты дал им много.

– Да. Иначе я бы не мог решить все вопросы, как достичь такого прогресса. Но эта волна... я не могу пока определить источник. Твой холод...

Она легко подпрыгнула и села на стол. Ступни повисли над полом. Она стала покачивать ими.

– Мне холодно, – сказала она. – И не потому, что температура низка. Я не чувствую этого постоянно. Периодами. Страшно от мыслей, что это может усилиться в будущем, и ещё от того, как мы будем жить здесь.

Он подошел к ней. Она подняла на него взгляд и словно остановила перед невидимой преградой. Сложно было бороться с отчаянием и болью, которые гуляли в её взгляде.

– Ты же знаешь, – сказал он, сдерживая очередной спазм в горле, – мы не могли больше там оставаться. Это место... Только здесь я могу закончить работу. Здесь безопасно и никто не знает, что мы здесь.

– А Цибион? – перебила она. – Он знает.

– Да. Но он и создал эту лабораторию вместе со мной. И это было давно, когда мы уже знали, что работать на правительство небезопасно. Всё равно нас бы сдали Предтечи. Они не упустят свой шанс. Как важно сохранить всё, если придётся исчезнуть, и если не мы сами, так хотя бы наши работы послужат на благо другим.

– Ты всегда доверял многим. И теперь они мертвы.

– Не я в этом виноват.

– Не ты. Но вы все вместе работаете на тех, кто в итоге забирает ваши знания.

– Это правительство. Оно решает, как жить. Предтечи дают людям ложную надежду...

Это их мир...

– Я жила в нем и понимаю, что не избавиться от надежд. Но принять судьбу страшно...

– Люди страшны, Элиз. Алчность и власть. В этом вся проблема.

– Ты тоже человек.

– Да. Но я с тобой. Это мой мир. И я спасаю нас от них.

Он подошел к ней ближе и встал рядом. Дыхание стало общим. Её грудь поднималась и опускалась, накачивая кислород.

– Мы всё успеем. Важно закончить процесс реабилитации и завершить восстановление. Я уверен, что пара месяцев решит всё, что будет впереди.

– Я все равно не могу избавиться от холода, – поежилась она.

– Называй это пост-синдромом. Это бывает у всех и даже по менее веским причинам. Ничем не хуже или лучше синдромов, у людей, которые ходят к врачу после травм или стрессов.

– Ты про сумасшедших?

Он поморщился.

– Нет. При чем здесь сумасшествие. Я имел в виду людей, которые перенесли травмы.

– То, как ты собрал меня, может свести с ума.

– Да, но не углубляйся в проблему. Я найду причину.

– Представляешь, каково это? – спросила она, разглядывала его лицо. – Тебя режут на куски, и ты видишь темноту. И не чувствуешь боли...

Он промолчал. Она водила ладонью по гладкому столу, склонив голову.

– Я родилась здесь...

– Нет, – тихо возразил он.

– Да, – сказала она настойчиво. – Я родилась здесь заново. Я понимаю – это именно так, и холод, который был с этим, останется со мной. Не волнуйся, я могу это контролировать, но это давит и будит во мне тоску и страх.

– Элиз. Мы сбежали из такого места, которого даже нет на карте. Мы смогли обмануть разведку и прошли такие барьеры, которые не могут даже понять простые люди. Я смог вывести тебя. Это нереально даже в мыслях. Сделать такое, украсть что-то с секретного объекта биотехнологий на военной базе просто невозможно. И единственный способ, который был доступен для этого, – это вывезти тебя по частям...

Она вздрогнула. Ее глаза закрылись на секунду, и кисти перестали скользить по столу.

– Пожалуйста, перестань оправдываться, – тихо сказала она. Не произноси больше этого... по частям... мне не по себе.

Он протянул руки и взял её за голову. Надолго прижался губами к её лбу.

– Прости, не буду. Больше нет.

– Мне не нужно ничего объяснять. Я просто говорю тебе, как чувствую себя. Ты спросил, что меня беспокоит. И главное, благодаря тебе мы в безопасности.

Он был благодарен ей за такой ответ.

– Элиз. У нас есть время. Ткани растут хорошо. Остается только терпеть и ждать. Мы сможем всё сделать правильно. Ты будешь красивой, как никогда. Понимаешь?

Она промолчала.

– Я сделал это потому, что не хочу тебя потерять. Ни тогда, ни сейчас.

– Я понимаю. Но... Что будет дальше?

– Дальше? – он стал ходить вдоль стола, задевая полами халата её ступни. – Дальше будет много работы. Главное – спокойно и размеренно следовать графику.

– Ты концентрируешься на ответе, а вовсе не на причине самого вопроса.

– Да. Я решаю задачи, которые создают основу, и сейчас это восстановление.

– Но я верю тебе и смотрю на это спокойнее. Ты не уверен в результате?

– Наука, – он сделал паузу, – заставляет сомневаться. Даже после открытия такого феномена, как G.A.N.Z.A. Это ОНИ не поняли сути процесса. Увидели только коммерческий потенциал. Но всё будет хорошо. Трудно убедить себя, когда ты первый.

Она следила за его шагами. Смотрела на старую обувь.

– Я уверен, – он остановился и повторил, – уверен, и поэтому решился на этот шаг. Мы полностью завершим регенерацию, и ты станешь очень красивой.

– Мне нравятся моё лицо и ноги, – она подняла ступни и выпрямила стройные ноги, разглядывая их.

Его взгляд оценивал проделанную работу.

– Да. Но мы не можем уйти отсюда, уехать, жить, путешествовать. Это всё пустяк для сканеров. Вычислить очень просто. Пусть даже такая великолепная синтетика, как эта. Они моментально вычислят в первом же аэропорту или вокзале, и всё будет зря. Мы не можем всё время прятаться. Прятать твоё лицо, твоё тело, ждать и бояться.

Под очками его глаза смотрели на неё, как на нечто совершенно необыкновенное. И это не было восхищением своей работой. Это была тоска. И любовь.

– Я понимаю. Нужна органика. Пожалуйста, не объясняй это каждый раз. Я уточнила саму причину вопроса, и ты начал всё с начала.

– Да. С начала. Два месяца ожидания ничто в сравнении с 15 годами работы. Именно поэтому я понимаю, что сейчас нужно концентрироваться на процессе. Всё остальное будет потом. Главное, что нам удалось вырваться, удалось восстановить всё, восстановить сознание...

– Прошу, не надо...

– Да, – остановился он и приложил палец к губе. – Прости.

– Я всё могу вынести, – она буквально прошептала, – но это холод. Может, это тоска, и мне нужно знать больше? Но я чувствую необходимость понимать. Принять всё это. И ищу возможности как-то раскрыть хотя бы часть всего смысла.

– Какого смысла?

– Кто я, что мы здесь делаем... зачем всё это? Я словно постоянно теряю память и не могу смотреть глубже. Меня тянет вперед. Захватывает оценка всего лучшего впереди. Но как сделать правильный вывод, если нет ничего из прошлого? Почему ты мне не дал никакого прошлого? Я не помню...

– Элиз, – он взял её руку, – ты жива. Ты со мной. Мы вместе. Я люблю тебя. Это всё очень многое значит.

– Да, но там, у военных, у них были свои задачи, и они видели их по-своему. Они понимали и принимали то, как они видят мир.

– Разрушение? – он повысил голос. – Что ты можешь знать о том, что они хотели получить? Они не видели в тебе то, что вижу я. Ты – моя жена, ты – мой мир. А им необходимо только уничтожить этот мир с помощью всего, что может быть обращено в оружие. Даже самое прекрасное, что может быть в этом мире.

– Розы, – она улыбнулась уголками рта.

Он грустно смотрел на неё.

– Да. Даже розы. Такие, как ты.

– Но они позволили тебе создать меня.

Он покачал головой.

– Да. И это был прорыв, благодаря тем технологиям, к которым мне дали доступ. Но я всегда знал, куда иду. И это моя ставка. Я и так дал им многое.

– И теперь нас ищут. Они не оставят нас в покое.

– Это был критичный период. Увидев результаты синтетической кожи, они бы просто не стали искать пути органического решения. Всех материалов достаточно для производства.

– Убийц?

– Солдат, – поправил он. – Не будем об этом. Ты моя жена. Не будем думать об этом.

Она встала со стола и опять подошла к колбам.

– Насколько всё это?

– Два месяца, – повторил он.

– Нет, – покачала она, разглядывая густоту органической ткани, которая размножалась в вакууме под стеклом. – Насколько это ценно?

– Я не понял тебя.

– Я спросила, на сколько лет это всё будет работать?

– Ты, вероятно, хотела спросить, сколько лет ткани и кожа будет у тебя?

Он подошел и встал рядом.

– Я ещё веду расчёты. Что, возможно, в этих условиях будет сделано. Это прекрасный материал, и я не спросил Цибиона, откуда он его взял, но всё это просто впечатляет. Раньше я не мог бы себе и представить такую механику роста. Всего этого будет больше чем достаточно для тканей и кожи.

– И сколько?

– Лет тридцать-сорок. Примерно. Этого достаточно.

– В каком смысле?

– Сорок лет...

– Я спросила, в каком смысле достаточно?

Он посмотрел на неё внимательно и грустно улыбнулся.

– Человек не вечен. Всё стареет. И этот материал тоже. Он полностью идентичен всему, что есть у человека. Потовые железы, волосы, пигментация, даже образования...

– Прыщи?

– И да! Даже прыщи, – засмеялся он.

– Но зачем? – она посмотрела на него. – Зачем такой срок?

Он покачал головой.

– Дело не в цифрах, каждому свой срок. Даже с этой кожей ты переживёшь меня.

Он смотрел на неё с тоской, а она искала глазами ответы на его лице. Её губы двигались несколько секунд беззвучно, синие глаза с тревогой искали зацепки в словах, сказанных ранее.

– Я неправильно задаю вопросы. Я чувствую это. Но пойми, я просто не могу понять, сколько всё это продлится и достаточно ли этого?

– Что? – переспросил он.

– К чему делать что-то, что может ограничивать тебя самого. Почему нужно тратить столько времени, чтобы создать продукт, который в итоге будет отсчитывать твоё время, и столько сил, потраченных на него, уже не восполнить. И нужно только постоянно биться над тем, как содержать это в том виде, который приближает тебя к идеалу. Быть красивой с помощью всех средств, доступных женщинам, или просто быть красивой, не тратить на это ни минуты.

Он был удивлён.

– В тебе говорит логика женщины, получившей выбор.

– Ты путаешь, как все мужчины, – она нахмурилась. – Ты очень мне, очень дорог. Я тебя люблю. Но ты не понимаешь. Зачем ты хочешь поставить передо мной такую проблему, которая сама по себе даст только страдания. Что будет через сорок лет? Моя кожа слезет клочьями или постареет за день язвами?

– Нет.

– Ты уверен?

– Я уверен в том, что это будет настоящая кожа, которая даст тебе возможность чувствовать себя полноценной.

– Это ты хочешь, чтобы я выглядела полноценной. Чтобы не было проблем при прохождении контроля, и чтобы все, кто будет встречаться нам на пути, принимали меня, как твою воскрешую жену.

– Элиз, ты получишь этот дар, возможность быть во плоти.

– Разве не мечтает любая женщина получить идеальную красоту, которая не стареет?

– Ты переворачиваешь всё.

– Разве? Ты дал мне этот шанс. Дар жить, – она обняла его, – но послушай. Зачем нам ждать? Зачем чувствовать себя, как в тюрьме? Мы вытерпели всё это у военных. Мы вырвались. Ты хочешь, чтобы я чувствовала себя полноценной? Не смотри на меня, как на объект своих забот и исследований. Это противоречит здравому смыслу. Выбери что-то одно. Будь просто со мной.

Она плотнее прижалась к нему. Они стояли молча какое-то время.

– Ты предлагаешь уйти, но куда? Мы будем скрываться, – он решил терпеливо выслушать, не перебивать, оценить алгоритм доводов, проверяя работу процессора в её голове.

– Да. Какое-то время. Но... – она отстранилась и ткнула его пальцем в грудь. – Время, которое ты определяешь, очень важно для нас. Ты хочешь, чтобы я была полноценной женщиной? Перестань смотреть на меня, как на объект для новых идей.

Он был удивлен ещё больше.

– Впервые за три недели, проведённые здесь, ты начала такой разговор.

– Я много думаю об этом, – она опять поежилась, отошла от него, повернулась спиной. – Зачем мне эта кожа? К чему этот сложный процесс? Посмотри на меня. Она повернулась и быстро сняла футболку.

Он смотрел на неё без стеснения, переводил взгляд с пышных волос на высокую грудь, живот и дальше линии трусиков на стройные ноги.

– Я тебе нравлюсь такой?

– Да, – кивнул он.

– Тогда ответь, – спросила она, надевая футболку обратно и повернулась к нему спиной. Почему ты не сделаешь меня такой сейчас? Почему оставляешь работу наполовину?

Он смотрел, как она поправляет волосы, вытаскивает их из-под ворота майки и, жестом убрав локон за ухо, ждёт его ответа. Подойдя ближе, он положил свою ладонь на её щеку, повернул к себе. Она приветливо наклонила голову, почувствовав тепло его рук.

– Это не кожа. Она не стареет. Не живет. Я хочу дать тебе больше. Хочу, чтобы ты чувствовала себя лучше.

– В коже, на которой будут прыщи?

– Да, – он улыбнулся. – И это даст нам возможность не прятаться.

– Да, но только даст ли это удовлетворение и покой?

– О чём ты говоришь, Элиз?! Я делаю это ради тебя!

– Ты хочешь видеть меня такой? Мы не говорили об этом. Но утверждаешь, будто решили это вместе.

– Я не понимаю тебя.

– Да, – она говорила уверенно. – И сейчас я говорю тебе, что готова принять твоё решение, но не могу утверждать, что это даст мне хоть какую-то уверенность. Достаточно ли этого будет, чтобы я была счастлива.

– Достаточно?

– Для того, чтобы этот дикий холод ушёл наконец, и у меня было то, что я могу принять как женщина.

– Тебе хочется большего?

– Нет, – она потрогала его седые волосы. – Мне как раз хочется малого: быть красивой, любимой и заботиться о ком-то.

– У тебя есть я...

– Да, – перебила она. – Но ты сам сказал, у всего есть время. А я не хочу проводить его, выдавливая очередной прыщ и брея свои ноги, и видеть, как стареет и умирает каждая клеточка. Я чувствую, понимаешь? Чувствую... ты дал мне жить в теле, которое не стареет. Я хочу заботиться о тебе и ещё о ком-то...

Ужас на секунду покрыл его глаза. Он сдержал спазм и сдержанно кашлянул.

– Мы это обсуждали...

– Да. Но я не могу забыть. И первая мысль, которая была у меня, это – он. Я чувствую его, понимаешь? Между нами есть связь.

– Элиз, – он с отчаянием в голосе слегка толкнул её и начал ходить по лаборатории.

– Ты не можешь так говорить. Он там, а я здесь.

– Он не твой сын, – повысил он голос. – Он не ... – доктор пытался подобрать слово и сдержался. – Он – не человек.

– А я? – спросила она, спокойно следя за ним взглядом.

– Ты... – да как ты можешь сравнивать, Элиз? – воскликнул он. – Как? Ведь мы не говорим о ребёнке, которого ты родила. Это всё непонятно, странно, невозможно и опасно... Ты создала его за сутки, пока меня не было на работе. Они позволили тебе и наблюдали, пока ты собирала прототип... Это не значит родить дитя... Боже... О чем тут говорить?

– Это просто выглядит так. И ты не можешь этого принять.

– Принять что? Ты сама создала это, и, передав часть G.A.N.Z.A., создала нечто... что-то... Без чувств и разума, с обрывками связей логики и формации. И это ты называешь сыном?

– Да! Какая разница, как ты его назовешь, если есть связь, и ты чувствуешь что-то родное? Он – ребёнок.

– О чем ты говоришь?! Это механизм... Это глупо так думать.

– Не оскорбляй меня.

– Это не твой сын! – воскликнул он. – Это – нечто, способное оперировать саморазвивающейся программой, и в этом нет ничего из чувств между вами, это просто эксперимент.

– Как и я, – сказала она таким голосом, что холод поразил его.

Это словно заставило его очнуться. Он опять сдержанно кашлянул и потер свои усталые глаза.

– Элиз, – сказал он, сдерживаясь. – Я не могу решиться на эту задачу. И никто не сможет.

– Ты вытащил меня оттуда. Значит, сможешь и его.

– Нет, – он покачал головой и опять повысил голос. – Нет. Обратного пути нет. И это всё, – он показал рукой на лабораторию и колбы. Всё только ради тебя. Не его. Я даже называть не могу его так. Он... Это оно... Просто ничего. Продукт. И я тебя прошу, забудь об этом. То, что ты сделала, головная боль военных. Именно это сорвало эксперимент и перевернуло всё с ног на голову. Именно это не дало возможность решить все последовательно.

– Значит, ты не ждал такого...

– Конечно, нет... От тебя – нет. Я работал над чудом и вижу его перед собой. Ты со мной. Это главное.

– Да. Но по какой причине я с тобой? Вся твоя работа разрушена мной. Думаешь, я не вижу твоего отчаяния? Я создала его, и всё пошло крахом в твоих планах.

– Нет. Нет, не говори так.

– Я создала Каина...

– Только не называй это так.

Он, с отчаянием сложив руки, подошел к ней. Полы халата разлетелись в стороны. Он умоляюще смотрел на неё.

– Прошу, оставим этот разговор. Я не обвиняю тебя в той ситуации, которая заставила нас бежать. Пойми, всё, что я делал для военных, лишь давало возможность готовиться к новому. Это, так или иначе, было необходимо. Я не хочу слушать об этом создании. Не могу и не принимаю твои мысли. И тем более так... когда ты даешь имя...

– Ты не понимаешь.

– Я понимаю только этот материнский инстинкт. Это сильно и важно.

– Я любила...

– Элиз, – он строго нацелился на неё пальцем и склонил голову. – Прошу, ради меня!

Она глубоко вздохнула. Они секунду смотрели друг на друга.

– Я поняла. Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– Какой?

– Достаточно ли этого?

Он молча слушал её.

– Достаточно ли видеть, как стареет и умирает твой муж, и ничего не делать, не принимать это близко к сердцу? Что ты также останешься одна с обвисшей кожей, и некому будет смотреть на твоё лицо с любовью?

– Ты понимаешь, что мы не сможем полноценно жить, если я восстановлю весь синтетический покров? – спросил он, обведя рукой, в которой держал очки, её контур. – Ты понимаешь, что нам не попасть на другой материк или поехать на поезде? Слетать на Луну или просто позагорать на пляже?

– Тебе важно это? Путешествия? Или чтобы я была спокойна и была рядом?

Он не ответил.

– Ты делаешь это для меня?

– Конечно, Элиз.

– Тогда ответь. Почему не изменить вообще всё? Почему мы должны следовать твоим убеждениям и ждать конца? Почему не расширить рамки и не принять тот дар, который сейчас есть у меня? Почему?

Он нахмурился.

– Почему мы не можем вместе жить так, как хотим, и не ждать перемен через сорок лет?

– Потому, что мне не прожить столько, Элиз, – сказал он, спокойно глядя в её синие глаза.

– Сейчас нет, – ответила она. – Но во мне есть то, что может тебе помочь. И у нас есть всё для этого. Ты мог бы стать таким, как я. И ведь важно только сознание?

Он кашлянул. Его окутала волна страха. Буквально на секунду он почувствовал риск сделать что-то неконтролируемое. Словно она проникла в его голову и сдернула пальцем пыльную ширму, которой он давно завесил все свои мысли.

Он понимал, что становится невозможным вести это чисто прагматичный и страшный в своей логике разговор. Испытывая жуткое давление от взгляда её синих бездонных глаз, он сконцентрировался и, сделав правильный выбор, не подав виду, переключил разговор на практическую тему. Этот приём был единственным в цепи логических предложений, сформированных им самим в саморазвивающейся программе синтетического сознания.

– Ты хочешь, чтобы я изменил график, отказался от роста органических тканей, уничтожил всю флору и полностью сконцентрировался на синтетике? Закончил структуру тканей?

Она смотрела на него: «Ты понял мой вопрос, но не ответил на него».

Он помолчал несколько секунд, отчужденно думая о чем-то. Словно отмечая прогресс роста её интеллекта.

– Хорошо. Мы исключим органику. Но это меняет весь мой план.

– В какой его части?

– Если я закончу всё в синтетике, нам сложно воспользоваться транспортом. Жить просто в городском массиве или на побережье будет нельзя. Купальная программа на курорте исключена. Придётся принять их предложение. Синдиката.

– Я уверена, всё получится.

– Надеюсь, – он устало кивнул, полностью отдавшись безысходному чувству растерянности и тоски. – Я сделаю это для тебя.

– Не смотри на меня так, – попросила она. – Ты – самое дорогое для меня. Я хочу всего, что имеет каждая женщина. Ты сам дал мне это чувство.

– Да. Я дал тебе его.

– Ты же не хочешь, чтобы я была такой? – она повернулась к нему спиной и показала на сервоприводы, прикрытые трусиками.

– Какой? – он устало сел на кресло.

– Некрасивой.

Он опять внимательно и грустно посмотрел на неё.

– Ты красивая, Элиз. И всегда была.

Она подошла ближе и обняла его седую голову. Тихо прожужжали сервоприводы. Еле слышно. Но так, чтобы вызвать зубную боль у всего живого.

– Я тебя очень люблю, – сказала она.

– Я тоже, – ответил он, удерживая её руку. – И сделаю всё, чтобы быстрее ты была восхищена собой.

– Я знаю. Не будем сейчас ссориться. Всё не важно. Ты прав. Кроме того, что мы вместе, – улыбнулась она, смотря вверх его головы. Она смотрела на своё отражение в зеркальной поверхности металлического стеллажа, удерживая его голову, как футбольный мяч и прижи-

мая к своей груди. Он не шевелился, утопая в этом тепле и умиротворении, даря себе секунды покоя.

Её голубые глаза горели чётко и ясно, она словно смотрела вдаль.

– Свари кофе, – глухо попросил он.

Опустив его голову, она присела перед ним на корточки, смотрела снизу вверх, улыбалась улыбкой, которую он обожал и так долго моделировал.

– Как обычно? – кокетливо спросила она, взмахнув длинными ресницами.

– Да, – он погладил её по волосам. – Пожалуйста. Нужно будет работать.

Элиз ушла из комнаты, шлепая ступнями по кафелю. Её шаги стихли в коридоре. Он прислушался к звукам из маленькой кухни и задумался. Его беспокоили воспоминания. Эдвард потер увлажнённые глаза, и рука сама потянулась к ящику стола. Он достал из-под папок фотографию в тонкой рамке и поставил на стол. На ней была женщина с черными волнистыми волосами, спадающими ниже плеч. Она улыбалась и, обернувшись, смотрела в сторону камеры, которая выхватила мгновение её жизни и сохранила навсегда такой бодрой и счастливой, как в тот момент, когда он решил её сфотографировать в один из солнечных сентябрьских дней на крыльце их дома. Он молча смотрел на старую фотографию. Её карие глаза смотрели прямо на него и были полны любви и счастья.

– Элиз, – прошептал он, пальцем проведя по снимку.

– Ты же обещал, – раздался резкий возглас.

Он обернулся. Она стояла в проеме двери и глаза её гневно горели. Она держала чашку кофе и вся тряслась от возмущения.

– Послушай, я... – он быстро убрал фотографию в ящик. – Ты не понимаешь.

– Я не понимаю??? – она не могла подобрать тембр голоса.

Он встал из-за стола и сделал шаг к ней навстречу, но она сама стремительно подошла и так поставила горячий кофе, что часть расплескалась по столу, коричневыми пятнами расползаясь по бумагам.

– Ты говорил мне, что больше не будешь этого делать. Что никогда не будешь сравнивать. Что мы полностью доверяем друг другу и будем хранить только то, что есть сейчас.

– Да, Элиз, ты должна понять.

– Я не могу и не хочу понимать, как ты делишь и режешь меня на части и не там, – она гневно указала на стол.

Он с отчаянием покачал головой.

– Только не так, Элиз.

– Ты режешь меня здесь, – она указала на свою грудь. – Ты не можешь понять. Не хочешь этого понять, – повторила она несколько раз. Закрыла лицо руками.

– Как же ты жесток!

– Я люблю тебя.

– Нет, – воскликнула она и сжала кулаки. – Нет, ты любишь именно её.

– Ты – это и есть она.

– Только в этом дело? – она показала на колбы с органикой.

Он поднял руку, но она отступила назад.

– Как же мне тяжело. Как мне хочется расплакаться.

– Элиз, это просто фото и пустяк. Ты должна правильно оценивать состояние. Это не тот случай. Ревновать нет смысла. Нужно сделать поправку в алгоритм...

Она убрала руки от лица и гневно посмотрела на него синими, полными боли глазами.

– Послушай Элиз...

– Нет, это ты послушай, – она напряглась сдерживая раздражение. – И не списывай этот разговор на предменструальный синдром. У меня не может быть месячных. Ты, как мужчина, награди меня влагилицем, но без всяких аргументов не повысил мой модуль самооценки.

Это уже по-настоящему эгоистичный мужской подход. Используя свои критерии оценки поведения женщины, оставил в моём сознании только круг стереотипных возражений. И если ты не хочешь, чтобы я стала называть тебя Создателем, будь добр, побеспокойся насчёт расширения функций и вариантов ответов, чтобы я могла отстаивать своё мнение, как и подобает женщине, которую ты когда-то любил.

Вздрогнув от слова «Создатель», он виновато смотрел на неё и хотел возразить.

– Я и сейчас тебя люблю, Элиз.

– Да, – страшно ответила она, и за этим спокойным голосом физически чувствовалось пламя. Он слушал её и видел, как слова вылетают из её губ, но оценивал только модуляцию и автоматически синхронизировал это с частью кода которую сам написал. С одной стороны, как биоинженер он восхищался работой программы, с другой стороны, как мужчина, не хотел, чтобы она чувствовала себя униженной. Ему было тяжело. Она видела это и не жалела.

– Да, – повторила она. – И я тебя люблю. И прошу уважать моё мнение.

– Не выдавай это как требование. Есть факт...

– Факт? Это моя жизнь! – она прищурилась и сложила руки на груди. – Ты сейчас поиздевался надо мной?

– Нет, дорогая, нет, – он слишком поспешно подошёл и хотел её обнять, но она отстранилась.

– Ты только что не принял мои слова всерьёз, – сказала она. – А я принимаю всё, что ты произносишь, к сведению. Испытай это. Послушай, что я говорю. И не будь таким.

– Каким? – переспросил он.

– Эгоистом и собственником. Не убеждай меня в том, что ты тот, кто лучше понимает, это и стыдно, и неразумно. Принять, что ты прописываешь в моём модуле саморазвития. Ведь это уже не любовь, а только твоё желание делать то, что ты готов получить в итоге. Сексуальную, молчаливую домохозяйку.

Он отошел от неё, и устало сел обратно в кресло.

– Ты права. Я выполню твою просьбу. Прошу, прости. Я не хотел тебя обидеть.

Она резко повернулась.

– Я тоже тебя прошу. Если мы собираемся сидеть здесь так долго, побеспокойся, пожалуйста, по поводу одежды. Я не хочу расхаживать здесь в одних трусах. Тем более в данной ситуации.

Он виновато оглядел её с головы до ног. Она стояла, отвернувшись от него, и смотрела на колбы, в которых бултыхалась густая жидкость.

– Пей свой кофе и не обожгись. Я пошла спать.

– Элиз...

– Оставь, Эдвард, не сейчас, – спокойно ответила она и поежилась опять от холода, который гулял у неё внутри. – Сейчас мне дико одиноко и холодно. Ты должен начать процесс повышения уровней моего сознания. Когда мы начнём следующую ступень?

Он болезненно поморщился от её слов и упрекал себя вообще за весь разговор.

– Если мы пойдём по другому пути и не будем ждать органические клетки, которые мы можем использовать для кожи, нужно начинать сотрудничество с синдикатом. Да, они помогли нам бежать. Это была плата. Но мы можем исчезнуть. Я не буду передавать им данные. Они останутся довольны и тем, что я уже отдал тогда. Пойми, Элиз, я хочу сделать так, как будет лучше для нас....

В этот момент настойчиво прозвучал сигнал внешнего вызова. Они оба обернулись к столу и, забыв о разговоре, тревожно переглянулись. Эдвард подошел и сел за монитор. Зелёный сигнал на пульте настойчиво мигал. Камера черным глазком смотрела на него. Он неуверенно протянул руку и нажал на клавишу.

– Входящее сообщение, – уведомил голос.

– Привет, – помахал рукой мужчина в халате на мониторе. Он поправил очки и прищурил умные глаза. Потом почесал густую бровь.

Элиз расслабилась, услышав голос, и взглядом подала знак, что не будет подходить к камере.

– Это запись, – предупредил её муж. – Не бойся. Какого чёрта только Цибион решил связаться?

– Эдвард, как твои дела? Мы давно не говорили. Знаю, что ты занят и даже не уверен, что ты сразу согласишься на запись. Я крайне рад буду с тобой пообщаться, но и сам постоянно в делах. Ты, надеюсь, здоров и не один. Как и всегда, старый проныра, умеешь создать фон славы. Тут уж теперь ты – звезда. Не будь снобом, отправь пару сообщений на наш секретный ящик. Я ловлю себя на мысли, что ты мог забрать всю славу для себя. Страшно хочу узнать о прогрессе материала, который подготовил. Понимаешь, чего это стоило? Поделись хотя бы тестами. И да, ты всё такой же «гик». Падкий на красоток. Не потей. Надеюсь, увидимся.

Цибион хихикнул. Он был расслаблен и счастлив. Помахал рукой и исчез.

Элиз, смотря на экран, по инерции помахала также ему рукой.

– Он мил. Разве ты не отправлял ему сообщений?

Эдвард откинулся на спинку стула. Он был встревожен.

– Нет. Мы договорились только на крайние случаи.

– Ты не ждал Цибиона?

Он встал и подошел к панелям, быстро переключил несколько блоков.

– Элиз, всё, что было, – забудь. Он помог нам не ради новой встречи. Он всё понимал.

– Вы дружили больше 30 лет.

– Да, и именно поэтому мы здесь, а не у военных в руках. У них для этого есть всё. Он сделал это ради нашей дружбы и ради тебя... тут что-то не так.

– Ты подозреваешь его? Это невозможно.

– Нет. Он что-то хотел сказать и поэтому пошел на риск через внешний канал. Он знал, что мне поможет синдикат. Но тут другое.

Закончив перенастройку, Эдвард вернулся за стол. Нервно кашлянул, быстро вводя данные через клавиатуру. Она нахмурилась, смотря, как он подключается, настраивает сеть для дешифрации.

– Что ты делаешь?

– Ищу файл.

– Какой?

– Который он отправил для нас.

– Разве он не просто переслал его сейчас.

Эдвард поморщился:

– Конечно, нет. Это просто невозможно.

– Всё это странно.

– Да, – ответил он, напряженно вглядываясь в экран. – Именно не логично. Чтобы не было так очевидно.

– Но что тебя беспокоит? – переспросила она недоуменно.

Он промолчал и замер, всматриваясь в экран.

– Потому что Цибион знает, как я ненавижу со студенческих лет, когда они называли меня «гиком». Последний раз я слышал от него это слово лет 25 назад.

Он ещё раз щёлкнул по клавиатуре и посмотрел на неё. Она перехватила его тревожный взгляд и тоже посмотрела на монитор. Один из найденных файлов проходил дешифровку, и как только шкала достигла 100%, на мониторе запустилось видео.

Лицо Цибиона было перекошено, он задыхался от бега, в камере мелькала какая-то тёмная улица. Он то и дело подбрасывал на плече рюкзак и дергал козырек кепки, надвинутый на самые глаза. Страх и отчаяние звучали в голосе.

– Они нашли вас. Немедленно уходите. Немедленно. И, Эдвард, это не военные... – Цибион говорил прерывисто, – это Предтечи!

3

На ночной улице было немногочленно. Шел дождь. Такси медленно курсировали по дороге и мигали зелёными маяками, собирали клиентов из баров. На зданиях вдоль дороги кричащие голографические вывески зазывали к себе всех жаждущих хорошо отдохнуть и утопить время в стакане.

Разноцветный калейдоскоп огней, отражавшийся в мокром темном асфальте, вереницей уходил вдаль через многие перекрестки. Здания нависали друг над другом и казались пустыми на фоне этих красок.

Было давно за полночь. Редкие прохожие, как правило, пьяные, сновали туда-сюда через дорогу, мешая такси. Им всё равно было, куда идти. От одной двери до другой. То и дело сквозь шум дождя, доносился смех или вопль. Раздвигались двери, подкатывало такси, грузилась компания с весёлыми голосами и снова улица уходила в спокойствие.

Под фонарным столбом стоял мужчина и провожал взглядом проезжающие машины. Капюшон непромокаемой куртки был поднят так, что свет не падал на лицо. Только пара внимательных глаз блестела в тени. Руки в карманах были сжаты в кулаки. Переминаясь с ноги на ногу, он ждал. Капли дождя сползали по куртке на штаны с накладными карманами и, повиснув, падали вниз под толстые подошвы ботинок. Он был один и стоял на одном месте, не прогуливаясь. Рядом высился почтомат. Бесконечная реклама крутилась на сенсорном экране, зазывая отправить всё что угодно хоть на Луну.

Рядом из бара буквально вывалилась парочка женщин. Они вылетели через двери и остановились, переводя дух. Громкая музыка разнеслась вокруг. Жесткое техно, от которого мужчина вздрогнул и обернулся на них. Двери бара закрылись и отрезали все звуки веселья.

Женщины, захохотали, шатаясь поддерживали друг друга, цокая каблуками и осмотрели улицу, словно впервые здесь оказались. Они заметили фигуру под фонарём, и, одна, вихляя ногами, удерживая курс прямо, подошла поближе.

– Привет, красавчик, – пролепетала она. – Как поживаешь?

– Неплохо, – буркнул он.

– Кофеиновой палочки не найдётся? – девушка, кокетливо улыбаясь, пыталась устоять на высоченных каблуках.

Он осмотрел её с головы до ног.

– Нет. Это вредно.

Она закатила глаза и комично пожала плечами, передразнив басом: «Нееет... это вредно». Сделала шаг к нему поближе, обдавая его диким смешением запахов кофеина, алкоголя и чего то липкого.

– Может, есть что посильнее кофеина? – сказала она, растягивая слова и икнула. – Ой, – прикрыла ладонью рот. – Извините.

Её подруга засмеялась. Он молча смотрел, не отвечая на вопрос.

– Адьос, амиго, – сказала женщина и, повернувшись на каблуках, пошла, демонстративно виляя задом. Они, взяв друг друга под руки, передразнили его и пошли по улице, не обращая внимания на дождь. Мужчина проводил их взглядом и опять уставился на проезжающие мимо машины.

Звонок с браслета заставил его вздрогнуть.

– Через квартал, на север, бар «ТРОЯ», у чёрного входа. Спросишь Брайна.

Поправив капюшон, мужчина посмотрел по сторонам и пошел по улице в указанном направлении.

Люди гуляли вокруг, веселились. Бары засасывали посетителей и выплевывали переработанные, наполненные алкоголем и кофеином, тела. Ночь не проходила даром ни для кого. Он

торопился, пару раз обернулся, чтобы посмотреть идёт, кто-то следом или нет. Метров через 500, не выделяясь среди прочих, светилась надпись «ТРОЯ» с изображением древнего война, оскалившего в атаке свой перекошенный рот. Он мельком пытался рассмотреть, что происходит внутри заведения. Черная световая пленка на витраже скрывала всё. Только реклама и его отражение. Изнутри доносились звуки музыки. Мужчина свернул на дорожку, которая огибала здание. Освещенная улица осталась за спиной. В этом переулке слабо горели огни. На стенах торчали несколько диодов, освещавших контейнеры, и поднимался из люков пар. Ботинки громко шлепали по мокрому асфальту. За углом он опять обернулся и осмотрелся. Никто его не преследовал.

За зданием у грузового пандуса послышалось несколько голосов. Мужчина остановился от неожиданности. Среди ящиков и боксов с отработкой и мусором стояли какие-то люди. Сзади из тени вышли двое, преграждая путь назад.

– Кого-то ищешь, приятель? – спросили у него.

– Гуляю, – глухо ответил он.

– В дождь? Ошибся адресом, чувак.

– Что вам нужно? – спросил он с волнением. – У меня здесь встреча.

Трое подошли спереди.

– Да ну, – сказали ему с издевкой.

Они стали приближаться. Мужчина огляделся, но не увидел возможности хотя бы переместиться, чтобы прикрыть спину.

– Что вам нужно? – повторил он.

Один, самый высокий, сказал злобно.

– Конечно, приятель. Как и всегда. Только лишь гуляю.

– Это действительно так, – ответил он, сдерживаясь, чтобы сразу не ударить по наглой роже. – У меня здесь встреча.

– Ну да. С Санта Клаусом? Ходите отлить здесь и ширнуться... только мы не эльфы.

Они засмеялись. Мужчина стоял и только смотрел на них, переводя взгляд с одного на другого.

– Придется тебя заплатить за возможность отлить.

– Я...

– Тут мы решаем... я... – передразнили его. – Теперь только так будет. На вас, ублюдков, не напасёшься.

– Ты что, и бумагу ему выдашь, Бро? – поржал один из парней.

– Так подотрется. Или пусть в штаны гадит. Или ты уже обделался?

Мужчина сделал шаг назад под их напором. Но тот, который стоял сзади, легонько толкнул его в спину.

– У меня есть код, – сообразив сказал мужчина, – есть код.

– Да? – передразнили его. – А у нас есть вот это.

Трое вытащили из-под курток пистолеты. Один за другим. Тот, что был справа, поднял оружие, и зелёный целеуказатель точкой начал гулять по лицу, ослепляя мужчину лучом.

– Как? Уже не охота гулять здесь? Или ещё больше захотелось?

– У меня есть код, – сообразил мужчина.

– Что ты там бормочешь, а? Повтори ещё раз.

Мужчина медленно вынул руки из куртки, поднял их.

– У меня нет оружия. Код 4087.

– Какой нафиг код? Ты свои какашки по коду оставляешь, что ли?

К нему подошли и приставили ствол к голове, быстро сдернув с его головы капюшон.

Сзади кольнули острым лезвием в спину.

– Как тебя зовут, приятель?

– Кат, – стараясь сдерживать дыхание ответил мужчина, удерживая руки в поднятом положении.

Его бесцеремонно обыскали.

– Ясно, Кат. И деньжата есть, приятель Кат? Найдётся пара криптов?

Он судорожно сглотнул.

– Берите бумажник. Но мне нужно быть здесь.

– Да неужели?

Высокий убрал оружие от его головы и коротко кивнул тому, кто стоял сзади. Мужчина почувствовал, как резко ему сдавили шею и быстрым движением надели мешок на голову, затянув шнур вокруг шеи. Поднятые руки дернули с силой и быстро сцепили за спиной. Его крепко удержали, когда он только попытался вырваться.

– Проверь его, – прозвучала короткая команда.

Сквозь ткань мешка ничего не было видно. Только по звуку пискнувшего сканера он понял, что они что-то ищут. Бумажник, лежавший в кармане штанов, никто даже не пытался вынуть.

Сканер издал тревожный сигнал.

– Чёрт. Что-то есть.

– Где?

– В ботинке.

Его повалили на землю подсечкой. Мужчина упал, ударившись по инерции головой об асфальт. Левый ботинок сорвали с ноги. Раздался треск кожи разрезаемой ножом.

– Жук.

– Твою мать.

Ката резко подняли на ноги, и он почувствовал, какой холодный асфальт ногой без ботинка. Носок моментально промок и прилип.

– Ты труп, приятель, – сказали ему на ухо.

Раздался треск шокера, и он почувствовал дикую боль во всем теле, на секунду потеряв сознание. Темнота стусилась, и звуки провалились в вязкую тину. Казалось, орёт во всю глотку, но из губ вырвался только стон. Безвольно повисшую фигуру подхватили под руки. Из проулка, взвизгнув колесами, въехала машина. Один из парней открыл дверь, и Ката быстро запихнули внутрь. Несколько человек сели в машину, двое остались у пандуса. Автомобиль сорвался с места, вырулил на основную дорогу и уехал.

Сколько продолжалась поездка, Кат не понял. Восстанавливаясь после удара током, вяло соображая, только урывками ловил звуки и короткие обрывки фраз. Не осознавал полностью происходящего. Нервная система, испытав шок удара, приходила в себя. Может, через десять минут, может, через час он почувствовал, что сидит на стуле. Мышцы вяло реагировали, он никак не мог сесть вертикально. Уронив подбородок на грудь, полуприкрытыми глазами смотрел сквозь темную ткань мешка, соображал, какая тёмная сегодня ночь. Вокруг ходили люди. Шаркали ногами. Медленно сознание восстановилось, он пришел в себя. Сел ровно, судорожно сглотнул и замычал. Шнур на шее давил и душил. Кашлянув, он закрутил головой.

– Очнулся, – сказал кто-то. – Снимите-ка с него мешок.

Первое, что он увидел, – яркий свет. Зажмурился от рези в глазах. Веки плотно сомкнулись, и по мере привыкания он стал рассматривать обстановку вокруг.

– Кто вы? – хрипло спросил он. – Что вам нужно?

– На самом деле важно, что нужно тебе.

Кат стал различать фигуры, которые стояли, скрываясь за светом. Они четко видели его, привязанного к стулу, но он не видел ничего, кроме силуэтов. Различив стол и какие-то стеллажи, осознал, что сидит в каком-то помещении без окон.

– Время вопросов, Кат, – сказал голос. – Так тебя зовут, верно? Готов отвечать? От этого зависит, будешь ли ты жить или нет.

– Готов, – хрипло ответил Кат, облизывая сухие губы. – Дайте воды.

– Чуть позже. Мёртвым она не нужна.

– Что вы хотите знать? – спросил Кат у тёмных фигур.

– Ну, в первую очередь, зачем тебе это.

От стола прилетела металлическая кнопка и, блеснув в свете, упала ему на штаны.

– Знаешь, что это?

Он кивнул: «Да, знаю».

– Это жук, – ответили ему. – Точка на карте. Место, где тебя можно найти? Например, чтобы привести полицию или ещё кого-нибудь... Предтечи, например.

– Кого-нибудь... – повторил Кат. – Я не из полиции и уж точно ненавижу Предтечи. Я просил их помочь, мне отказали, и вот я перед вами. Зачем мне ещё встречи назначать? Не думал, что вы так клиентов встречаете. Шокером.

– И зачем тебе это? Зачем ты нам хочешь доставить проблем, а себя лишит жизни?

– Потому что я боялся.

– Кого? Нас?

Кат ухмыльнулся, понимая, что сейчас идёт проверка. Он сел поудобнее.

– Неизвестно кого. Всё слишком сложно устроено. И непонятно, кто тебя ведёт. С кем будет сделка.

– А как ты хотел? С открыткой и приглашением?

– Но не так, – помахал он головой. – Не пистолетом в лицо.

– Хм. Ты ставишь свои правила, даже не осознавая риска. Ты сидишь связанный сейчас здесь и должен правильно ответить на вопрос. Зачем тебе это?

– Для моей жены, – хрипло ответил Кат. – Для неё. Она меня попросила.

– И зачем?

– Потому, что она не верит всему, что мы затеяли. Она не хотела, чтобы я исчез и оставил её одну.

– Ну, к этому наоборот всё и идёт.

Кат сел прямее и подвигал руками. Они были крепко пристёгнуты.

– Мне нужен был жучок, чтобы она смогла найти меня. Больше никто об этом не знает.

– Мы можем спросить и у неё? Хочешь этого?

– Нет. Я сказал правду, – в его глазах мелькнула тревога. – Я пришел сюда по приглашению.

– Именно поэтому ты ещё и жив, Кат, – сказал человек за столом. – За тебя поручились люди. Хорошие люди. И ты назвал правильный код. Только не надо было совать жука в ботинок. Это было ошибкой.

От стола прилетел разрезанный ботинок и шлепнулся рядом со стулом.

– Я понимаю, – удрученно сказал Кат, – но поверьте, мне важно решить одну проблему. Это для меня сейчас важно. Если не я, так пусть моя жена станет покупателем. Она будет более благоразумна.

– Доверие, Кат, это важнее в нашей деятельности. Люди часто исчезают. И в большинстве своем просто по глупости. Здесь не просто вопрос безопасности. Здесь важно доверие. Вникаешь?

– Да, – он кивнул и опять судорожно сглотнул. – Спасибо. Прощу прощения. Надеюсь, я не испортил всё?

За столом посовещались. В несколько секунд решалась простая задача, убить или нет. Просто и без компромиссов. Убирая все концы в воду. Он надеялся на благоразумие. Только

сейчас осознавая, как он мог разрушить всё, холодел от ужаса. Можно запросто исчезнуть из этого подвала без всяких следов. Никто никогда его не найдёт.

– Дадим тебе шанс, – ответил голос.

Кат выдохнул.

– Надеюсь, время не зря потрачено, и ты знаешь цену.

– Да, – хрипло ответил он. – Прошу воды.

– Развяжите его. Твой жук – просто фигня. Одноканальная дрянь. Он не пробивает стены и легко нейтрализуется глушителем. Будь ты немного поумней, не брал бы это дерьмо вообще, чтобы не валяться в мусорном баке с дыркой в башке.

Свет, направленный в лицо, отключили. Зажглись лампы на потолке. Он увидел нескольких человек рядом со столом, на котором стояли мониторы. В кресле сидел негр и смотрел на него. Ножом сзади разрезали пластиковые наручники. Кат почувствовал, как с запястьев отлепили датчики, которых ранее он не заметил. Перехватив его взгляд, темнокожий человек повернул к нему экран, на котором была показана диагностика.

– Правильные ответы, Кат. Ты не лгал. Спасибо. Нам надоело отмывать кровь с пола, – человек показал на лоб и перевел взгляд на рядом стоящего негра. Тот не отрывал взгляд от Ката. А он смотрел на короткий автомат, висевший у негра на груди. Он заметил ещё несколько пистолетов, торчащих у людей за поясами.

– Нам незачем врать друг другу, – сказал он.

Ему принесли стакан воды, который он выпил жадно и чуть ли не захлёбываясь. После пригласили сесть ближе к столу. Пока можно было осмотреться. В большом помещении было тихо. Одна единственная дверь в глубине была закрыта. Они, видимо, находились в подвале. Ящики и какие-то контейнеры высились вдоль стен. Часть из них была распакована. Кат увидел пластиковые пакеты, плотно упакованные. На них стояли коды отправки на разные континенты. Аппаратуры было много. Источники питания громоздились пирамидой. Сверху через перекрытие приходил кабель, видимо от зонда, расположенного на улице. Возможно, на крыше. Пара людей сидела за мониторами за соседним столом. А главный, этот темнокожий, что вел допрос, сидел за тремя мониторами и периодически, что-то менял на сенсорных дисках управления.

– Итак, – спросил он, когда Кат сел ближе к столу и потирал запястья. – Что искал в этом мире, Кат?

– Могу быть уверен, что по адресу обратился?

Темнокожий кивнул.

– Меня зовут Брайн, – поднял руки в стороны. – Время чудес, Кат!

На чудесное место захламленный подвал, в котором было полно хмурых негров с оружием, совсем не походил. Ещё раз оглядевшись, Кат сказал:

– Нужна операция...

– Не смотри вокруг. Тебя привезли не в офис только из-за жучка в ботинке. Операция нужна тебе? – спросил Брайн. – Судя по показаниям датчиков это нам стоит себе что-то подлечить, настолько ты здоров, – ухмыльнулся негр.

Его приятели надменно улыбались. Двое стояли чуть сзади Ката и не сводили с него глаз. У высокого негра с автоматом палец лежал на спусковом крючке.

– Нет, моей дочери.

Брайн перестал улыбаться и внимательно стал слушать.

– Она больна, – продолжил Кат. – Врачи дают немного времени, – он судорожно сглотнул комок, подкативший к горлу. – Её зовут Карина.

Пошарив в кармане, он достал бумажник, вынул и показал фото. На нём девочка лет восьми держала в руках плюшевого кота и улыбалась.

– Рак, – глухо сказал Кат и убрал фотографию. – Ничего не помогает. Остается только одно – G.A.N.Z.A.

– Серьезный шаг.

– Я знаю. Мы решили. Пусть будет так.

– Надеюсь, не надо объяснять, что это предметный разговор? Никаких консультаций.

– Да. Мы узнали достаточно, прежде чем обратиться к вам.

– И ты, – направил на него палец Брайн, – и твоя жена понимаете цену?

– Мы соберем деньги.

– Я не об этом, – негр откинулся на спинку кресла и внимательно несколько секунд разглядывал данные на мониторах. – За тебя поручились, Кат. Я о другой цене. О шансе твоей дочери быть с тобой или исчезнуть навсегда.

Тот кивнул и смотрел на направленный на него палец.

– Мы понимаем риск.

– Я думаю, не совсем, – Брайн облокотился на стол, – это 89%, Кат. Всего 11 долбаных процентов минус, но это жизни. Мы работаем над этим, каждый год риск уменьшается. Информация добывается по крупницам. наших людей ловят и пытаются, как мух. Но в итоге всё развивается, прогресс делает своё дело, и мы движемся. Вероятно, скоро сможем давать не 10 лет, а 20 или 50.

Кат ухмыльнулся.

– Прежде чем идти на это, мы поняли все свои шансы. И знаем тех, кто решился на операцию и при 80% успеха.

– Ну, технологии всё время развиваются. Но ведь это ещё не всё.

– Я знаю, что за отдачу нужно платить. Придётся уехать и ставить чип код.

– Да. Вам нужно будет уехать. И желательно на другой материк. Сейчас здесь начинаются проблемы. Ты же знаешь, с колоний всех согнали.

– Мы хотели уехать к другим. Это возможно?

Брайн нахмурился и посмотрел на своих помощников. Они переглянулись.

– Вероятно, с этим сейчас будет проблема. Надеюсь, ты понимаешь, что сейчас объявлена миссия. Операция искоренения еретиков... смотришь стерео? Все, кто установил G.A.N.Z.A. не по лицензии Предтечи, – вне закона.

– Да, – Кат кивнул. – По стерео говорят каждый день. Со всех каналов. Избавление общества от синдиката, преступный мир, манипулирующий людьми за интеграцию G.A.N.Z.A. Сотни погибших после неудачных операций... Но кто дал право решать, будет жить моя дочь или нет? Предтечи? Мне плевать на всех. Лишь бы она была жива.

– Время чудес, – усмехнулся Брайн и опять поднял руки, как весы, отмеряя свои слова. – Мы не можем в перспективе отправить вас в поселения колоний. Сейчас операция проходит по всему континенту. Что будет дальше, мы не в силах предсказать.

– Но есть же способ?

– Конечно, есть, и это всё входит в сумму, которую нужно уплатить.

– Мы готовы.

Брайн поднял руку.

– Не торопись. Даже если операция пройдет удачно, вариантов немного. Либо мы ставим фоновый код, и она спокойно ходит в школу, растёт, в случае необходимости пройдет все тесты, например, у врача и сможет продлить лицензию, либо... код не пройдет. Может, они усилят защиту или что-то ещё. Тогда нужно полностью углубиться в зону отчуждения. Прервать всю свою размеренную жизнь. И уходить очень быстро. Быть подальше от цивилизации. А она будет носить линзы и желательно поменьше появляться в местах скопления людей. Аэропорты, вокзалы. И потом не забывай. Только 10 лет. Увы...

– 10 лет, – повторил Кат. – Целых десять лет жизни или она умрёт через два месяца. Мы решили. И меня не стоит убеждать.

Кат смотрел на темнокожего дельца с разочарованием.

– Кому как, – Брайн пожал плечами. – У всех свои меры весов, – он опять поднял руки. Ты не из первой сотни, с которым я лично беседую и надеюсь не с последним клиентом.

– Теперь о бизнесе, – предложил Кат.

Брайн довольно усмехнулся.

– Ты не тратишь время даром.

– Считаю это лишним. У меня время истекает, она живет на инъекциях.

– Тогда к делу.

Брайн встал из-за стола и подошел к двум операторам, которые сидели за мониторами.

– Надеюсь, ты принес деньги.

– Да, часть. Как и было сказано.

– И никаких кредитов, – оценивающе посмотрел на него Брайн поверх мониторов. – Ты же в курсе?

– Да.

Кат встал и, встретившись взглядом с высоким, у которого автомат висел на шее, медленно растегнул молнию. Они следили за его руками, пока он стаскивал с себя куртку и свитер. В районе живота липкой лентой были закреплены 8 пачек крипто-валюты. Болезненно поморщившись, Кат оторвал пластиковые чехлы и достал оттуда тонкие пластинки. Пачки он положил перед Брайном на стол. Тот, не сводя глаз с денег, сел на своё место.

– Сколько?

Кат натянул назад свитер.

– Как было сказано, полтора миллиона. Остальное – после операции. Я подумал, что меня грабят.

– Мы подумали, что ты из полиции и подставной. Так что квиты.

Брайн взял один чек и, выудив откуда-то короткий карандаш сканера, прижал к поверхности. Мигнул зелёный огонёк.

– Извини, – сказал он, – привычка.

Жестом пригласил Ката сесть.

– Итак?

– Хоть какие-то гарантии? – спросил Кат. Эта сумма не упала мне даром. Я многое продал и влез в долги.

– И всё это ради жизни дочери, – подчеркнул чернокожий.

– Да, мы сделаем для неё всё. Но я хотел бы знать хоть что-то из того, что предстоит.

Брайн кивнул одному из своих, тот сгреб деньги в ящик, закрыл кодовый замок, и вышел из помещения через металлическую дверь. Кат проводил его взглядом.

– Сейчас выдадим тебе штрих-код и пеленг. Ты должен быть на связи.

– И всё?

– Гарантии от мистера Валиона. Тебе любой объяснит, что значит его слово. Проболтаешься, и ты – труп. И никакой операции. Оплачиваешь и молчишь, всё будет сделано на высшем уровне. У нас опытные врачи, которые не хотят работать у Предтечи по соображениям веры, – Брайн усмехнулся. – Не волнуйся, ты не первый в очереди. Нужно понять место и время операции. Процесс занимает около двух дней. Также важна диагностика. Это всё не быстро. Позвоним и вызовем тебя с дочерью. Уж точно не в это место.

– Как мы поймём, что пора?

– С вами свяжутся. Будет подготовлен безопасный проезд. Но предупреждаю, ни ты, ни жена не будете знать место.

– Надеюсь, нас не повезут в мешках?

– Увы, нет. Будь моя воля, я бы делал именно так. Только отсюда ты тоже поедешь в мешке и забудешь о разговоре до момента нашего вызова через браслет.

– И без денег, – подчеркнул Кат.

Брайн поморщился и обратился к своим.

– Почему все видят только плохое в возможности урвать немного чуда?

Кат осмотрел помещение, негров с оружием и пыльную паутину, свисающую с потолка.

– Потому, что вы не напоминаете волшебников.

– Правильно, – улыбнулся Брайн, – я лишь укажу тебе путь. Ты сам проверь, как глубока кроличья нора.

Он опять подошел к операторам. Один из них кивнул и, взяв из коробки браслет, приложил его к станции.

– Ну вот, кодировка есть, – сказал Брайн.

Он взял браслет и помахал им в воздухе.

– Как долго ждать?

– Ты нетерпелив, однако. Я же сказал – два дня.

– Моя дочь больна. Мне важен каждый час.

– С тобой свяжутся. Держи браслет на руке. Это твой ключ.

– Где это будет? Откуда мне знать, в какую сторону ехать с дочерью...

– Не будь кретином, – повысил голос Брайн. – Сейчас никакого места. Никто не отправит тебя на другой материк. И перестань тыкать своей дочерью. Мы и так знаем, сколько жизней спасли и ещё спасем. Ничто не дает таких чудес, как G.A.N.Z.A, приятель. Это – глобальное чудо. И деньги – это средство. Верь. Это Предтечи зарабатывают на этом послушников. Мы же, дарим надежду.

Закончив говорить, Брайн собирался вернуться к столу, но один из операторов схватил его за руку и ткнул пальцем в монитор. Он недовольно дернул руку так, что браслет упал на пол. Кат с тревогой посмотрел под стол куда тот закатился. Негр рядом с ним напрягся и, расставив ноги шире, крепче взялся за автомат. Все посмотрели на своего босса. Тот поднял ладонь, сдерживая неконтролируемые порывы и тревогу. Склоняясь, он рассматривал данные на мониторе, которые были не видны остальным. Кат, вытянув шею, искал глазами браслет.

Дверь резко распахнулась, и вбежал темнокожий парень, крикнув с порога:

– Внешняя передача.

– Вижу. Не ори.

Паника операторов стала ощутимей. Кат заерзал на кресле.

– Что случилось?

От него недовольно отмахнулись.

Негр в дверях ждал распоряжений.

– Они с ума сошли. Такой объем по открытому пеленгу.

– Заткнись, – ответил Брайн, – контролируй сигнал. Значит у них нет другого выбора.

– Слишком большой объем, мы не успеем, – сказал один из парней за столом.

– Качайте. Это что-то важное. Почему мы?

Тот, кто стоял в проёме, метнулся назад, оставив дверь открытой.

– Мы успеем скачать, но без гарантий, босс.

Брайн мельком глянул на Ката. Тот с тревогой смотрел, как они следят за показаниями на мониторах, и встал с кресла.

– Если что-то срывается, верните деньги.

– Спокойно, Кат. Небольшая проблема и никаких вопросов к нашей сделке.

В дверь опять забежал парень и крикнул:

– 10 минут. Забираем всё. Слабый сигнал и очень большой объем. Коды доступа от Сигмы—7. Красный протокол, – и снова скрылся.

– Зараза, – сказал кто-то. – Видимо, их здорово прижали.

Брайн разогнулся от стола и покрутил пальцем в воздухе. Все, как по команде, принялись за дело. Быстро принялись отключать оборудование и паковать вещи. Только один с автоматом не двинулся с места, наблюдая за Катом.

– Какого черта? – спросил тот.

Брайн сложил ладони и потер ими:

– Порядок, Кат. Наши друзья в зоне отчуждения испытывают трудности, и мы им помогаем. Но... – он предупредительно поднял палец... – дай закончить. Это никак не скажется на сделке. Операция будет. А данные нам только помогут.

– Когда? – спросил Кат настойчиво.

Брайн открыл было рот ответить, но в этот момент резко прозвучал сигнал. Он стал повторяться каждые несколько секунд. Операторы компьютеров с тревогой переглянулись.

– Мы в сетке. Нас пеленгуют.

Брайн воздел глаза к потолку:

– Твою ж мать. Дерьмо... Прости, Кат, тебе опять мешок на голову, и в путь. Мы сворачиваемся.

Ката грубо схватили сзади. Он отклонил голову от мешка, который ему хотели одеть на голову, и страшным голосом закричал:

– Браслет!!!

– Чёрт, – Брайн пошарил вокруг себя и, вспомнив, заглянул под стол, увидев валявшийся предмет, – держи.

Браслет сунули Кату в карман. Одели мешок на голову и быстро повели по коридору. Он не видел больше ничего, но слышал, как в соседних помещениях бегают люди и говорят на разных языках, собирают оборудование. Открылось несколько дверей на пути, спотыкаясь о выступы, задыхаясь от душного мешка, он быстро шел, подгоняемый в спину. Ему помогли подняться по лестнице, вывели, видимо, на улицу, он почувствовал свежий воздух. Подъехала машина, сели в неё и ехали минут 10, остановились резко, так что Кат ударился о переднее сиденье головой.

– Выходи. И не дури, парень. Сосчитай до 30 и сними тогда мешок. Оставь себе в подарок.

Кат вылез из машины на ощупь. Дверца хлопнула и шум мотора быстро удалился. Выждав положенное время, он сдернул мешок с головы, и первое, что увидел, были разводы смога на темном небе. Дождь уже не шёл. Нашупав в кармане браслет, он достал его. Так и стоял на пустынной улице, держа в одной руке чёрный мешок, в другой – браслет, единственную надежду на спасение своей дочери.

4

– В вашей жизни было когда-нибудь счастье, святой отец?
– Оно и сейчас есть. В молитве Господу. В благодати его.
– Это был не риторический вопрос. Я хотел услышать ваш мирской ответ. Был ли у вас праздник в жизни? Что это для вас? Смех детей? Радость подарка? Общение со своей семьёй?

Священник склонил голову и подумал:

– Это радость встречать каждый день, зная, что будешь нести слово Господне.

Высокий худой ксенон посмотрел на него своими синими глазами, оглядев с головы до пят, и опять повернулся к окну, сложив руки за спиной.

– Вы искренни?

– Конечно! Ведь это вера!

– Именно она привела вас сюда?

– И не только, – священник смотрел на его спину. – Просьбы прихожан. А что для вас, праздник?

Ксенон смотрел вдаль, сверху опуская взгляд на тёмный город. Они стояли в кабинете с панорамными стеклами на верхних этажах огромного стеклянного небоскреба и словно парили в небе, ведя беседу вровень с серыми облаками.

– Праздник для нас – это видеть возвращение к жизни тех, кто достоин получить её снова.

– Решать подобное может только Господь.

– Уверяю вас, сейчас мы можем не спрашивать у него позволения. Но ведь Его именем можно вдохновить на многое. Правда?

Священник нахмурился.

– Вы видели Бога? – спросил ксенон.

– Нет, – ответил пожилой мужчина. – Но это не важно. Главное – верить. Он есть.

– Вы говорите о вере, которая подкреплена только книгой, написанной очень давно.

Ксенон отошел от окна. В огромной комнате с ультрасовременным технологическим дизайном одна из внутренних стен была оформлена, как лунная поверхность, где за стеклом сияли в вакууме живые отблески звезд.

Он остановился перед стеклом так, что его дыхание касалось идеально гладкой поверхности, и смотрел на звезды. Его лицо было невозмутимо.

– Я верю в тех, кого ежедневно вижу со слезами радости. Обнимающих своих родных. Любящих жизнь.

Священник покивал и сказал:

– Вы делаете благое дело. Но кто убедит в искренности ваших намерений?

– Вы несёте людям слово и укрепляете их веру. Даете надежду и направляете на путь, который считаете правильным. Берёте за это меньше и именно поэтому – это можно считать искренностью?

– Но вы же не отрицаете, что Он есть?

– Зачем? Потому что Он дал свободу воли? В остальном, нам всё равно.

Священник аккуратной поступью подошел к ксенону и стал немного сбоку и сзади. Они вдвоем смотрели на темноту с россыпью звезд. Пространственный эффект Млечного пути был потрясающим. Он заполнял всю стену, от потолка до пола. Созвездия и туманности мерцали величественным светом и среди них отражались две фигуры.

– Вы сказали о Боге так, как мог бы утверждать только человек, понимающий суть вещей. Для всего остального есть утверждение, что пути его неисповедимы.

– Оставьте проповедь, святой отец. В этом только уважение к вашему занятию и ничего больше. Мне незачем говорить вам о Боге и противопоставлять. Мы служим своей Церкви.

Отрицать её значение бессмысленно. Да, мы молоды и не можем похвастаться тысячелетиями пути. Но мы уже есть, и этого не отменить. А утверждать, что её влияние ничего не значит, просто глупо. Насколько вы можете признать факт существования нашей веры – ваше личное дело. Но вы – образованный человек и прекрасно понимаете, что в истории было немало примеров зарождения чего-то нового, в чём святая церковь видела угрозу для себя. Поверьте, нам действительно всё равно. На Земле достаточно религий и без нашего участия. Мы оберегаем лишь то, во что верим сами и не собираемся убеждать в этом других. Люди сами приходят к нам. Так же, как и вы, например.

Священник сделал несколько шагов в сторону, недоуменно потёр свой лоб и, повернувшись назад, сказал:

– Да я пришел с просьбой, но также и поговорить. Я крайне благодарен за нашу беседу. Она важна, в первую очередь, как для меня, так и для моих прихожан, в вере которых я часто наблюдаю сомнение. Они задают вопросы, на которые я не вправе давать точные ответы и понимаю, как сложно им верить в то, что они никогда не видели. Но Господь в их сердцах живет. Мы вместе решаем множество проблем, и главное – стараемся укрепить наш дух в периоды нужды и противоречий. Особенно это ярко видно в общении с молодым поколением, которое смотрит на ваше движение более, так сказать, предметно... отторгаются от мирской жизни... нарушают закон и полностью презирают правила уважения. Это неправильно...

Ксенон повернулся к нему и жестом пригласил сесть в кресло рядом с огромным каменным столом. Он сел сам и показал пальцем вверх.

– Это его стиль: дать веру, которая будет оправданием всех черных деяний, и списать это на человеческую слабость. Вы неправильно всё поняли. Отличная отговорка. Верьте в меня и следуйте сердцу своему в защите святынь. Идите на Восток и верните то, что вам принадлежит, сожгите город Иерусалим, убейте тысячи неверных... – я прошу прощения, если неправильно цитирую, но факт остается фактом. Целая череда чёрных деяний человечества превращается в реку крови, которая бурлит с чьим-то именем на устах.

Священник даже вздрогнул от такого сравнения.

– Это лишь история. В ней только уроки и тяжесть вины, но нет никакого утверждения, что сделано именно по Его указанию. Это люди.

– Я прекрасно понимаю, что за вопросы задают вам люди сейчас, – ксенон покивал головой. Почему именно сейчас, когда у каждого есть шанс спастись от смерти, церковь Предтечи утаивает этот дар от всех и преследует людей, своевольно использующих возможности G.A.N.Z.A.

– Я не совсем так слышу вопросы, – неловко ответил священник.

– Бросьте, святой отец, – махнул рукой ксенон, – это удобно. Удобно для всех, ввести оправдание своим суждениям, вывести во главу только деньги. Проще объяснить именно то, что желает каждый. Получить волшебным образом миллиарды криптовалюты по своей просьбе, молясь на крест.

– Нужно простить людям их слабость.

– Мы как раз так и не делаем. Не подводим каждого к зеркалу и не говорим: «взгляни на себя». Что делаешь ты для ближнего своего? Люди алчны, святой отец, и вы не хуже меня это знаете. Тысячи лет назад им дали надежду и назвали верой. Что они сделали с этим? Как поступили?

Священник промолчал.

– Может, это второй шанс поверить, что стало с верой для человеческого рода в желании достигнуть хотя бы малым числом надежды человечества на жизнь без смерти? Что сделают они, если получат G.A.N.Z.A в дар? Она дает все, но люди постоянно будут требовать больше. Им будет мало. Они быстро забудут, что G.A.N.Z.A. – это дар. Что будет твориться вокруг? Никто не скажет спасибо. Все будут говорить: «Дай».

– Именно поэтому вы установили такую цену за спасение?

– И не считаем это кощунством. Спасение не только для богатых людей. Человек отдает все ради спасения близких и делает это осознанно. Мы берем всё для спасения, оставляя малую долю для существования. Тот, у кого миллиарды, отдает всё и теряет не больше, чем мать, у которой просто есть только 1000, и она готова отдать всё для спасения своего ребёнка. Это мера для веры. Именно поэтому мы сначала видим в людях их намерения, а не размер их состояния.

– Но они идут на преступления ради этого! Вы заставляете людей отдавать всё и толкаете их к этому.

– Вспомните, что я вам сказал, святой отец. Они сами решают, как поступить. Не продавать свой дом, а идут грабить банк, оправдывая это тем, что Предтечи забирают у них всё. Поднимают своё знамя, как крестоносцы, чтобы оправдать свои деяния. Церковь Предтечи – не магазин и не банк. Мы храним то, что принадлежит всему человечеству, и поэтому всегда будем для таких людей плохими.

– Я не оправдываю тех, кто идёт на преступления. Но им так сложно найти другой путь.

– В 99% случаев – это не так. Просто не хотят. Они идут на это ради любви к ближнему? Какая разница в этом? Глобальная. Преступления есть и будут, и не мы способствуем росту преступности. Человеческая алчность. Мы – лишь назначаем цену жизни.

– Это заставляет искать альтернативу. Люди идут в синдикат, и он предлагает решение проблемы.

– Как и церковь преследовала всегда тех, кто решил молиться по своим правилам. Нести слово Господне. Разве не так, святой отец? Сколько сожгли людей на кострах, полыхавших в Европе? Темные времена. Нас беспокоит факт бесконтрольного использования G.A.N.Z.A., который называйте, как хотите, каким-то провидением, дан в руки человечеству. Это дар, а не подачка, и неразумно будет определять его, как вседоступность, с которой именно такие еретики, как синдикат, пытаются нажить себе состояние, губя жизни в результате неправильных операций. И мы будем стоять на страже G.A.N.Z.A. Оберегать его всеми доступными нам средствами.

– Вы жестоки. В простых решениях, жить или нет, и сколько нужно за это заплатить.

– Мы верим в человека больше, чем кто-либо, святой отец. В жизнь конкретного человека и в человечество. Так же, как и эти звезды, заполонившие Вселенную. Мы не претендуем на дары рождения. Это – чудо Господа. Но мы боремся с тем, что убивает людей, и стараемся следовать линии, которая оберегает человечество от неправильного использования этого дара преступниками, не осознающими всю глобальность данного открытия. Но я не склонен разубеждать вас или приводить аргументы в пользу церкви Предтечи. Мы уважаем все религии на этой планете. Нам просто нет дела до этого. Мы верим в человечество и человека, в жизнь и смерть.

– Пользуясь страхом, вы делаете просто бизнес, так же, как и синдикат. Вы похожи. Вы жестоки к тем, кто решил сделать выбор в сторону конкурентов.

– В целом вы правы. В одной руке мы держим меч правосудия и делаем это в рамках закона. Но мы ничего не решаем. Это делает правительство. 15 лет назад именно Сообщество наций вручило нам этот дар. Сколько было разговоров и требований? Колонии еретиков только росли. Новые решительные политики наконец-то приняли решение. Все еретики объявлены вне закона.

– Что вы сделаете с этими людьми?

– Святой отец, вы пришли ко мне с просьбой. Наша беседа интересна, но немного затянулась.

– Да, – священник покашлял, – простите. Я совсем потерял чувство времени. Вы правы, я тут ради просьбы, а не для проповеди. Тем более, вряд ли она вам нужна. Нет ничего пло-

хого в том, что есть всему своя цена. Только в моменты отчаяния не все правильно понимают путь, о котором вы сказали. В нашей церкви есть прихожане, которые, к сожалению, находятся в крайне затруднительном положении. Как материальном, так и духовном. И помочь им в решении проблем, конечно моя обязанность

– Вы уверены в своей просьбе?

– Конечно! У этих семей нет ничего, что можно было бы отдать. Они попросили меня похлопотать о спасении своих детей. У обеих семей девочки, 6 и 14 лет, которые смертельно больны. Эти люди регулярно посещают церковь, и я знаю их много лет. И они всегда следуют правилам, прописанным в Библии. Лишать их права на надежду я не счёл нужным, поэтому и пришёл.

Ксенон внимательно смотрел на него синими глазами

– Вы пришли просить за других, святой отец? И не испытываете никого желания задать им вопрос, почему они не сделали этого сами?

Священник пожал плечами.

– Я не могу смотреть на горе, от которого чернеют их души.

– Вот видите. Им проще принять этот дар только с ценником, который обеспечит спасение их детей. Они не слушают, святой отец. Не слушают нас, не слушают вас, они только просят и не хотят слышать отказ. Настолько ли им важно то, что они просят? Почему они не пришли сами и не попросили за себя?

– Я готов просить за каждого.

– Это – доброта. И она когда-нибудь погасит солнце. Вы сделали всё, что от вас зависело, святой отец.

Ксенон обернулся на дверь, словно почувствовал, что она откроется с тихим звуком и внутрь войдут двое служителей.

Священник поспешно встал.

– Могу ли я надеяться, что моя просьба не останется незамеченной?

Ксенон встал следом за ним и дал понять, что аудиенция закончена.

– Вы правы. Я постараюсь сделать всё возможное в ответ на вашу просьбу, но этим людям нужно самим сделать выбор и прийти в церковь Предтечи так же, как это сделали вы, просто попросить. Оставьте данные этих людей у моих помощников на входе в здание и скажите, что Кон Рерик убедительно попросил рассмотреть их вопрос, и мы свяжемся с ними.

Священник ответил легким поклоном и пошел к выходу.

Один из служителей пригласил его жестом и ждал у двери. На пороге святой отец обернулся. Главный ксенон стоял посреди кабинета и равнодушно смотрел ему вслед. Священник коротко поклонился и вышел. Тяжелая дверь закрылась за ним, отгородив странный кабинет и синие яркие глаза.

Ксенон, оставшись со служителями, пригласил их к столу. Его лицо стало холодным и жестоким. Он сел в кресло и молча ждал, пока они сядут напротив. Те сделали это с поклоном и невозмутимыми лицами. У всех троих были горящие синие глаза.

– Верховный Кон Рерик, – начал один из них, – есть новости.

– Я ждал. И очень надеюсь, что они хорошие. Мне здорово портит настроение этот священник.

– Не все, – ответил служитель. – Колонии на юго-западе ликвидированы. Организованное сопротивление рассеяно. Нет ничего, что помогло бы синдикату заявлять об особом статусе поселений и правах тех, кто там живёт. Бульдозеры сровняли последние дома час назад.

– А пресса?

– Все скрыть нельзя, но программа агитации работает по всем СМИ, общественное мнение резко разделено. Синдикат скоро забудут, как только всё будет кончено. Дебаты прекратятся.

– Мы закончили настройку волны, – сказал второй служитель. – Довольно данных, чтобы выводы стали более, чем обнадеживающими. Мод работает успешно.

– Прекрасно, – кивнул Кон Рерик. – Незамедлительно используйте первый круг кандидатов, который мы определили. Мы должны начать немедленно, совершенствуя передачу сигнала. Я надеюсь, что кошмары не заставят больше носителей совершать самоубийства.

– Эта проблема устранена, – склонил голову служитель. – Волна достигнет цели.

– Что плохого тогда принес нам день? – спросил Кон Рерик.

– Это сведения, что Прайс исчез.

Лицо Кон Рерика оставалось невозмутимым, но глаза сверкали молниями.

– Это в момент, когда мы почти получили его со всеми разработками.

– Увы, ему удалось бежать с секретной военной базы.

– И сведения верны? – переспросил Кон Рерик.

– Они шли слишком долго, – подтвердил служитель. – Но база «Заря» пока неприступна для наших агентов. Никто из политиков не может повлиять на высший командный совет. Удалось выяснить, что военные ищут его уже месяц.

– Они умеют хранить только собственные провалы. Вероятно, ему помогли бежать, – сказал второй. – Мы отправили на поиски две группы по всем имеющимся зацепкам.

– Это мог сделать только синдикат, – задумался Кон Рерик. – Значит, он дал им то, что они хотели.

– Военная операция в разгаре. Информация, скорее всего, была в одной из колоний. Искать её среди трупов бесполезно, они будут искать возможность сохранить её на носителях.

– Упрямец. Он с самого начала не хотел с нами сотрудничать. Теперь наверняка у них то, в чем мы нуждаемся больше всего, – сказал Кон Рерик. – Какой прок от волны, помогающей нам двигаться к цели, если те, кто принимает решение, будутдохнуть как мухи? И мы не вечны.

Служители склонили головы в покорности.

– Нам нужен человек из синдиката. Тот, кто является настоящим фанатиком, кто будет знать больше, чем предполагает сам.

– Последние группы могут быть уничтожены на днях. Они скрываются в горах. Полковник Тито не берёт пленных.

– Никто не должен уйти, – подчеркнул верховный ксенон. – Они не более, чем биологический мусор. Возможно, там будет кто-то важный для нас. Остальные... Они исчезнут, как пепел на ветру.

Кон Рерик задумался. Он склонил голову, словно переместился куда-то в своих мыслях.

– Этот мод в G.A.N.Z.A. откроет нам новые возможности. Вы должны искать и здесь, – сказал он, посмотрев в окно на здания мегаполиса. – Всё, что может подсказать, где находится Прайс. Отправляйтесь в центр военной операции и привезите кого-то из синдиката. Мы заставим его говорить. Нам нужен Прайс. Военные потеряли свой шанс. Один из создателей G.A.N.Z.A. должен быть наш. Мы должны опередить военных или не мешать им. Лучше, если они сами выведут нас на него.

5

В долине, в негустом лесу, прямо у грунтовой дороги, уходящей через холмы в горы, был организован временный лагерь для координации операции. Несколько десятков быстросборных помещений-контейнеров из термопластика и полсотни длинных серых палаток, полевых казарм. Стояли ряды машин для пехоты и броневика. За дорогой, на расчищенном от деревьев участке, были развёрнуты мобильные посадочные площадки для квадрокоптеров. Высилась навигационная вышка для телеметрии. Несколько летательных машин стояли с замершими винтами и открытыми люками. Мелькали фонари специалистов обслуживающего персонала. Доносился металлический лязг. Шла дозаправка и перезарядка. Часть посадочных площадок пустовала. «Птички» были в деле. Проблесковые желтые маячки по краям темных квадратов вяло вспыхивали, вертелись, вспыхивая ожидая возвращения машин, чтобы показать им место приземления.

Несмотря на ночь, лагерь жил военно-полевой жизнью. У палаток и контейнеров ходили часовые. Быстрым шагом, колоннами, перемещались солдаты под командой офицеров. Операция была в разгаре, поэтому темп боевой работы не ослабевал все последние дни. Подразделения техобслуживания ставили новые тарелки связи, машины-мехоруки таскали грузы. То там, то здесь доносились громкие команды, что-то шипело, стучало, сигнало. Отовсюду несло металлом, резким запахом термо-изоляции, машинами, потными телами и топливом.

В лагерь с дороги въехала колонна машин в сопровождении тяжелого транспортера и, съехав в кювет, остановилась у казарм. Солдаты спрыгивали на землю, офицеры подгоняли их. Одна машина, не останавливаясь, свернула в сторону контейнеров с тарелкой связи на крыше. Черная эмблема на двери одного из зданий указывала на расположение штаба. Туда сходились все линии управления. Машина, подъехав, резко затормозила у пропускного бокса, но ровно настолько, насколько было положено это делать перед командным пунктом. Сантиметр в сантиметр. Часовые у дверей хмуро смотрели на водителя. С переднего сиденья, слез лейтенант в хорошо подогнанной форме, чистой и выглаженной, что сильно отличало его от солдат и офицеров в полевом лагере. Дополняла прилизанный вид причёска с расчёсанными и уложенными волосами, чуть длиннее, чем нужно по уставу, но не настолько, чтобы вызывать гнев кресс-старшины. Ровно в точку, для вида бывалого служаки. Ну, или чтобы казаться таким. Лейтенант подхватил кепи, пригладил и без того зализанные волосы и, достав из кармана пропуск, аккуратно приклеил его на нагрудный клапан мундира. Он забрал из машины плоский черный скреп для файлов, и, только тогда захлопнув дверь, махнул водителю. Тот злобно посмотрел на него, так газанул назад, что пыль, поднявшись из-под колёс, быстро осела на припомаженных волосах офицера.

Часовые ухмыльнулись. Лейтенант, вроде и не заметив их реакции, проводил взглядом отъезжавшую машину, поворачивал языком, сплюнул заскрипевший на зубах песок, надел кепи, пальцем протер глаза.

Проверив у него документы, солдаты пропустили лейтенанта в штаб.

Когда за лейтенантом закрылась дверь, они с товарищем переглянулись:

– Очередной павлин из центра...

– Точно.

– А этот, видимо, водитель, терпел его всю дорогу.

– Оторвался.

Их повеселила сцена.

Лейтенант, зайдя в штаб, остановился, привыкая к полумраку. На улице было светлее. Здесь обстановка напоминала забитый коробками шкаф. С людьми в придачу. Везде провода и аккумуляторы, на столах и под ними. Проекторные линзы, передающие координатную сетку

геометрии зоны полётов, открытые металлические шкафы с наваленными боксами и торчащими файлами. Бронелаты, накинутые в куче в углу, криво висящий флаг Сообщества наций, кофемашина на бочке из-под концентрата, ещё какое-то барахло. Офицеры ловко маневрировали в бардаке узких проходов. Связисты, сидящие за аппаратурой, даже не заинтересовались тем, кто зашел. Мимо протиснулся офицер, лейтенант козырнул и открыл было рот, но тот прошел мимо, даже не подняв на него глаза от экрана планшета.

Рука лейтенанта, отдававшего честь, вяло поползла вниз. Он растерялся. Никто не обратил на него никакого внимания. Считая, видимо, что, если он здесь, – это важно и он знает, что делать.

В глубине помещения за нагромождением ящиков отсвечивал большой стол планирования операций. Расправив поникшие плечи, лейтенант браво поднял подбородок. Там должен был быть кто-то из командования. Он сконцентрировался и слишком резко, вызвав улыбки у всех присутствующих, козырнул:

– Лейтенант Йозеф Дворжак, – и, прокашлявшись, уже тише добавил: – скреч-файл от командования из центра.

На шум в проход вышла чья-то фигура, очерченная зелёным свечением от планировщика. Подтянутый вид, шеврон полковника на закатанных рукавах, в правой руке – кружка с дымящимся кофе. Полковник только взмахом головы пригласил его, и спросил у одного из офицеров, следящих за данными на экране:

– Есть связь от Метиса?

– Пока пусто, – помехи и только.

Полковник нахмурился и пошел к столу. Зелёный отблеск лёг на его лицо. На вид ему было лет 50. Но морщины были глубокими и грубыми. Глаза говорили о пройденных испытаниях, а два шрама входного и выходного отверстия на шее – о тяжелом ранении, когда-то полученном в бою. Он поставил кофе на край стола и руками развернул объемную проектировку горных вершин. Увеличил взмахом проекцию ущелья, вывел пальцем зону поближе и секунду ждал какого-то изменения. Но ничего спутники не показали. Свернув карту, он привычными движениями убрал все развернутые диаграммы, и когда лейтенант подошел к нему и встал навтыжку, протягивая скреч-файл, на столе высилась только проекция базы, где они находились. Старый служака уже по запаху крови определял допуск: кому и что можно видеть.

– Вы свободны, – сказал он лейтенанту, забрав документы. Полковник хмурился, читая содержание. – Предтечи? – он поднял глаза. – Какого чёрта им тут надо?

– Не могу знать, – ещё больше подтянулся лейтенант под прицелом глаз полковника. – Задача – встретить.

Полковник не дал ему договорить, махнул головой:

– Болтайтесь пока здесь. Вы свободны. Выпейте кофе. У нас настоящий...

Лейтенант отдал честь и повернулся кругом, хотел отойти от стола строевым шагом, но пространство не позволяло. Он протиснулся в проход и смылся.

Полковник проводил его взглядом удава, взял свой кофе и с прищуром вдыхал аромат:

– Туарте... Мураками – позвал он.

Два офицера управления, появились из полумрака, молча, оказавшись рядом с полковником.

– Коды и обновления данных с сети SAF, – он приложив большой палец к окошку идентификатора, перекинул файлы на планшеты офицеров.

Они кивнули, просмотрев содержание, и также молча вернулись на свои места. К столу подошел ещё один офицер в звании майора, зевнул, опёрся на край, и посмотрел на часы.

– Ждём, – сказал он задумчиво.

Они с полковником несколько секунд молча смотрели на вновь открытую проекцию гор. Зелёный свет корежил их лица. Они буквально погружали головы в горные зазубрины, напря-

женно ища то, чего там не было видно. Настойчиво гудевший вентилятор вытяжки в потолке, гипнотизировал внимание, как и зелёный свет, и приглушенные голоса. Майор на секунду закрыл глаза, скривил лицо, скрывая зевоту.

– Поспи, – сказал полковник, – я всё равно буду здесь.

– Нет, – майор покачал головой, – выпью ещё кофе. От энергетиков болит всё в животе, – он поморщился. – Надо бы перекусить, но сначала дождусь группы.

Полковник, протянул ему скреч-файл, которую привез лейтенант. Майор быстро пробежал взглядом все файлы от командования и остановился на одном, выделенном эмблемой.

Он поднял брови, посмотрел на Тито.

– Предтечи? За что нам такая честь? – переспросил он с плохо скрываемым сарказмом.

– Надень кепи и причешись, – сыронизировал полковник, – теперь приказов хватит на месяц вперед.

– Уверен, я найду себе дело, чтобы меньше попадаться им на глаза...

– Эй-эй, – полковник прицелился в него указательным пальцем, – дальше не стоит, здесь не место для политики. Наша задача – выполнять своё дело.

Майор с разочарованным видом от новости покачал головой. Посмотрел опять на часы.

– Проверю обновление статусов. Команды настроены, ждём вестей и можно, – он провел растопыренными пальцами над проекцией гор, – накрывать.

Полковник хмуро смотрел на горы. Спутник держал под прицелом эту область, но стрелять было некуда. Диагностика не показывала ни своих, ни чужих.

– Я считаю, – продолжал майор, – для более эффективного планирования нужно именно сейчас предпринять какие-то шаги. Кто знает, какие после этого маскарада, – он показал на скреч-файл, намекая на сообщение, – последуют указания.

– Сейчас не будем ничего предпринимать. Всё двигается. Ждём полчаса, – полковник тоже посмотрел на часы. – Скоро сеанс связи с Центром. Узнаю у О-бэна, зачем сюда едут предтечи.

– Может, действительно, генерал избавит нас от этого. Поговорите с ним. Ваш друг и однопольчанин поймёт...

– Не всё зависит от него, – оборвал его полковник, – он сам под прицелом сверху.

Нарастающий гул дошёл до его ушей. Он перестал говорить и склонил голову на бок. Приглушенный отзвук ночной жизни лагеря стал перекрываться пульсирующим отголоском чего-то большого, приближающегося к лагерю.

Майор тоже услышал. Они одновременно повернули головы друг на друга.

– Они здесь, – губы полковника тронула едва заметная улыбка. Нарастающий звук принёс ему облегчение.

– Возвращается эскадрилья псов, – сказал связист за пультом.

Прозвучал сигнал, и по громкой связи весь штаб наполнился звуком передачи.

– Внимание! – говорит эскадрилья R —101.

И голос ясно и четко ещё раз произнес:

– Внимание! 101 на подходе! Готовьте тёплый прием!

Связисты одобрительно похлопали друг друга по плечам. Майор взмахом руки перевел связь на себя и ответил:

– Слушаю, первая, майор Лок на связи, приветствую вас!

– На подлёте, господин майор!

– Принял, 101.

Майор показал полковнику большой палец, и тот утвердительно кивнул.

Гул стал неимоверно громким. Вибрация от пульсирования перешла в пик, и весь штаб завибрировал от звука. Связисты коротко, восторженно взвыли, подняв лица к потолку, и, несмотря на такое количество офицеров, безболезненно позволили себе такую вольность.

В штабе все ощутили мощь пронесшихся квадрокоптеров. Домик выдержал и не развалился. Рёв двигателей переместился дальше, заглушая команды офицера связи, отдававшего распоряжения обслуживающему персоналу на посадочных площадках.

– Вот наглые ублюдки, – одобрительно ухмыльнулся полковник хамству пилотов и допил остатки кофе.

Лейтенант со страхом посмотрел на потолок, словно в нем образовалась дыра. Он только что налил себе кофе и затряс обожжённой рукой.

– Их кто-нибудь вообще учил по инструкциям? Такие низкие проходы могут угробить всех. Полное наплевательство на дисциплину.

Под косыми, презрительными взглядами связистов он протиснулся в проходе и вышел через тамбур на улицу, осторожно поднимая ноги, чтобы ничего не зацепить.

Когда двери открылись, шум от двигателей оглушил его. Часовые у дверей, подняв над головой винтовки, подвывали, провожали взглядом четыре тяжелые боевые машины, которые пронеслись над лагерем и теперь, развернувшись, зависли над землёй. Отовсюду неслись вопли солдат, приветствовавших прилёт. Подняв над головой сжатые кулаки, салютовали прибывшим с боевого задания. Летательные машины, выстроившись в цепочку и приподняв носы, поочередно одна за другой стали опускаться на посадочные площадки в 300-х метрах от штаба. Оранжевый пульсирующий свет маяков окрашивал их днище. Обслуживающий персонал, присев на корточки, в клубах разлетающейся пыли, прикрывался от струй винтов в круглых гондолах. Коротко взвыли сирены, и к квадрокоптерам начали сразу подъезжать машины. Двигатели, один за другим, снизили свою мощь. Бешенство их вращения замедлялось, шум турбин затих, машины прочно сели на свои квадраты, люки открылись, и стали слышны звуки ночного лагеря, взбудораженные таким прибытием. Разогретый воздух колыхался невидимым жаром. Открылись люки, на землю начали выпрыгивать солдаты, увешанные оружием и амуницией.

Часовые уgomонились, закинули винтовки на плечи, зашлепали друг друга по плечам. Лейтенант, не разделяя их восторга, пальцем поковырял в оглохшем ухе. Несколько раз широко открыл рот, стараясь убрать противный писк. Солдаты, заметив его, переминались с ноги на ногу.

– Это 101? – спросил он.

– Так точно, сто первая. Рота псов под командованием капитана Метиса. Прибыли. Весь лагерь ждал их ещё пару часов назад.

– Ходили в горы, – сказал другой, – охота была... это точно.

– Все вернулись, – часовой всматривался, разглядывая машины и людей вокруг них, – вроде без повреждений.

– Смотри, – часовой дернул товарища за рукав, – на второй машине следы... на броне от попадания.

Они пригнулись и прищурились, стараясь разглядеть в мигании оранжевого света росчерки на броне.

Лейтенант тоже прищурился, но ничего нельзя было рассмотреть с такого расстояния. Он покачал головой и хотел указать часовым на недостойное поведение на посту, но повернулся, услышав, как от посадочных площадок быстро двигается машина. Тот же водитель, с которым он ехал сюда, не разбирая дороги, вырулил из кювета и на скорости перемахнув дорогу, лихо подкатил к штабу. Машина резко остановилась. Его довольное лицо мелькнуло за бронестеклом. Он повернулся к пассажиру и что-то сказал. Тот протянул руку, крепко пожал и вылез устало из кабины. С задних сидений слезли ещё двое.

– Капитан Метис, – зашипел часовой, узнав первого, и они с товарищем расступились. Их примеру поневоле последовал лейтенант, разглядывая капитана и его сопровождающих.

Три фигуры в серой поношенной форме. Капитан – чуть впереди. Двое – сзади, почти сомкнувшись. Всегда настороже, даже в лагере, ещё не привыкнув, что они прибыли на охра-

няемую территорию, эти люди, привыкшие к опасности, воспринимали её, как постоянное чувство, мотивирующее всегда и везде охранять свою жизнь. Пружинящей походкой они следовали за капитаном. Лейтенант с прилизанными волосами оценил их неряшливый вид. Винтовки, косо свисающие через грудь, бронелаты с убранными наплечниками, что запрещено было по уставу, напичканные в карманы обоймы, навигатор, портативные аптечки, зарядные элементы, торчащие отовсюду, детонаторы, еле пристегнутые к ремням, спектр-очки, цепляющиеся за изношенные обручи коммутаторов. Но всё это было гармонично прилажено и функционально распределено. Удобно в бою. А эти люди бывали в нём не раз. Усталые обветренные лица обрамляли короткие бороды. У всех троих на правом рукаве отсвечивала эмблема оскаленной собачьей морды. Всё это не напоминало образцовых солдат. Это напоминало убийц. Спокойно и размеренно шагающих в штаб.

Когда капитан приблизился, часовые с непроницаемыми лицами молча отдали честь. Он холодным взглядом посмотрел на уставившегося на него лейтенанта. Тот уставился на оскаленную морду пса на эмблеме на рукаве капитана. На самом краю эмблемы, незамеченная, засохла капля крови. Не рисунок, а темное бардовое пятнышко. Капитан смотрел на кружку с кофе в его руке. Молчаливый вопрос и завораживающий тусклый взгляд подтолкнули лейтенанта невозмутимо протянуть ему бокал. Из кружки поднимались струйки пара. Капитан вдохнул аромат и сипло произнес:

– Спасибо.

Взяв кофе, он пошел в штаб, со своими солдатами. Невозможно было разглядеть их звание. От них несло потом, грязью и какой то химией.

– Выпейте кофе, – коротко приказал капитан.

Связисты сидящие за мониторами с одобрительными улыбками встретили вошедших.

– Полковник? – тихо спросил капитан.

Ему показали рукой по проходу. Он снял с головы обруч спикерфона и пошел к столу управления. Солдаты двинулись к кофейнику, цепляя стволами винтовок за столы.

Пока капитан шел, ему кивали от каждого стола. Каждый хотел поприветствовать командира роты псов. Он отвечал в ответ, уважительно замечая каждое приветствие. Не торопился, привыкая к полумраку. Он сразу заметил, что полковник ведет разговор по стереосвязи. Не заходя в комнату за перегородку, остановился в полумраке прохода, отпив кофе.

Полковник, несмотря, что стоял к нему боком, почувствовал его присутствие. Его лицо было напряжено. Он внимательно смотрел на изображение. Только косо сдвинутая бровь и легкое движение кисти послужило для капитана знаком: подождать с докладом. Они понимали друг друга очень хорошо. Как всегда бывает в среде профессионалов.

Связь только установилась. Капитан облокотился на какой-то ящик и на несколько секунд закрыл усталые глаза.

– Есть новости? – спросил генерал с экрана.

– Договорились на связь в случае удачи, – ответил полковник. – вернулась группа с гор.

Генерал ухмыльнулся и прервал:

– Доложишь позже...

Он посмотрел на Тито строгим взглядом и громко объявил:

– Полковник Тито, господа, командир 101-го особого корпуса.

На экране сменилась картинка. Два человека с непроницаемыми лицами, без бровей, в белых костюмах смотрели внимательно на полковника. Высокие воротники с загнутыми концами приподнимали кожу на блеклых скулах. Волосы, собранные в полосатые клубки на затылке, словно удлиняли головы. У обоих были голубые глаза. И эти искры смотрели спокойно на Тито и оценивали его. Лицо полковника, отдавшего честь, изменилось. Он принял подчеркнуто внимательный и холодный вид.

Пауза длилась несколько секунд.

- Полковник Тито, – сказал один из служителей церкви Предтечей. – Мы рады видеть вас.
- Свобода и вера вашим делам, – вторил ему другой служитель культа.

Тито опустил подбородок в уважительном приветствии. Подняв глаза, он посмотрел через них на генерала за спинами предтечей. Тот, едва заметно, пожал плечами, оставаясь на месте.

- Чем обязан такой честью? – спросил Тито.

– Полковник, благодаря достопочтенному генералу О-бэйну, – предтечи сделали поклон в сторону генерала, который переступил с ноги на ногу и сложил руки на груди, – мы получили возможность засвидетельствовать наше уважение командиру передовых частей войск. Вам всем, непосредственно выполняющим операцию «Пылающее копье», дается великая честь и храбрость, в делах искоренения зла. Это важная и ответственная задача для всего общества. Мы – лишь слуги веры, которая движет миром в его процветании. И как прискорбно, что в цветущем саду появляется гнетущая саранча, пожирающая ростки. Эти поганые еретики, червоточины на благодатном плоде усилий всего общества. Эта миссия – защитить созданный миром продукт, достойный истинной веры. Вы – скальпель в её руках. Быстрый и точный, избавляющий мечту от опухолей и червоточин, гнилью оскверняющей великое начало. И, как это бывает, нельзя избежать следа на коже ради оздоровления. Капля крови – как знак очищения...

– Только иногда капля превращается в реку, – сказал полковник и замолчал, остановленный предупредительно поднятой рукой генерала.

– Незыблема и нерушима вера врача в излечение больного, и только он решает, куда укажет его рука со скальпелем. Мы – лишь наблюдатели, благодаря вам, полковник. Не испытываете ли вы недостаток веры?

– Нет, не испытываю, – ответил полковник, всем своим видом показывая, как тягостен для него нудный монолог предтечи.

- А когорта ваших солдат нуждается в укреплении веры?

– Уверен, что каждый, кто сейчас находится под моим началом, прекрасно осознаёт то, что он делает. Мы – солдаты и чтим наш долг. Мы выполним поставленный приказ.

– В этом нет никаких сомнений полковник. Мы прекрасно осведомлены о проведении операции и знаем, что благодаря вашим навыкам серьёзные проблемы решены. А та горстка еретиков, кто скрывается в горах, не уйдет от праведного гнева. Кара неизбежна, и меч уже сверкает в ваших руках. В этих преступниках лишь сумрак и ненависть, боль и злоба отчаянья. Они загнаны, как звери, и должны быть подвергнуты правосудию до конца. Вы в курсе принятых решений. Вы не должны нести эту ношу. Пусть она не будет вам преградой. Не вы решили их судьбу.

- Конечно, – вздохнул полковник. – Этот документ зафиксирован.

- Но насколько верно вы его понимаете?

– Целиком и полностью понимаю и говорю именно на основании этого приказа. Речь не идёт об уничтожении, а о возможности...

– Это уже даже не наша юрисдикция, – настойчиво сказал служитель, словно цепляясь за полковника голубыми глазами. – Мы все слуги... Мы хотели именно подчеркнуть, что всё, что решит судьба, не в наших силах изменить.

Немного повысив голос, служитель вынудил полковника не говорить более ни слова. Хотя больше на него повлиял прищуренный буравящий его насквозь взгляд генерала, которого также тяготил данный разговор.

Предтечи гордо задирали подбородки вверх.

– Мы рады посодействовать вам, полковник, и направим в помощь двоих служителей – ксенонов. Они не будут мешать вам, а лишь избавит от юридических проблем. Все, кто будет

пойман вами в горах и не будет готов говорить, ими займутся ксеноны. Чтобы принести веру в сердца отступников.

– Как прикажет генерал, – ответил полковник с каменным лицом. – Это – военная операция, и боюсь, у меня нет условий для встречи таких особ.

– Вас никто не будет отвлекать, полковник. Только немного содействия в транспорте и прикрытии.

– Безусловно, – ещё раз кивнул полковник, посмотрев на утвердительно кивнувшего генерала.

– Желаем вам мира и добра, полковник Тито, – предтечи склонились, и картинка вновь сменилась на генерала, смотревшего в сторону, куда уходили предтечи от передающего устройства. Взгляд был долгим. Видимо, пока они не отошли, генерал не хотел говорить.

– Именно поэтому, я знаю, ты отказался от перевода два года назад. Я запомнил. Чтобы не чувствовать себя так, как это происходит здесь, на раскаленной жаровне сидя голой задницей.

Полковник тяжело вздохнул и молча отдал честь.

– Давай потом обсудим это, – махнул рукой генерал.

Его позвали. Он повернул голову и с кем-то кратко переговорил. Повернул лицо к экрану и прищурился:

– Ты сказал есть новости?

Тито показал два пальца.

Генерал посмотрел на часы:

– Доклад через 15 минут, – он не договорил, бросив взгляд в сторону и потом на полковника, и ещё раз, оскалившись, показал ему свой волосатый кулак, отключил связь.

Тито постоял перед потухшим коммутатором, задумавшись. Потом вспомнил о капитане. Повернулся к нему. Тот невозмутимо пил кофе. Молчал и ждал, когда заговорить.

– Потери? – начал разговор полковник, с лёту переключившись на другие дела.

– Трое раненых. Пустяки.

– Что со связью?

– Полный штиль. Торчим, как в банке. Там какая-то аномалия, хоть голубей запускай.

– Докладывай.

– Есть что показать, сэр. Нужно прогуляться.

– Ок. Выйдем на воздух? – полковник потер рукой нывшую тупой болью грудь.

Капитан развернулся и, цепляясь в узком проходе, пошел на выход. Связисты провожали его взглядом. Все знали, что полковник в тесной связке работает с передовыми подразделениями, и рота псов – одна из его основных единиц. Он ценил этих солдат. Они были его личной гвардией и затычкой в каждом деле. Когда полковник вышел следом за капитаном, двое из роты, стоявшие у кофейника, с полным вниманием и почтением отдали ему честь. Внимательно проследив за капитаном, они ждали команды. Тот только взглядом приказал им следовать за ними, вышел на улицу.

Полковник остановился на секунду, посмотрел на посадочные площадки, потом на звездное небо, вдохнул воздух, провонявший лагерем. Часовые расступились, козырнули. Он пошел следом за капитаном, который вел его к одной из высоких блочных палаток. Рядом со входом сидели на ящиках несколько солдат из роты. Фонари вокруг казарменного блока были выключены. Только поблескивали светомаяки на груди бойцов.

Все обернулись, когда они подошли, и, что-то пережевывая на ходу, резко попрытали куски, вытянулись, отдали честь. Грязные и усталые. Они с интересом смотрели на полковника. Капитан буркнул что-то негромко. Солдаты, быстро разбежались в разные стороны, и встали по периметру.

– Никого не подпускать! – приказал капитан.

Кулаком ударил по кнопке, открыл двери и жестом пропустил Тито внутрь. Они прошли через тамбур. Внутри никого не было. Непроницаемый материал глушил звуки с улицы. В помещении горели только несколько ламп. Койки и боксы были отодвинуты в сторону.

Недалеко от входа лежали два вытянутых предмета, завернутые в армейские термоодеяла. Фольга отсвечивала над чем-то упакованным внутри. Они подошли, и капитан, нагнувшись, откинул край. Устало разогнулся и встал рядом.

На полу лежал труп человека, застывший в предсмертной агонии. Сгустки крови запеклись на простреленных ногах. Из-под разорванных темных штанов торчали осколки костей. Простреленная голова была запрокинута. В перекошенном рту темнела бездонная пропасть смерти.

Полковник присел на корточки, внимательно разглядывая лицо убитого.

– Знаешь, кто это? – поднял он глаза на капитана.

Тот пожал плечами.

– Варран Хол, – сказал Тито и встал. – Командир спецотряда еретиков. Седьмой по счету в нашем списке. Ценный трофей, – хмыкнул он, – и вовремя. Его группа делала прорыв?

– Да. Вчера мы зажали их у селения. Они потеряли 12 человек, часть ушла, и мы гонялись за ними. Скорее, это была разведка. Я даже смог бы предположить, что целью была попытка выйти на связь со своими, минуя наш пеленг.

– Что во втором мешке?

Капитан нагнулся, откинул ткань со второго тела. Полковник осмотрел бородатого мертвого мужчину.

– Этого не знаю. Это всё?

– Остальные в горах под камнями, тихие и спокойные.

Тито повернул голову к хламу, который кучей лежал рядом с трупами. Он рассмотрел детали оплавленного оборудования.

– Передатчик, – вскинул брови полковник, – интересно. Это они сделали?

– Термитная граната. Я видел вспышку сверху.

– Вопрос: что и куда передавали?

– Забрали наудачу спецам, – Метис поковырял в ухе.

– Шанс невелик, – полковник носком ботинка ткнул по деталям, скрученным от жара в причудливый клубок железа и пластика, вонявших гарью. – Дам распоряжение.

– Отвечали? – уточнил он, кивнув на убитого.

– На переговоры не было времени, – сказал капитан. Накрыли сразу из всего, что было.

Тито опять присел на корточки, вглядываясь в лица:

– Живым не получилось?

Капитан приставил палец к виску, изобразив выстрел:

– Это он сам, когда подошли. Ранен был в ноги. Я видел, у него была G.A.N.Z.A.

– Кто ещё в курсе?

– Никто не будет болтать. Тем более, у меня нет в роте фанатиков.

– Ты хотел сказать, их нет в корпусе, – поправил его полковник.

Они молча смотрели некоторое время на труп. Перед ними лежал враг. Но они понимали его поступок в последнюю минуту своей жизни.

– Биологический материал, – саркастически хмыкнул полковник, вспомнив слова предтеч. – Им нужны пленные. Такие вот, как этот Хол. Поэтому он и проделал себе дырку в голове. Теперь все, кого мы убиваем, ещё и после смерти служат доказательством того, что решение наградить их клеймом, будет преследовать и после смерти.

– Что они сделают с ними?

– Разберут по винтику. Им важно понять, как они украли то, что может возвысить. А может быть и верным способом понять, как принимать только одну сторону, какая выгодна тебе.

– Всё это дерьмо, сэр. Вся эта хрень с G.A.N.Z.A., – сказал капитан.

– Не только это. А то, что мы делаем, как орудие в их руках. Убивать тех, кто посмел коснуться святого. Всё это – дерьмо, от которого хочется быть подальше. Но, ты – солдат, и я – солдат, и мы выполним приказ. И я очень ненавижу тех, – он показал пальцем на труп, кто заставляет меня быть здесь. Они вне закона.

– Я слышал разговор, – кивнул капитан.

– Тебе нужно было это слышать, чтобы я не повторял. Лучше из их уст, чем потом повторять из моих.

– Генерал? – вопросительно спросил капитан.

Полковник отмахнулся:

– Ему самому не сладко. О-Бэйн, постоянно под прицелом. Думаешь, почему я в этом звании, хотя давно мог бы быть гораздо выше, – он показал пальцем на нашивку звания на рукаве. Потому, что мне легче здесь, – он опять показал на труп, – чем там – в Центре, среди тех живых мертвецов.

– Вы же знаете, как вас уважают солдаты, – ответил капитан и, кашлянув, добавил, – и офицеры.

– Этот корпус – моя жизнь, Метис. Но не всегда я решаю, что будет с нашими судьбами. Именно там, в Центре полно тех, кто не может уяснить и грамм нашего состояния, и понять желания не тратить жизнь попусту. И свою и чужую. Да, хотелось бы быть героями и делать своё дело, но не делать трупы для тех, кому нужен материал для исследований.

– Нас устроит, что вы помните о тех, кто в огне, – сказал капитан. – Иногда думаю, смог бы также выстрелить себе в голову, ради дела, если выхода нет.

– А ты знал, что он служил? – сказал полковник, указав на мёртвое тело.

– Нет.

– Да... я читал личные дела всех, кто в списке... этот служил в 34 корпусе, батальон управления РСУ.

– Ракетчики? – капитан удивился. – Неслабо. Я слышал, там большой конкурс.

– Да – полковник опять потёр ноющую грудь. Не всех допускают к управлению «Парусом». Ракеты сложные. Награждён за операцию «Светлая луна».

– Он участвовал в конфликте с конфедерацией? – ещё больше удивился капитан, и с большим уважением посмотрел на мёртвого. Я тогда был на соседнем материке.

– Я тоже, – сказал полковник и показал на шрам на шее.

Он нагнулся и закинул ткань на лежавшего. Задумался на секунду.

– Теперь от этого типа толку мало. Нам тем более. И так понятно, что против нас не все дураки с палками, как об этом пишет пресса. Скоро связь с центром. Генерал ждёт доклад. Через два часа брифинг. Доложу свои мысли и будем накрывать всех. Время сейчас за нами. Осталась одна точка – старый комплекс в горах. Больше им нигде не быть. Будь готов, что-то дополнить по блокировке и зачистке, ты нужен мне со свежими мыслями. Надеюсь, мы успеем, пока не прибыли предтечи.

Капитан кивнул и показал пальцем на накрытое тело с молчаливым вопросом.

Полковник посмотрел ему прямо в глаза:

– Каждый может найти в себе силы умереть с честью, рассчитывая на уважение. Жаль, что кто-то из братьев не сделал это раньше на своей стороне. Сожженный передатчик сдай технарям. Больше вы ничего с гор не привозили. Пусть ребята сделают всё тихо. Земля всех уравнивает.

Капитан утвердительно кивнул головой.

Полковник подошел к выходу и обернулся:

– И да, – он поморщился и ноздрями втянул воздух, – помойся. От тебя воняет, как от пса.
Капитан злобно улыбнулся в ответ.

6

Ночью в столовой готовили завтрак на весь лагерь. Повар улыбался, глядя на системную работу, на чистоту вокруг, на тишину. В большом зале был порядок, автоматические светильники давали приглушенный свет. Он, убрал соринку со стола, довольно вздохнул. Потом взял стакан и налил фильтрованной воды из термобака. Поднес к губам. Вдруг донесся какой-то гул. Потом топот. И не успел повар отпить воды, как двери в зал распахнулись, лампы автоматически вспыхнули. В столовую буквально влетел его помощник и заорал, как потерпевший:

– Рота псов!!!

Повар задержался, чуть не выронил стакан, заметался, и через секунду, в идиллию тихой кухни влетел шум от сотни солдат, с топотом и гомоном врывающихся в помещение. С оружием, в амуниции они быстро захватывали столы, снимали винтовки, прислоняя их у ног, грохали о пол снятыми латами. В один миг со всех сторон возник шум, гам, требования, а главное, вонь сотни потных солдатских тел, возбужденных голодом. Солдаты садились за столы и по мере приземления по очереди поворачивали к нему головы. Сотня пар глаз повернулась на повара, голоса стихали. Он нервно сглотнул, выбитый из колеи нашествием, однако, скосив глаза, профессионально оценил полный комплект возможностей на табло конвейера. В этом смысле его аккуратность и своевременная подготовка могла легко исправить ситуацию. В столовую в числе последних зашел офицер, ничем не отличающийся внешне от всех солдат. Он направился напрямик к коку.

– Заместитель командира роты «D» старший лейтенант 1 класса Ка-фогин. Распоряжение капитана Метиса на прокорм роты.

Повар взял себя в руки, похлопал по столу, и, нащупав сканер, протянул ему. Лейтенант приложил грязный палец к датчику и пошутил:

– Бурная ночь. Время дорого. Давайте, что есть, – он ухмыльнулся, – нет ничего хуже своры голодных псов.

Повар был выше него на голову. Смотрел сверху вниз, на короткие волосы с намечавшейся проплешиной, перетянутые обручем коммутатора. Он взял сканер обратно, посмотрел на грязный отпечаток на чёрном матовом пластике, и подчеркнуто, сдержано ответил:

– Здесь всегда всё готово.

– Не сомневаюсь, – ухмыльнулся Ка-фогин и, похлопав повара по плечу, сел к ближайшему столу.

Порционная раздача шла прямо по конвейеру. Солдаты затыкали в экраны, делая заказ по меню. Система быстро распределяла порции, выдавая подносы с дымящимися продуктами.

– Какого чёрта! – возмутился кто-то. – Одна курица. Мяса нет?

– Сожрешь и цыпочку.

– Я не против и твою башку откусить, Грегор. Но мясо-то где?

Подносы с чмоканьем и паром выходили из приемника. Гул поутих. Все были заняты делом, быстро опустошая тарелки. Солдат безуспешно тыкал на выбор порции. Система вежливо отклоняла запрос.

– Что за херня! – воскликнул он. – Это теперь так называется? «Спасибо за ваш запрос, но он не может быть выполнен». Где моё мясо?

Соседи за столом, пережевывая пищу, наблюдали за его тщетными попытками и ухмылялись. Один протянул ему пластиковую вилку.

– Попробуй, Вачонски, – может, это поможет.

– Попроси вежливо, – сказал другой. – Вдруг система – женщина, скажет: «мой цыплёночек».

Солдаты заржали. Это только раздражило их товарища. Получив поднос, он взял его, гневно посмотрел на них и пошел к повару. Тот стоял у конвейера, сверяя количество выдаваемых порций. Невозмутимо водил пальцем по сканеру, перекидывая цифры в табло управления. И не сразу заметил стоящего рядом солдата. Тот был невысокого роста и буквально шипел от злости. Повар, как фонарный столб, навис над ним. Они несколько секунд разглядывали друг друга.

– Это что? – спросил солдат.

Его товарищи за столом перестали есть, наблюдая за сценой. Кок посмотрел на поднос:

– Что?

– Это, – солдат ткнул пальцем в дымящийся зелёный брикет.

– Курица, – безошибочно определил кок.

– Вот именно, – солдат слегка подавал головой при каждом слове. А я просил «мясо».

Повар посмотрел ему в глаза и точно определил избыток агрессии в его голосе.

– Курица не мясо? ...эээ, – он пошарил взглядом по обмундированию и прочел фамилию солдата на нашивке, – Вачон.

Солдаты заржали громче. Солдат с подносом медленно, гневно посмотрел на них и, сдерживаясь изо всех сил, правой рукой удерживая поднос, левой отогнул лямку жилета, закрывшую часть шеврона.

– Рядовой 1 класса Вачонски, – внятно сказал он с нажимом. Не Вачон... – его буквально передёрнуло, когда он вслед за коком исковеркал свою фамилию. – Запомни: Вачонски! Вачонски! Это понятно?

Повар медленно положил сканер на стол и ближе подошёл к солдату, заставив его ещё выше поднять голову. Уперся животом в поднос. Их разделяла только дымящаяся, аппетитно пахнущая субкурица. Это не смутило солдата, он непроизвольно подался вперёд, вдавливая поднос в живот повара.

– Курица на сегодня в меню и мяса не будет до обеда, рядовой первого класса Вачонски, – медленно сказал повар, маринуя солдата взглядом. Это понятно?

Они сверлили друг друга взглядом. Секунда проходила под перекрёстным огнем гневных взглядов двоих, несуразно выглядевших мужчин, соединенных подносом. Между ними поднимался пар. Они развлекали своими позами сидевших за столами бойцов. Маленький Вачонски и длинный кок, нависавший над ним. Сцена затягивалась.

– Что там происходит? – громко спросили с дальнего стола сквозь гомон за столами.

– Вачонски потерял кусок мяса.

– Пусть посмотрит у соседей в желудке.

– Ему и быка мало.

– Вачонски, кок несъедобный.

Шуточки посыпались отовсюду. Солдаты чувствовали в голодных желудках горячую пищу, безопасность, расслаблялись после боевого вылета, улыбки появлялись на хмурых лицах. Они понимали глупость ситуации в отличие от их товарища. Гогот достиг ушей офицеров.

– Вачонски! – голос лейтенанта Ка-фогина громко перекрыл остальные голоса.

– Я! – ответил Вачонски, не отворачиваясь от повара.

– Вернись на место и приступай к еде, – прозвучала команда.

Вачонски гаркнул в лицо кока:

– Слушаюсь!

Он медленно отступил назад, держа в руках поднос. Пальцем показал на нос кока и пошел к столу, где его приняли ржавшие, подшутившие над ним товарищи.

– К чему тебе мясо? – сказал один с перевязанным предплечьем. Он прицелился вилкой в куриный брикет на подносе Вачонски. – Попробуй горошек!

– Эй, – Вачонски взмахом защитил свой поднос, – я в другой раз кое-кому подсыплю гороха.

Он ковырнул вилкой свой брикет и поморщился. Но, тем не менее, сглотнул и принялся дальше поедать весь паёк, поглядывая на повара, следившего за ним.

– Забудь, – сказал сидевший рядом солдат и потряс Вачонски за шею, – пустяк. Мясо закажу тебе в первой увольнительной. И не нашу армейскую дрянь, а настоящий гигантский стейк.

Вачонски невозмутимо подал руку, и солдат пожал её.

– Я с вами, Грегор, – сказал боец с раненым предплечьем. Хотя, если с нами пойдёт этот, – он многозначительно помахал перед носом Вачонски, – главное, чтобы там подавали и курицу тоже.

Он изобразил кудахтанье. Вачонски забыл про повара.

– У кого-то тоненькая шея, как у цыплёнка, – сказал он, в ответ помахивая вилкой. – Не стоит её спасать в следующий раз.

– Намекаешь на Рио?

– Вспоминает всё про ту зачистку и рядом бордель, – уточнил солдат. – Ползали же они туда оба на ходунках, пока кости срастались.

Вачонски с вниманием поёдал курицу на подносе.

– Маленький злобный ублюдок, – довольно растянул раненый в предплечье. – Надо было тебя тоже бросить в том ящике, в который ты влетел, как насадка по первому крику петушка. Так жажнуло, что видно было, как у нашего Вачонски глаза вылезли из орбит, а из задницы появился огненный хвост, и бах, полёт до самой помойки метрах так в 20, как ракета. Видимо, от разлетевшегося ресторана одна из куриц так дала ему по башке, что теперь он птицу в меню нарочно не переносит. Психует.

Солдаты заржали. Вачонски с набитым ртом стал через стол хватать своего товарища. Тот, смеясь, поднял забинтованную руку повыше другой, удерживая его на расстоянии.

– Она точно на него дурно влияет.

– Не ешь больше эту дрянь, – сказал сосед по столу.

Солдаты посмеивались, разговаривали по пустякам, ловили простые и спокойные минуты, забывая о времени. Двери столовой открылись, и вошёл капитан. Он осмотрелся, увидел своего заместителя. Тот показал большой палец. Метис кивнул и, отметив шумный разговор за одним из столов, пошел туда. Солдаты заметили капитана, поубавили пыл, следили за ним, прожевывая. Когда он подошел, молча раздвинулись, освобождая одно место. Он улыбнулся, приставил винтовку к другим стволам и, перекинув ноги, сел на скамейку. С наслаждением вытянул их, ослабил щитки и наколенники.

– Что в меню? – спросил он.

– Любимый рецепт Вачонски, – сказал солдат с забинтованным предплечьем, – с добавкой.

– Вачонски? – переспросил капитан. – Были пожелания?

– Нет, сэр. Это только курица.

– Хм, нормально.

Капитан, не обращая внимания на солдат, набрал себе меню на табло. Аппарат принял заказ, погудел, и конвейер с чмоканьем выдал поднос с пайком. Метис понюхал и с удовольствием начал есть.

– Вроде вкусно. Какие-то проблемы? – переспросил он, жуя, прекрасно чувствуя их настрой. – Я что-то пропустил?

– Курица, сэр, – сказал раненый. Боевая курица вхерачила Вачонски непоправимую травму в Рио.

– Да? – капитан посмотрел на невозмутимого Вачонски, молча смотревшего на товарища с бинтом.

– Вы там вдвоём были на койках после того взрыва? – переспросил капитан. – У тебя-то всё в порядке?

Солдаты заржали, но коротко. Капитан улыбался.

– Как рука? – кивнул он на предплечье раненого солдата, сидящего напротив Вачонски.

– Нормально, капитан.

– Уверен? Возможно, будет работа.

Все, кто был за столом, стали серьёзными и даже немного подались вперёд. Шутки перестали их интересовать. Вопрос, заданный капитаном, служил не только сигналом, но и обоснованием, что, кому-то не придётся принимать участие в операции. У раненого слетела улыбка с лица:

– Капитан, разрешите обратиться?

– Слушаю, – прожевывая брикет, ответил Метис.

– Сэр, рука в порядке. Мне не нужно дополнительного обследования.

– Я вижу, как щиток сильно затянут. И после укола. Уверен, что кость цела?

– Уверен на 100%. Не болит.

Капитан как бы невзначай взглянул на него и сканировал состояние взглядом. Солдат выпрямился и, сурово нахмурившись, смотрел капитану в переносицу.

– Ты – отличный солдат, Боннар. И не по глупости так вышло. Просто поставили тебе лишнюю метку. Другой вопрос, как это может сбавить твой темп в заварухе, в которой, вероятно, нам придется побывать уже вскорости? Ты прикрываешь спину тех, кто рядом, – капитан показал вилкой по сидящим. – Учитывай это, оценивая своё состояние. Храбрости здесь у всех немало. Будь разумен.

– Уверен, – не задумываясь ответил Боннар, и резко встал.

Он отошел на шаг и, развернувшись в проходе, принял упор лежа и начал выполнять отжимания под взглядом товарищей. Губы его были плотно сжаты. Не морщась, он выполнил несколько повторений, прежде чем капитан остановил его.

– Довольно.

Солдат сел. Кто-то похлопал его по спине. Поднес ему стакан с концентратом. Капитан кивнул и продолжил есть. Все вокруг также продолжили трапезу. Все ожидали, что он скажет. Раненый поглядывал на него, медленно пережевывая.

– Ты можешь быть в строю, – сказал наконец Метис. – Покажешь доку. Пусть посмотрит.

– Я... – начал, было, солдат, но капитан прервал его.

– Всё видно. Ты в строю. Пусть док посмотрит, сделает всё, что нужно. Думаю, что через несколько дней нам всем можно будет передохнуть.

Солдаты перестали жевать и переглянулись. С соседних столов тоже прислушались к разговору.

– Мы в деле, господин капитан? – переспросил всё ещё переживающий Боннар. – Или нас отводят?

– Не хватало, чтобы кто-то откусил последний кусок, – пробурчал Вачонски, склонившись над подносом.

Капитан ухмыльнулся и похлопал его по спине.

– Успокойтесь парни. Я лично просил полковника дать нам возможность всё закончить. Через полчаса брифинг. Всё узнаете. Скажу только... – он сделал паузу и осмотрел напряженные лица. – Полковник и не хотел кому-то передавать миссию. Мы пойдём первыми.

– Большой пёс в своей стае, – сказал кто-то.

И солдаты довольно закивали, вспоминая полковника Тито.

– Доедайте свой ужин-завтрак, – капитан кивнул на остатки еды. Уверен, что скоро вам такую роскошь не предложат.

Солдаты за столами приглушенно забубнили, передавая слова капитана дальше. Это вызвало оживление и, будто волна, прошедшая по залу, мотивировало прилив энергии. Забыта была усталость последнего дня. Многие улыбались. Исход операции зависел именно от них. Никто не хотел отсиживаться на базе. Никто не хотел избегать боя.

– Проклятые еретики, – пробурчал, жуя, Вачонски. – Пора давно заканчивать с этим сбродом.

– Торопишься куда-то? – спросил рядовой рядом.

Вачонски оценил его взглядом:

– Как по тебе, Прохор, ты бы вечно гонялся за ними. Слишком любишь давить на курок. Только меня уже это достало.

– Не спорю. Я рад быть здесь. Это лучше, чем просиживать зад на базе. Закончив, придётся опять глотать пыль на полигоне.

– Ты бы их вечно гонял по миру?

– Нет, я о том, что цель теряет смысл.

– В бесконечной войне? – переспросил капитан.

– Жестоко, – констатировал он, – мы охраняем мир и закон.

– Только не этих синеглазых ублюдков, – вставил Вачонски.

– Конечно. Не их. Они украли национальное достояние.

– Вы имеете в виду то, что они могут сами интегрировать G.A.N.Z.A.?

– Конечно. Не всякий восторг ученого, с благой целью сделавшего открытие, оборачивается на пользу обществу. Вспомни хотя бы ядерную бомбу. Вот так «открывалка» получилась.

– Пффф, – Вачонски легонько стукнул по столу. – И двести тысяч поджарились в огне.

– Сколько потом сдохло от СВЧ? – передразнил его Прохор. – Миллион? Прежде чем поняли принцип микроволн? Одно ИМРТ чего стоило! Благие намерения?

– Не важно, – перебил его капитан. – В чем суть ваших сомнений? Сам факт, что кто-то выскочил вперёд и принялся, расталкивая всех, выбивать себе место получше, наплевав на других, не может быть чем-то оправдан. Почему все должны спокойно это сносить? У них был шанс. Решить, как ты видишь себя в цивилизованном мире.

– Вы говорите о синдикате? – переспросил Боннар.

– Ну и тупица же ты, – чуть не воткнул в него вилку Вачонски. – Нет, блин, капитан имел в виду разговор о святой девственнице, которая ждёт тебя в увольнительной.

Солдаты заржали.

– Я этих ублюдков бы давно выкосил вместо тупых рейдов с юристами, – продолжил он. Всё к этому шло.

– Есть закон, и мы – его исполнители, – повторил Метис.

– Если суть не в провидении и желании достичь мечты человечества о вечной жизни, то по факту это только искра от пламени, – задумался Прохор.

– Какое, нахрен, пламя? – плевался не пережёванным горошком Вачонски. – Только тупым неясно, насколько чужда эта хрень всему живому. Никто не вправе решать, кому жить, кому нет. Хирург помог, и всё. И мне, и ему, – он ткнул в Боннара, – когда нас собрали по кускам. Но нет дальше ничего. Если не суждено тебе жить. Не можешь ты нарушать этот закон. Это всё...

Капитан предупредительно поднял палец и указал на него. Вачонски осекся и опять начал ожесточённо жевать. Несколько секунд сдерживался и потом продолжил:

– При всём уважении, капитан, я не хочу поднимать вопрос о культе и церкви Предтечи, но моё мнение – всё это не нужно. Вообще.

– Я закончу за тебя, – Прохор смотрел на капитана. – Суть – в деньгах. И всё, что всегда желала церковь, послушные прихожане.

– Я очень надеюсь, что это всё будет переварено вами именно здесь и не более, – капитан осмотрел присутствующих. – А потом, когда будете гадить этими брикетами, не забудьте смыть своё дерьмо вместе с этими мыслями. В тишине и одиночестве. Без вмешательства особого отдела.

– Конечно, капитан, – Боннар кивнул и посмотрел на Вачонски. – Просто изначально некоторые раскудахтались.

Вачонски беззлобно взглянул на него и, отодвинув пустой поднос, сдержал отрыжку.

– Что они кладут туда? Каждый раз в желудке внезапное удивление.

– Только то, что нужно хорошему солдату.

– Это как он? – иронично переспросил Вачонски, помахав большим пальцем в сторону Боннара.

– Как ты! – подтвердил тот.

Они протянули друг другу кулаки и соединили их над столом в жесте двух старых приятелей, сытых и довольных.

– Теперь замочим этих синеглазок и по домам. Лишь бы их нахрен не видеть там, – довольно похлопал себя по животу Вачонски. – Гореть им в аду, а мы поможем дорогу найти.

Прохор сидел, задумавшись. Вачонски ткнул его кулаком в пластину бронелат на спине.

– Не думай. Твоя любовь – пострелять ещё может быть использована. Накосишь этих ублюдков.

– У меня младшая сестра с G.A.N.Z.A., – неожиданно тихо сказал Прохор.

Вачонски застыл с глупой улыбкой и посмотрел на него, потом на остальных, в недоумении смотревших на Прохора. Прохор обвел их взглядом. Капитан дернул щекой и, слегка кивнув, дал понять, что он в курсе. Все личные дела своих подчиненных он просматривал всегда самым тщательным образом. Знал многое обо всех. Прохор по взгляду капитана понял, что нет смысла преподносить это как новость.

– Синеглазка? – переспросил недоуменно Вачонски. – Шутишь?

– Лицензия второго класса, продлена на 10 лет.

Все выдохнули.

– Это не совсем то... – начал Боннар.

– Прости, брат, – сказал Вачонски. – Я подумал другое. Но это совсем не то, что я имел в виду. Она же по закону... с лицензией.

– Всё в порядке, – ответил Прохор, – в каком-то смысле. Лейкемия. Мы продали два дома. Кое-какие акции были, фирму мою, контракты, собрали всё, что смогли. Ради матери и неё, конечно. 17 лет и такая вдруг новость... Все были в шоке. Теперь она – синеглазка, – он ухмыльнулся и посмотрел на Вачонски, – 10 лет.

Солдаты замолчали, мелкими движениями скрывая неудобный момент. Кто-то встал из-за стола, понёс поднос в мойку. Прохор проводил его взглядом.

– Твоя сестра достойна этого? – спросил капитан. – Ты решал?

Прохор кивнул:

– Мы росли без отца. Я управлял делами. Мать бы не пережила.

– О чем речь? Конечно! – согласился Вачонски.

– Я был в центре Предтечи. Там работают учёные. Конечно, это церковь и много последователей, но главное, я сам видел, как много они делают, чтобы найти решение. Я говорил с хирургами перед интеграцией, и ты знаешь, – он посмотрел на Вачонски, – всё это действительно хрень. Они сами понимают, как далеко могут зайти, но всё каждый раз что-то мешает. И нет выхода. Только возможность собирать кусками на недолгий срок.

Он замолчал. И все молчали, сопереживая товарищу. Просто и без оснований. Вачонски так и застыл, оставив руку у него на спине, будто приобнимал боевого друга, чумазого и равного среди лучших.

– А, главное, она всё равно умерла. Не сейчас конечно. Она сейчас учится и всё у неё хорошо. Но я видел, как она отходила после того, как ей влили эту синюю кровь. Как она восстанавливалась в те дни и стояла у окна, не говоря ничего. Я знаю, как она понимает, что часы теперь не просто показывают время. И мать знает. Вся ценность, что ты изначально не знаешь, когда умрешь. Это просто лучшее, что ты можешь не знать. А тут тебе выдают только талон в один конец, и на нем дата. Всё, что ты можешь, – это принимать радость жизни, но убрать этот факт исчисления не получится никак. Часы тикают очень громко.

– Ничего не изменишь, – сказал Боннар, – судьба решает, кому упадёт жребий.

– Но сейчас есть право решать, – сказал Прохор. – Кто знал, к чему приведёт такое открытие, 20 лет назад? Все радовались вечной жизни. А теперь мы гоняемся за толпами проклятых, которых церковь Предтечи назвала еретиками.

– Ты так не считаешь? – напрямую спросил капитан.

– Считаю и даже больше, чем они, – Прохор показал на товарищей. – Потому что я именно тот, кто принял решение: жить или нет моей сестре ещё 10 лет. Но что такое 10 лет? Она даже детей иметь не может после интеграции. А эти еретики... Вачонски прав – ублюдки...

Он ухмыльнулся товарищу, но с суровым лицом продолжил:

– Я должен был возить её каждый месяц на осмотр в центр и там я в разговоре с врачом, одним из служителей, который совсем не фанатик и не любит говорить с пациентами о вере, уточнял процесс. В новостях, как раз мелькали данные, что утечки информации всё больше дают знать об этапах исследований. Он мне тогда же с такой злобой и горестью высказал, как им нужно принимать решение, латать дыры в базах сейчас, а не концентрироваться на исследованиях. И суть-то вроде в решении для всех, но кому-то не терпится взять что-то из общего себе. Синдикат просто паразитирует на открытии, пользуется для обогащения подпольного бизнеса. Вместо развития получается просто продукт для подпольной продажи. Чёрный рынок G.A.N.Z.A.

– Ты встречался с ними?

– Нет. Но получал предложение. В десятки раз дешевле. Конечно, это было крайне заманчиво. Я только потом, уже в Центре понял, почему мы должны были принять такую ношу и делать по лицензии. Чтобы двигаться вперед, нужны огромные средства, и всё, что получает каждый исцелённый, также является частичкой исследования, которое совместно помогает искать ключ и ответы, как удлинить срок до 20...30 лет. А то, что мне предложили на чёрном рынке, просто операцию для сестры. И без гарантий. Они говорили об этом прямо.

– Ты отказался?

– Конечно. Хотя мне было нелегко. Я понимал, на какую жизнь мы себя обрекаем, но 10 лет её жизни стоили таких вложений. И, кстати, у нас в соседнем квартале жила знакомая семья с похожей проблемой. Полный паралич у дочери после аварии. Им неважно было всё осмыслить, просто смотрели на ценник. Они только верили в чудо, не хотели понимать сути предложения. Риски.

– Эксперимент с пиратской G.A.N.Z.A.?

– Да. Это были знакомые матери. Они покинули город, уехали в колонию, пока они ещё были, год назад. Потом вернулись. Но уже одни, без ребенка. Она умерла. Судить некого. Но деньги не вернули.

– А где сейчас твоя сестра?

– Дома. Ходит в колледж. Как только у правительства лопнули нервы, и церковь благоговела на поход, колонии начали сносить, и начались выступления сопротивления, я сразу восстановил свой контракт. Эти ублюдки украли то, что может вернуть моей сестре радость

жизни, а не страх перед часами. Может, не она, но кто-то другой будет первым, кому не придётся ждать открытия полного исцеления от всех недугов. Может, этот срок будет уже на всю жизнь.

– Веришь в вечную жизнь? – переспросил Боннар, – напоминает речи священников.

Прохор улыбнулся ему.

– Нет. Но верю в то, что кому-то она точно пригодится. И пока эти еретики или сине-глазки сопротивляются, верю, что я, ты, капитан и даже Вачонски делают нужное дело, которое хоть на секунду приблизит всех к этой жизни без неизлечимых болезней.

– Злобный ублюдок, – прошипел Вачонски и шутливо зарядил легонько Прохору в ухо.

Сигнал коммутатора пропикал на руке капитана. Он тронул обруч на голове и принял сигнал, воткнув горошину наушника в ухо.

– Капитан Метис

– Через 2 минуты в штабе. – сказал Тито

– Понял сэр, – капитан отключил связь и встал. Оглушительно свистнул на весь зал. Гомон моментально затих.

Капитан нагнулся и поднял свою винтовку:

– Рота, подъём! – громко приказал он.

Повар наблюдал, как сотня солдат молча встала и без суеты, четко вливаясь в двери по двое, покинула столовую вслед за своим командиром. Ряды столов опустели, остались только десятки брошенных подносов, на которых не было ни крошки. Автоматические лампы под потолком, разом щелкнули и погрузили в мрак столовую, в которой только что гудели молодые голоса, полные жизни.

7

В лифте стояли трое. Двое ксенонов, служителей церкви Предтечи, и один охранник. Кабина, тихо гудя, спускалась вниз с верхних этажей в самый подвал. Они смотрели на быстро бегущие цифры, отстреливающие несколько сотен этажей. Кабина замедлила ход и остановилась на подземных уровнях. Двери распахнулись, и впереди высветился длинный коридор. Он вёл в секретную зону. Яркие надписи предупреждали, что вход только по спецпропускам. Служители жестом пригласили охранника идти вперед. Он быстро пошел по коридору, на ходу надевая на шею карточку. А они неторопливо пошли следом, ведя беседу. Цепочка ламп автоматически зажигалась у них под ногами.

– Я уверен, что мы снова должны идти на переговоры, кон Рерик, – сказал один из служителей.

Его собеседник смотрел прямо и не отвечал сразу. Его синие глаза были умны и очень выразительны. Он неторопливо шагал, приподняв подбородок и словно бросая вызов всему существу. Однако его ладони были кротко сложены друг на друга в районе пупка, подчеркивая смирение этой вселенной.

– Слушать опять эту болтовню? – помедлив, ответил он.

– Военные могут наконец решить, что усилия, которые мы предпринимаем, дадут результаты, от которых станет очевидно, что нет смысла идти параллельными путями.

– Им есть что скрывать, хранитель Ван Ортон, многое, чего мы не знаем, в их руках.

– Они упустили главное звено.

– Но нашли что-то, чего мы сами пока не можем найти и понять. Что они скрывают? Почему? Они всё меньше идут на контакт, и правительство понимает это. Нам нужно быть терпеливыми.

– Принудить их нет никакой возможности. Военная партия очень сильна в правительстве.

– Вы хотите сказать, что пока сильна?

– Армия всегда будет на страже только своих интересов, и в первую очередь жаждет войны. А она обществу не нужна. Мы за мир, и это – право общества сказать «хватит, пора сделать мир, объединённый одной верой».

– Мы на страже G.A.N.Z.A., – согласился Ван Ортон. – Ведь наша роль неоценима. Объедини мы усилия, не могло бы быть и речи обо всех еще разгуливающих еретиках.

– Об этом я тоже хотел поговорить.

Кон Рерик остановился и повернулся к собеседнику:

– Есть новости из центра военных операций?

Ван Ортон слегка склонился:

– Самые обнадеживающие. Похоже, что мы можем найти важную информацию у синдиката. Они окружены в горах. Приказ «брать главарей живыми» будет выполнен.

– Мы сделали правильный выбор, подсказав, кого назначить командующим.

– Несомненно, кон Рерик.

Они опять пошли по коридору неторопливо. Охранник уже стоял возле двери, застыв с чипом у сканирующего механизма, и ждал, когда они дойдут по коридору. Ксеноны не торопились.

– Командующий корпусом Тито не любит тратить время впустую.

– Он опытный солдат и не раз показывал свою верность долгу. Но он вовсе не наш друг.

– Очевидно, у него есть сильные аргументы, – чуть улыбнулся Ван Ортон.

– Несомненно. Все солдаты, участвующие в операции, верят в него. А что еще нужно от солдата, которому поступает приказ?

– Однако есть не совсем правильные настроения среди военных. Недостаток веры должен быть искоренен.

– Мы усилим агитацию.

Они подошли к двери, и охранник приложил ладонь и чип к сканеру. Потом сделал шаг в сторону и жестом пригласил обоих к сканеру для проверки сетчатки глаза. Приблизившись по одному, они посмотрели на плоскую поверхность. Черный матовый прибор отразил две пары светящихся голубых глаз. Автоматика открыла дверь, приняв верные данные, и они прошли внутрь. Охранник остался снаружи, и толстая дверь, вздохнув пневматикой, встала на место.

– Приветствуем, – ответили на кивок двое других охранников с автоматами. Они посторонились, пропуская их через тамбур.

– Как твоя дочь, Павел? – спросил ксенон у одного из них.

Тот с благодарностью улыбнулся и тихо ответил:

– Прекрасно, верховный кон Рерик. Всё хорошо. G.A.N.Z.A. спасла её и исцелила.

– Чудесно, – ответил тот равнодушно, и пошел дальше, не останавливаясь.

Отойдя от тамбура, хранитель Ван Ортон сказал:

– Я всегда был поражен вашей памятью, кон Рерик. Вы помните каждого по имени.

Тот смотрел вперед и неторопливо отвечал:

– Вера в людей – единственное, что спасает этот мир. Люди это всё.

Ван Ортон слегка склонил голову:

– Именно поэтому мы идём сейчас к тому, кто может кое-что нам прояснить в первую очередь для спасения достойных людей, – сказал ксенон.

– Уверен, вы не зря тратите моё время, – ответил кон Рерик.

Служители прошли через большой холл и двинулись к балкону, с которого открывался вид на зал, прятавшийся в подземелье. Он был огромен. Площадка находилась в нескольких десятках метров над поверхностью, но ещё выше уходили под куполообразный потолок колонны, из которых лился свет, заполнявший всё пространство. Они подпирали купол. Эта колоннада уходила вдаль, разделяя зал на сектора. В этих секторах проходили занятия. Сотни людей были заняты медитацией. Медленно и методично, упрямо отрабатывали плавные движения. Все были одеты в белое и только единицы в черное свободное одеяние. Самые быстрые и самые волевые, они, как ориентиры высочайшего уровня, своим авторитетом и железной волей показывали, чего можно достичь в совершенствовании навыков. Их резкие, почти акробатические движения завораживали.

Опершись руками на широкие перила, кон Рерик осматривал зал. Глаза были холодны.

– Прекрасно, братья – тихо сказал он. – От вас зависит судьба этого мира. Кто ещё спасёт эту клоаку, погрязшую в разврате и алчности? Только вы со своей дисциплиной и верой в человека!

Рядом стоял Ван Ортон и тихо улыбался, наблюдая за фигурками внизу. Несколько человек заметили их на балконе и склонились в уважительном поклоне. Через секунду все, кто был в зале, как единое целое, повернулись и склонили головы. Словно волна прошла между людьми. Кон Рерик поднял руку и ответил. Все продолжили занятия, усердно выполняя тренировку движений. Понаблюдав за ними, двое ксенонов пошли дальше, спускаясь по переходам на нижние уровни. Те, кто поднимался им навстречу, выражали уважение в приветствии. У всех были яркие голубые глаза.

– Совет должен принять решение. Волна – вот что сейчас важно. Круг посвящённых узок. Только совет 12—ти понимает, как важно начать правильное исцеление этого мира. Только у нас есть этот мод, позволяющий прожить 25 лет, чтобы передать новую эру потомкам. Но время течёт очень быстро.

– Мы дождёмся возвращения двух братьев, которые отбыли в зону боевых действий и примем решение, – подчеркнул кон Рерик.

– К сожалению, тот, кто нам интересен, вряд ли будет там.

– Это кажется невероятным, что Прайсу удалось сбежать с особо охраняемой базы.

– Когда вокруг много котов, мышь сбежала между лап, проведя их, как идиотов. И понятно только то, что он унес что-то очень важное.

– Важное для всех нас, – подчеркнул кон Рерик, – учитывая наши интересы в контроле G.A.N.Z.A. Как нам решить те вопросы, которые копятся словно снежный ком? Наши учёные пока бессильны. Надеюсь, этот человек прольёт нам свет на проблемы. Мы словно слепцы, держащие в руках прекрасную розу. Ощущаем её аромат, но не видим, как она прекрасна.

Они дошли до коридора, где их встретили несколько служителей ниже рангом и целая толпа охраны.

– Отрадно видеть вас, кон Рерик, и вас, ксенон Ван Ортон.

– Мира и добра, хранитель Ролло, – ответили ему оба.

Все окружающие, склонив головы, приветствовали их.

– Это... – начал было Ролло, жестом показывая на хмурого человека в черной форме.

Кон Рерик остановил его, подняв руку.

– Нет нужды в представлении. Я прекрасно знаю нашего главного следопыта. Рад видеть Александра Тодаша.

Тот повторно склонил голову. Кон Рерик подошел ближе.

– Кратко... – твердо сказал он. – Кто он?

Тодаш пригласил жестом следовать за собой и четко, разделяя слова, говорил.

– Профессор Цибион Рой. Долгое время работал вместе с Эдвардом Прайсом. Учились вместе, вместе защищали диссертации, росли в исследованиях. Всё время был в тени, но практически наверняка участвовал в разработках G.A.N.Z.A. Их связывали не только деловые отношения. Вероятно, ранее был влюблен в жену Прайса в студенческие годы. Оба делали предложение, но она выбрала Прайса. Позже, когда она заболела, оба пытались её спасти. Когда она умерла, разошлись во мнениях и пошли каждый своим путём в исследованиях. После открытия G.A.N.Z.A Цибион оказался вне списка учёных, принимавших участие в создании. Но практически с гарантией стоял у самых истоков. Долгое время был сотрудником одного исследовательского центра, пока окончательно не попал в руки военных.

– Официально он нигде не указан. Может, это стёртая информация? Они работали вместе на секретной базе?

– Нет. По какой-то причине они перестали общаться много лет назад. Вероятно, как раз из-за смерти жены Прайса. Он работал по другому направлению – исследованию биологической редукции. На другом военном объекте. Но в Управлении передовых разработок.

– И...

– Мы давно наблюдали за ним, хотя и сведения были также засекречены.

– Итог?

– Тоже сбежал, как и Эдвард Прайс, только на 3 недели позже. Военные сели ему на хвост. Но мы были чуть быстрее. Никто не знает, что он у нас.

Они остановились перед закрытой дверью. Охранник с поклоном отошел в сторону, пропуская их внутрь. В комнате без окон был только стол и стул. На стуле сидел человек, чей вид вызывал сожаление. Всклопоченные волосы, покосившиеся очки на носу, синяк на щеке и порванная рубашка. Он обернулся на дверь. Они зашли втроем. Все остальные остались снаружи. Кон Рерик, Ван Ортон и Тодаш, заходя по очереди, встали с другой стороны стола. Двери закрылись за ними. В комнате чуть слышно работала вентиляция. Человек часто моргал, разглядывая их. Его руки лежали на столе и были пристёгнуты наручниками к кольцу.

- Здравствуйте, – заикаясь сказал он, потев под взглядом трёх пар синих глаз.
- Мира и добра, – ответил за всех кон Рерик.

Он пристально смотрел прямо в глаза. Испытывая чудовищное давление, мужчина всё-таки попытался справиться с собой. Он сел ровнее, не отводя глаза.

- Нет нужды говорить, где вы? – задал вопрос Ван Ортон.

Мужчина кашлянул и звякнул браслетом:

– Какая разница. Это не предвещает ничего хорошего. Но думаю, я под защитой. Можно быть спокойным.

– Святой церкви? Вы так думаете? – удивился кон Рерик. Он стал медленно по кругу обходить стол. – Вы Цибион Рой?

Мужчина повернул к нему голову и следовал за ним взглядом, пока ксенон не зашел к нему за спину. Это заставило его поежиться. Но Кон Рерик не остановился, продолжая двигаться по часовой стрелке, и неторопливо разговаривая.

- Да. Я – профессор Рой. И если вы не в курсе, работаю на военное ведомство.

– Забавно, что вы говорите об этом с гордостью.

– Я не совсем понимаю, что я здесь делаю. Но думаю, это ненадолго.

– Почему?

– Просто не сделал ничего плохого и уж точно никогда не отзывался о церкви Предтечи в дурном тоне.

– Буду краток с вопросами. Время ценно, – сказал кон Рерик, продолжая свой путь. – Вы помогли бежать Эдварду Прайсу?

Цибион удивленно посмотрел на него.

– Что? Прайс? Мы не виделись много лет.

– Это не важно. Он ваш друг.

– Когда-то был, – Цибион повернулся вслед, звякнул браслетами. – Какое ему дело до меня? Это было давно.

– Теперь вы здесь и это важно. Вы же знали его жену?

– Просто не вижу связи. При чем здесь Элиз?

– О, вы наверняка в курсе.

Кон Рерик остановился рядом с ним.

– Нет нужды рассказывать о ценности открытия, которое изменило жизнь всего человечества. Вы лично принимали в этом участие, и ваша роль, как и многих, кто сформировал знание, не может быть исключена.

– Не всем досталась эта слава, – ответил Цибион. – Я лишь был участником. Работали десятки людей...

– Но слава досталась Прайсу? Вас это бесит? Поэтому вы не разговаривали с ним? Но идеи, – утверждающе сказал кон Рерик, постукивая пальцем по лбу, – идеи рождаются только у единиц.

Он опять начал обходить стол.

– Над чем он работал в последнее время?

– Кто? Прайс? Без понятия. Я же сказал, мы не виделись столько лет.

– Нам не важно, пили ли вы вместе чай месяц назад, важно, как вы понимаете степень важности его открытий. Любили ли вы его жену? Крали его секреты? Вряд ли. Но не в ревности профессионала всё дело. Людей жизнь заставляет ценить что-то, кроме работы. И вы были близки много лет. Вы знали его жену, Элиз. Это не просто вычеркнуть из памяти.

– Мне всё равно, что вы знаете из моей биографии. Мне плевать на Прайса. У меня своя работа. И она связана с военным ведомством. Защищено правительством. Я работаю на правительство.

– Отрадно слышать, профессор Рой. Надеюсь, вы в курсе, что они также гордятся тем, что вы у них работаете.

– Уверен, что это важно, – подчеркнул Цибион.

– Вы тратите время на объяснения, профессор Рой. Здесь нет никого из тех, кто боится военного ведомства, и уверяю, они не представляют, где вы можете быть. Хотя и ищут вас без особого рвения. А мы даже не спрашиваем вас о причинах, которые заставили вас пуститься в бег. Нам интересен только факт вашего контакта с Прайсом. Вы помогли ему бежать?

– Что за бред? – усмехнулся Цибион. – Я даже не знал, что он в бегах! Когда это случилось?

– Послушайте профессора, – кон Рерик вновь остановился рядом с ним и обратился к остальным. – В этом человеке не только страсть к игре в шпионов, но и невероятная твердость характера. А может, это глупость?

Цибион смотрел на него снизу вверх и ловил нотки иронии в голосе.

– Я уверен, что это ошибка. Никуда и никогда я не собирался уходить. У меня контракт и не более. Работы в области редукции, и это основной вид деятельности. Какое вам дело до моих исследований по регенерации кожи и других органов? Я не работаю с G.A.N.Z.A. Вас ведь это интересует?

– Вы не слышали вопроса? Где Прайс?

– Я же сказал, я даже не знал, что он сбежал.

Кон Рерик опять начал обходить стол, сложив ладони.

– Вы ещё не poznали ценность времени, профессор. Его бег остается мерилom всего. Оно бесценно, как и первый вздох человека. Оно умирает вместе с ним. Останавливается для одного, но замедляется для всех. Как и развитие всего человечества, на страже которого церковь Предтечи выбирает самый тернистый путь выбора между мирским, глупым существованием личности и вовлеченности в общее дело развития всего, чем это человечество может гордиться. Нам нет дела до военных и их игр в солдатики. Вы правы, ваши работы по репродукции важны, но вместе с тем ничтожны в отношении всего, что делал профессор Прайс. И, поскольку ваш путь неразделимо связан с ним, не стоит тратить время в попытках разубедить нас в полном отвержении какой-либо связи. Мы в этом уверены. И поэтому, – кон Рерик закончил свой путь и остановился рядом с Цибионом, – ответьте на простой вопрос: «Где Эдвард Прайс и что он нашел? Почему всё военное ведомство всполошилось от того, что он украл?»

– Я знаю, что церковь Предтечи выбирает путь защиты слабых и заботится обо всех, стремящихся принять новую веру, – уверенно сказал Цибион.

Он все время пытался движением головы поправить сползающие очки. Инстинктивно двигая руками, он звенел браслетами.

– Примите на веру, – сказал кон Рерик. – Ваше время ценно так же, как и моё. Вероятно, сам профессор Прайс до конца не осознает своей роли в сохранении дара G.A.N.Z.A. Его исследования и путь, который он выбрал, были направлены совсем не на сохранение жизни и возможность победить смерть. Он выбирал свой эгоистичный мотив, поэтому так цинично отверг наше предложение семь лет назад вступить в сообщество Предтечи, и занять почётное место в наших рядах. Он, как гений, отрекся от славы. Но ради чего? Для поиска какого-то решения? Какого секрета?

– Сам продукт G.A.N.Z.A. – побочное явление. Это лишь плазма от экспериментов того, что было задумано вначале, – занервничал Цибион. – Вы наверняка прекрасно знаете, как всё получилось.

– Я говорю лишь о том, что ни вы, ни он, не понимаете, что этот дар важен всем и попытки использовать его в качестве предмета для экспериментов военных – не лучший вариант оправдать своё оскорблённое честолюбие.

– Но вы сами используете это, как продукт...

– Мы храним его для всех, так решило Сообщество наций, и, как я сказал, относимся, как к дару для человечества, а не к игрушке в руках бестолковых политиканов.

Кон Рерик остановился в третий раз перед стулом и протянул руку.

– Вы позволите? – спросил он и снял спадавшие очки с носа профессора.

– Уверен, Церковь Предтечи и дальше будет хранить G.A.N.Z.A., – сказал Цибион, смотря, как его очки кладут на стол.

Он мягко улыбнулся с благодарностью и поднял глаза на ксенона:

– Но я ничем в этом вам помочь не могу. Я не работал с Прайсом очень давно. И не знаю, где он может быть.

Он поднял одну бровь, смотря прямо в синие глаза кон Рерика. Тот улыбнулся в ответ:

– Ну конечно.

Вдруг он с силой схватил профессора за голову и резко направил вниз. С треском и глухим ударом Цибион ударился лицом о стол. Хрустнул нос, и очки, лежавшие перед ним, разлетелись на мелкие кусочки. С чудовищной силой его дернули обратно за волосы так, что шея хрустнула и голова подлетела назад. Кон Рерик с невозмутимым лицом большим пальцем надавил ему на правый глаз. Ноготь провалился в глазное яблоко. От резкой боли профессор закричал и задергал ногами. Браслеты звякали и не пускали его руки, которыми он пытался защититься. Кровь брызнула из-под века на белую мантию верховного ксенона. Тот резко убрал руку, сделал шаг назад разглядывая алую кровь, а потом невозмутимо вытер кисть о рубашку Цибиона.

Подождав, когда вопли утихнут, спокойным голосом он спросил:

– Где Эдвард Прайс, профессор?

Цибион только застонал в ответ, плохо улавливая окружающие звуки от болевого шока.

– Вот видите, как быстро вы поняли суть вопроса и, скорее всего, готовы ответить на него правильно. Я думаю, ваш мир теперь сузился, чтобы отбросить всё лишнее и узреть только важное.

Мучительно ворочая головой, Цибион нашел силы покивать. Кон Рерик склонил голову:

– Мира и добра, профессор Рой. Уверен, вы послужите церкви и на благо человечеству.

Служитель отошел к коллегам, которые невозмутимо наблюдали за происходящем, и обратился к Ван Ортому:

– Этот человек должен сказать всё. Я уверен, что мы сможем узнать, где скрывается Прайс.

Он посмотрел на Тодаша:

– Надеюсь, вы воспользуетесь ценной информацией и сделаете всё, что необходимо.

Тодаш склонил голову. Кон Рерик вышел из комнаты вместе с Ван Ортоном, а Тодаш хмуро рассматривал стенающего Цибиона и словно отделял взглядом все несущественные детали в его теле.

8

Под эстакадой стояла черная машина, в которой сидело четверо мужчин. Они неторопливо общались, расслабленно посматривая на огни ночного города, лежащие перед ними за акведуками. Вокруг была глухая промышленная зона. Различные здания, чаще заброшенные и не эксплуатируемые, простирались далеко в темноту, торчали темными коробками с застывшими рядом старыми грузовиками и сторбленными кранами погрузчиков. Вверху в разные стороны уходила развязка многополосной дороги. Колонны высились, подпирая трассы в 50 метрах над землёй. Свет сверху слабо проникал вниз на ангары и ржавые морские контейнеры, установленные друг на друге. Местечко было точно не для прогулок. Людей вокруг не было кроме этих четырех человек в машине. Они ждали кого-то и посматривали на дорогу, которая вела к площадке под эстакадой.

Показался свет фар, и темный микроавтобус подъехал, глухо рокоча двигателем. Он медленно развернулся, описав круг, и остановился параллельно машине метрах в 20. Никто не выходил из кабины. Люди, сидящие в первой машине, напряглись, переговариваясь друг с другом. В руках появилось оружие. Один из них медленно открыл дверь и вышел наружу. Из микроавтобуса тогда тоже вышел человек и, подняв воротник от ветра, несколько секунд молча стоял.

– Я от Рохана, – крикнул он.

– Повернись, – ответили ему.

– Что?

– Повернись кругом, – сказал человек у машины, показывая пальцем, – и подыми руки.

– Пожалуйста, – пожав плечами, мужчина повернулся вокруг себя, приподняв руки.

– Отлично. Можно подойти.

Они встретились на середине пути между машинами.

– Я от Рохана. Меня зовут Дрейк.

– Отлично, Дрейк.

– Могу я узнать имя? Неловко говорить просто так.

– Да? – ухмыльнулся его собеседник и обернулся на своих товарищей в машине. Те смотрели на них из-за стекол с напряжёнными лицами. – Боишься, что ли?

– Уверен, вы люди серьезные.

– Да, это так, Дрейк. Имя-то настоящее?

– Конечно.

– Ну, зови меня Отто.

– Хорошо, Отто, – Дрейк суетливо улыбнулся.

Он покрутил головой:

– Местечко страшноватое.

– Ты один?

– Да. Поэтому неудобно, – заигрывая, хихикнул Дрейк.

Отто смотрел на него снисходительно.

– Я от Рохана, – повторил Дрейк.

– Уже слышал.

– Хотел поговорить об операции. Ну, сами понимаете не просто так.

– Конечно, Дрейк. С Роханом просто так не говорят. Он звонил на счёт тебя.

– Отлично, – Дрейк с удовольствием это пометил и нервно покашлял.

– Расслабься. Окей? – буркнул Отто, за поясом у него торчала рукоятка пистолета.

– Да, хорошо. А кто это? Я думал, мы поговорим одни, – он кивнул на машину.

– Тебя это не касается, Дрейк. Это мои компаньоны. Ясно? Что ты хотел конкретно? Нужна операция? Мы же не просто так увиделись поболтать?

– Конечно, – кивнул Дрейк с готовностью.

Отто пожал плечами:

– Что интересует?

– Нужна G.A.N.Z.A. для дочки. Очень больна, очень.

Дрейк еле сдержал слёзы:

– Нет сил смотреть.

– Спокойно, человек, спокойно, – Отто поморщился. Только начинаешь разговор.

– Да. Я понял. Мне всё объяснили. Я готов принять условия.

– Уверен? Мы не работаем за фиговию. Это сложно всё, понимаешь? Нужно правильно расставлять всё по местам. Нужно не просто договориться. Надо понимать, что ты готов идти на риск с G.A.N.Z.A. Это не Предтечи с лицензией. Они, как шакалы, оберегают своё, а людидохнут. Здесь всё – то же самое, только дешевле.

– Да, я готов. Ради дочери готов на всё.

– Хорошо, – Отто довольно кивнул. – Сколько лет?

– Кому? Дочери?

– Ну не тебе же.

– Пять. Пять лет, очень мала, – он опять еле удержался от всхлипывания.

– Ну, приятель, спокойно. Всё будет хорошо. Как зовут дочь?

– Марта.

– Марта?

– Да, Марта. Белокурая моя доченька.

– Ясно: пять лет, Марта. Чем болеет?

– Там целый букет проблем. Доктора бьются и не могут решить. Помогите мне. Уверены, что поможете?

Отто похлопал его по плечу и обернулся на своих в машине:

– Не волнуйся. Что ты трясешься? Конечно, поможем. Уверен, всё будет хорошо. Только мы должны верить тебе. Понимаешь? Нужно понимать, что ты серьезно настроен. Мы не работаем с обещаниями. Это очень важно: доверять, когда нужно сделать такую операцию.

– Конечно, – Дрейк с готовностью закивал головой. – Я готов. Когда?

– Не торопись, – Отто недовольно поморщился.

Его напрягал разговор:

– Очередь бывает на несколько месяцев.

– Я готов заплатить больше!

– Это хорошо, но мы готовим весь процесс несколько недель. Ты же от Рохана?

– Да, я от него.

– Отлично, тогда будет скидка для тебя. А?! Как, приятель, нужна скидка? – Отто хлопнул его по плечу.

Дрейк широко улыбнулся:

– Отлично. А то с деньгами туго.

Отто нахмурился:

– Уверен, что понимаешь, о каких суммах речь? Доверие! Помнишь? Важно выполнить всё для твоей дочери правильно. Марта должна жить!

– Конечно, – Дрейк закивал головой. – Я сделаю всё возможное для неё.

Он поежился, осматриваясь вокруг. Ржавые контейнеры и эстакада сверху закрывали пространство вокруг. Они словно отгородились от мира. В километре гудел погрузочный терминал, оттуда доносились звуки механизмов, ворочающих платформы. Вокруг не было души. Только огни города и ветер, пронизывающий всё вокруг.

– Не волнуйся, – ухмыльнулся Отто, заметив его реакцию. Ты принес предоплату? Мы готовы договариваться, если ты серьезно настроен.

– Да, – кивнул Дрейк. – Я серьезно настроен. Часть денег со мной. Как обговаривали по телефону, 50000 криптов.

Отто покивал удовлетворенно и, обернувшись к своим, поднял большой палец.

– Давай убедимся, что у нас всё хорошо будет с Мартой, – констатировал он.

– Вы точно уверены, что я обратился по адресу? Вы работаете у мистера Валиона?

– Конечно, приятель. Синдикат помогает, в отличие от Предтечи. Мы работаем от Валиона. Готов платить?

– Да, – кивнул Дрейк и сделал шаг к нему навстречу, доставая левой рукой прозрачный сверток, в котором были видны пачки.

Отто, увидев деньги, расслабился и протянул руку забрать их. Дрейк, виновато улыбаясь, неловко сунул их ему.

– С Мартой точно будет всё в порядке! – сказал он уверенно. Из правого рукава в его ладонь скользнул нож, и, коротко размахнувшись, он воткнул его Отто под ребра. Сталь, разрывая одежду, легко ушла в тело по самую рукоять. Дрейк левой рукой подтянул ошарашенного болью Отто к себе и провернул лезвие. Только удивление и шок скользили по лицу умирающего. Он увидел, как изменился Дрейк. Жестоким и холодным взглядом смотрел он, как потекла кровь изо рта.

– Ты не волнуйся Отто, – тихо сказал Дрейк, улыбнувшись через его плечо на машину, в которой сидели хмурые мужчины и наблюдали за ними, – главное – это доверие.

Деньги в пакете выпали из ослабевших пальцев и упали на землю. Резко дернув обмянувшее тело Отто в сторону, Дрейк завалился с ним на бок и прикрылся, вытянувшись на земле. В этот момент двери микроавтобуса резко распахнулись, и в темноте салона показались несколько стволов. Задержались вспышки, пули веером ударили по машине, в которой сидели товарищи Отто. Оборудованные глушителями автоматы выбивали глухую частую пульсирующую трещотку. Всплески сизого огня заполнили площадку. Словно несколько сварщиков одновременно начали варить металл в ржавых контейнерах. Удлиняя тени, свет метался от микроавтобуса к машине. Яркие трассеры корежили металл и тела, дергавшиеся под ударами разрывных пуль. В машине люди взмахивали руками. Всхлипывания и крики сразу затихли, но выстрелы не прекращались. Разлетелись стёкла и фары. Вывалилась водительская дверь. Дергая головами, пассажиры всё больше сползали на сиденьях. Их корежило пулями, а они, словно в последней безумной пляске, извивались, не желая прекращать веселья. Через несколько секунд огонь прекратился, и люди застыли в скрюченных позах, с десятками дыр. Одежда, вырванная клочьями, дымилась на трупах. Стволы исчезли в салоне микроавтобуса и послышался звук перезарядки. Сменив обоймы, из темноты вылезли несколько человек и прыгнули на землю. Один быстро подошел к лежащему на земле Дрейку и стащил с него труп Отто.

– Порядок?

Дрейк вытер нож о ногу убитого и встал, подхватив протянутую ему руку. Он глянул в сторону расстрелянной машины и поднял пакет с деньгами с земли.

– Этого туда же. Пусть полюбуются друг на друга...

Глаза Отто, который ещё хрипел, были широко открыты. Проверив машину, двое подхватили его и добавили пассажира в искореженный салон. Наблюдая за ними, Дрейк спокойно прошёлся по площадке, отряхивая штаны, и достал платок, вытер руки и поправил воротник. Один из его товарищей бегом вернулся к микроавтобусу, придерживая автомат, и подхватил какой-то коробок, на котором был закреплен таймер. Установив время, он подбежал к покореженной машине, бросил его в салон и махнул остальным. Все сели в микроавтобус. Дрейк

последним залез на пассажирское сиденье, его взгляд встретился с глазами Отто, который умирал среди трупов своих товарищей.

– Поехали.

Выезжая по проулку сквозь вереницу контейнеров, они обернулись назад. Яркая вспышка полыхнула и на секунду осветила все вокруг. Ослепительный белый свет взметнулся на месте, которое они покинули. Там осталась покореженная пулями машина, которая плавилась в фосфорном огне вместе с убитыми. Пламя пожирало все следы.

Дрейк посмотрел на водителя и сказал:

– Поехали, перекусим. Потом к церкви на встречу с мистером Валионом.

Тот кивнул в ответ. Микроавтобус растворился в темноте.

9

В штабе связисты закончили настройку пеленга, и сержант кивнул полковнику, который, в ожидании, смотрел в его сторону. Картинка трехмерного скана сложилась, и карта приобрела законченный вид. Выросли схематичные модели бункера, горы вокруг ущелья, матовые изгибы полупрозрачных текстур над плоским столом коммуникатора. Полковник оперся руками о край стола, окинул взглядом многокилометровые просторы, висевшие перед ним. Его лицо, изрезанное морщинами вокруг глаз, осветило зелёным мертвенным светом. В помещении было темно, и от этого на миг могло показаться, что это – лицо каменной статуи жестокого, волевого командира. Он протянул вперед руку и, утопив её в схеме, сжал кулак, раздавив схему бункера. Глаза его превратились в узкие амбразуры. Внутри кипел огонь, холодный и беспощадный.

Полчаса назад, закончив брифинг, он дал команду на операцию. Время работало на них. Командиры групп все высказались за немедленную перегруппировку. Через час после прибытия псов лагерь загудел и пришёл в движение. Коротко выслушав доклад полковника, генерал О, бэйн одобрил план и через секунду поставил свой отпечаток под приказом. Финальная стадия операции началась. Военная машина заработала, чётко исполняя приказы. Полковник собирал всё воедино. Были выделены 4 группы захвата. Метис с ротой псов вылетал раньше всех на зачистку дозоров и нейтрализацию зенитных батарей. Дроны сделали своё дело и полностью вычислили ловушки, которые предназначались всем квадрокоптерам десанта. Недавно прибывшие ксеноны от церкви Предтечи, холодно и молчаливо смотрели на приготовления. Получив из Центра указания, полковник определил для них транспорт и место в десантных кораблях Метиса.

Солдаты строились шеренгами у кораблей, проверяли амуницию. Винты первых четырех квадрокоптеров медленно начинали вращение. Подготовительные команды заканчивали предполётную подготовку. На хмурых лицах солдат мелькали оранжевые всполохи проблесковых маячков посадочных площадок. Бойцы ждали команды.

Метис лично обходил строй, тыкая кулаком, бил по бронелатам. Ему рычали в ответ, подвывали. Солдаты подтягивали лямки снаряжения, застегивали клапана. Капитан по ритуалу перед посадкой лично следил за всеми в роте. Обойдя строй, он посмотрел на винты квадрокоптеров, помахал пилоту, смотревшему через бронестекло. К капитану подошел капеллан в форме, сложил руки и включил общую связь. При первых его словах вся рота опустилась на одно колено. Пилоты в кабинах, не отстегиваясь и не вставая с кресел, склонили головы.

– Братья мои! Спаситель с нами! Он положил за нас душу свою, спас нас от теней зла! Воспрянем духом, исполним долг, полагать души свои во защиту братьев, друзей наших и близких нам! Вера наша в Отечество и присягу! Честью укрепим веру свою, не отступим ни на шаг! Вооружимся мужеством на врагов наших и сокрушим их твердой рукой правды! Нет страха в сердцах наших! Спаситель, не дай нам умереть сегодня в рядах своих братьев! Да не в суд и не в осуждение будет нам ратный подвиг наш! Готовьтесь, братья! Ибо час отваги наступил! Аминь!

Метис первый встал с колена и, пожав руку капеллану, осмотрел строй, следящий за ним. Его рёв, казалось, перекрыл гул двигателей:

– Круши и жги! Пусть дрожат! Мы идём!

Вся рота, подняв оружие над головой, коротко взвыла. Винты квадрокоптеров взвыли им в такт всей мощью турбин.

– Командирам взводов! Загрузка! – прозвучала команда, и люки открылись для бойцов.

Полковник и все, кто был в штабе, наблюдали за ними через экраны проекторов. Солдаты роты исчезали в машинах, винты которых уже бешено вращались, рёвом покрывая всё вокруг.

Последними на борт поднялись ксеноны. Отраженный свет маяков гулял сполохами по их микрокольчуге, покрывающей тела от шеи до бёдер. Перетянутые крест-накрест ремни, туго обхватывали, гибкие стройные тела. Холодные, непроницаемые белые лица смотрели на солдат и мертвым взглядом скользили по броне машин. Метис посторонился у трапа, пропуская ксенонов внутрь, и, держась за скобу у двери, выглянул наружу. Техники убрали упоры. Просигналили. Капитан отдал честь и показал большой палец пилотам. Квадрокоптеры плавно поднялись в воздух. Люки захлопнулись, и, набирая скорость, четыре боевые машины понеслись в сторону гор.

Всё это было 45 минут назад. Решение проблемы со связью было найдено Метисом. Запуская дронов, как голубей, они покрывали сеткой весь сектор. Дроны уходили в облака, пересылая сигналы. Теперь связь, хоть и неустойчивая, проходила сквозь аномалию гор в ущелье. Для этого нужно было постоянно запускать роботов. Связь была доступна, пока дроны поднимались до 4 километров и, обледенев на высоте, словно мёртвые птицы валились вниз на склоны, разбиваясь о камни. Благо, всякой дорогой технической дряни в лагере было полно. Теперь они получали преимущество перед теми, кто прятался в старом военном комплексе. Телеметрия позволяла осуществлять всё планирование и ликвидацию сопротивления.

Перед посадочными площадками, перед оставшимися на земле 12 квадрокоптерами, ожидая сигнала, сидели на земле в полной амуниции ещё 300 солдат. Тянулись минуты, отведенные на первый этап операции. Метис выполнял свою работу. Центр ожидал связи, и первых докладов от командира роты псов, чтобы бросить вперед основные силы. И вот пришли долгожданные слова:

– Ночь на исходе. Небо чистое.

Полковник распрямился от стола и повернулся к майору – начальнику штаба.

– Внимание командирам групп! – прозвучала команда. – Пора начинать!

10

В Церкви шла полуночная служба. Диоды подсвечивали здание голубоватым светом. Он шел с земли и словно заставлял стены парить над искусственным газоном. Здание стояло на своём месте уже пару сотен лет. Старое, в классическом стиле, оно разительно выделялось на фоне окружения. Вокруг высилось много бетона и стекла, дополненного яркой рекламой. Но в старых узких окнах костела вся мирская суeta растворялась в древних мозаиках. Невысокая оградка отделяла тротуар, а пара деревьев грустно свисала над широкой дорожкой, ведущей к дверям, обитым железом. Высокие створки были закрыты, и из здания доносилось приглушенное пение десятков голосов. Редкие прохожие, проходя мимо, поворачивали головы, мельком смотрели на крест на крыше и шли дальше. Только один из десяти быстро крестился и уходил, склонив голову.

Дрейк сидел в машине через дорогу от церкви и наблюдал за прохожими, считая от скуки, сколько из них поднимет руку в знамении. Он был за рулём. Одна рука высывалась из окна. Загибая пальцы, отмерял статистику поклонения.

– Как быстро иссякла вера, – тихо констатировал он, зажимая безымянный палец. – Слишком спокойно, видимо, стали жить.

Двое парней, сидящих на заднем сиденье, оторвались на секунду от своих браслетов и опять уткнулись в голографические окна. Они не обращали на церковь никакого внимания. Задача была находиться в машине и ждать.

– Куда катится этот мир? – Дрейк адресовал вопрос в пустоту.

Они ждали уже полчаса, и он очередной раз посмотрел на часы. Его рука скользнула вниз и проверила рядом с сиденьем рукоятку пистолета. Несмотря на ночь, он был в очках, которые максимально скрывали его лицо, но он прекрасно видел всё из-за настройки широкого угла обзора на ночное видение. Его глаза ловили каждый объект на улице. Парни спокойно сидели на подстраховке, не доставая оружие. Они, тыкая друг друга в бок, больше были заняты сетью и оцениванием девушек.

– Только воля и вера делают человека камнем на пути бессмысленного потока жизни, – констатировал Дрейк, сгибая мизинец после того, как очередной прохожий перекрестился.

Он посмотрел на сжатый кулак и вздохнул. Закрыв окно и поднял воротник. Едва он откинулся на сиденье, как высокие двери распахнулись и начали выходить люди. Сквозь желтый прямоугольник на улицу потянулась неторопливо вереница прихожан. Самых разных возрастов, все с умиротворенными приторными лицами. На крыльце стоял святой отец и каждого провожал знамением. Не слышно было разговоров, но люди кланялись в ответ и крестились на крест на крыше церквушки, и расходились в разные стороны по тротуару. Дрейк сел на сиденье, вглядываясь в эту толпу. Одним из последних вышел высокий мужчина. Он протянул руку священнику, они коротко перекинулись словами, обменялись крестным знамением и, отвесив поклон, разошлись. Двери церкви остались открытыми, и мягкий свет лился прямо на деревья. Высокий мужчина постоял немного на крыльце, надел на голову шляпу и уверенно пошел через дорогу к машине, в которой сидел Дрейк. Длинное пальто колыхалось в такт его тяжелым шагам. Холодный властный взгляд был устремлён вперед. Он кивнул на ходу. Один из парней вылез с заднего сиденья и открыл дверь пассажирской стороны. Он стоял и ждал, пока мужчина не подошел и не сел вперед, и только после этого аккуратно прикрыл дверь и хотел сесть обратно на заднее сиденье.

– Прогуляйтесь, – сильным голосом прозвучал короткий приказ.

Второй парень тоже вылез из машины, и они встали неподалёку на тротуаре, поглядывая по сторонам. Теперь браслеты их не интересовали. Они держали руки в карманах, сжав руко-

яти коротких автоматов, не доставая оружия из-под курток. Мужчина снял шляпу, бросил её вперед на панель и пригладил седые волосы. Только потом посмотрел на Дрейка:

– Прекрасная проповедь...

Дрейк молча смотрел на него.

– Но нет в ней ни надежды, ни искупления...

Мужчина задумчиво посмотрел на церковь и, устало прикрыв глаза, пальцем потер правый висок:

– Вера... что нам ещё остаётся?

Он перевел взгляд на Дрейка. Тот молча, с непроницаемым лицом смотрел на него, пока Дрейк не сказал:

– Конечно, мистер Валион, только вера.

Удовлетворённый ответом, мистер Валион откинулся на сиденье. Он кашлянул, потёр ладони и спросил:

– Рохан?...

– Успокоился...

– А эта бригада, которая собрала столько недовольных, потерявших свои деньги?

– Пришлось сделать немного шумно. Их пятеро. К сожалению, на встречу приехали только четверо.

– Там был Отто?

– Гнойная тварь, – просипел Дрейк и усмехнулся, – был.

– Следов не оставили?

– Чисто.

Мистер Валион покивал головой:

– Рохан что-то сказал? Он вообще говорил что-то ценное?

Дрейк смотрел вперёд:

– Говорил, пока было чем. Дал несколько имён. Эту группу. Откуда узнали про контакты.

– Займитесь этими.

– Конечно, мистер Валион. Будем работать дальше.

– Что с пятым из группы Отто. Кто он?

– Какой-то Ричард. Неважно. Был просто на подхвате. Узнает о своих, не будет высываться.

Дрейк говорил спокойно, вспоминая Рохана, прикованного к стулу наручниками, и оружия от боли.

– Где Рохан?

– В заливе, на дне.

– Ясно, – мистер Валион кивнул и, подумав, добавил: – нужно дать понять, что не наше дело связывать себя с этими подонками.

– Будет правильно, – кивнул Дрейк.

– Свяжись с Гилбертом. Выбери троих-четверых, семьи которых обманули. Верните по половине сумм. От анонима.

– Половину? – переспросил Дрейк.

– Каждому нужно внимательней смотреть за своими деньгами. Будут рады и этому.

– Хорошо, мистер Валион.

Тот посидел несколько секунд, глядя на церковь.

– Есть немало проблем. Те, которые порождают эти проходимцы, обманывая людей с G.A.N.Z.A. – ничто по сравнению с вопросами, которыми испытывается наша собственная вера. И скоро для нас всех наступит время принимать очень ответственные решения.

Дрейк покивал головой.

– Я слышал, операция идёт быстро. Где-то в горах. Но что с нашими группами?

– Наша миссия пока живет. Но вся схема работает благодаря тому, что никто никого не знает вне зоны отдельной ячейки.

– Знаю, – кашлянул Дрейк. Часть кода только у вас. И у остальных 11 пректоров.

– Именно. Я должен уведомить кого-то, если выйдут на меня?

Дрейк повернул к нему голову.

– Я...

– Пока молчи, – предупредил мистер Валион, – сейчас важно сохранить то, чего мы достигли. Никто не пройдет дальше второго звена. Но лучше обезопасить нас всех. Я не могу допустить, чтобы мы потеряли накопленные за пять лет знания и допустили раскрытие всей сети.

Дрейк смотрел на него внимательно.

– Нужно будет принимать решение. Либо исчезнуть, – Валион поднял палец к виску и образно нажал на спуск, – либо решить всё разом. Никто не должен попасть им в руки.

Дрейк посмотрел через его голову на парней, которые стояли на улице.

– Мрачные мысли, мистер Валион, – сказал он. – Пока мы справлялись с задачей.

– Конечно, Дрейк, в этом нет никаких сомнений. Мы готовы и дальше давать людям то, что им необходимо. И в этом не только желание хорошо заработать. Там, – указал он пальцем на крест на крыше церкви, – нет меры деньгам.

Дрейк повернул голову. Он не смотрел на крест, он смотрел по сторонам.

– Что будем делать?

– Пока будем ждать. Ждать, что будет. Сейчас мы ничего не можем решить.

– Они это делают с оружием в руках, – сказал Дрейк, сдерживая агрессию в голосе, – защищают колонии.

– У нас нет выбора. Отправить всех в топку? Колоний больше нет. Все вне закона.

– Больше, чем собственная жизнь, сложно предложить. Лучше продать её подороже.

Мистер Валион посмотрел на него:

– Ты важен здесь, Дрейк. Никто, кроме тебя, не сделал больше для нашей миссии. К чему это?

– Мы ждём, и это тогда, когда люди которым мы помогли гибнут. Они перебьют всех и возьмутся за нас. Это всё равно будет.

– Война сжирает созидание. Предтечи просто доминируют пока.

Дрейк разочарованно покачал головой. Валион похлопал его по плечу.

– Ты всегда был противником правительства. И я помню, кто ты, Дрейк. Ты важен здесь.

В этот момент из церкви вышел человек. Он поговорил со сторожем на пороге, и тот, покивав, закрыл двери. Мягкий свет, лившийся на дворик, погас. Человек поднял голову на крест, перекрестился и неторопливо пошел по тротуару.

– Смотри, – кивнул мистер Валион.

Дрейк внимательно осмотрел идущего.

– Знаешь, кто это?

– Кажется, это священник.

– Да. Это отец Пётр.

Они оба смотрели на него, пока сутулая фигура не свернула на другую улицу. Дрейк повернулся с удивлением к Валиону и усмехнулся.

– Он читает плохие проповеди?

Тот недовольно поморщился.

– Нет. Ты должен быть осторожней с шутками.

– Простите, – кивнул Дрейк. – Зачем вы обратили на него внимание?

Вздыхнув, мистер Валион махнул на церковь.

– Где, как не здесь, ищут надежду все отчаявшиеся? Они ищут утешения сначала в молитвах, потом в надежде найти ответы и потом следуют указаниям того, кому верят.

– Он – наш агент? – удивился Дрейк. – Логично, но как-то невероятно в святых стенах.

– Дело не в его собственных интересах. Такие люди сейчас нечасто встречаются. Но в своём желании помогать прихожанам, он всегда готов помочь всем, что имеет. Денег у них нет. Но они кормят бездомных и направляют на путь истинный страждущих.

Дрейк опять поморщился от слов проповеди. Это видел Валион и специально делал акцент на слова, которые звучали не столько как призыв к совести, сколько как напоминание.

– Он не верит в нас, не верит в церковь Предтечи, не верит в правительство, ему вообще ничего не нужно, кроме своей веры. Ему важна вера тех, кто сам приходит к нему за помощью. Им он и даёт советы, и просит за них.

– Они, видимо, верят ему.

– Так же, как и Предтечи.

Дрейк нахмурился и с молчаливым вопросом посмотрел на него.

– Он просит за прихожан, – сказал Валион. – За больных, которых можно спасти. Его миссия – добро.

– Часто он просит? – спросил Дрейк.

– Довольно часто, – Валион покачал пальцем. – Но это не делает его их агентом. Как и нашим. Сконцентрируйся на другом. И в этом ключ. То, что ближе к Предтечи, никогда не будет объектом пристального внимания. Вспомни, о чем я говорил?

Дрейк ещё раз посмотрел на крест на крыше. Он молча, с удивлением повернул голову, показывая на здание.

Валион медленно кивнул.

– И это твоя миссия, в приоритете.

– Вы хотите сказать, что в случае провала священник не должен сказать лишнего?

– Нет. Он не скажет этого даже под пытками. Выбор был сделан давно. Но он ничем не связан с нами, и это его важная сторона. Ему нет дела до того, что конкретно содержится в том, что он хранит.

– Вы отдали все данные, все ключи этому человеку? Я думал, вы ходите на проповеди!

Валион серьезно посмотрел на него.

– Что есть вера, Дрейк? Мы – плохие люди. Когда-то и у тебя наступит жажда исповедаться.

– Возможно. Но, мистер Валион, я не могу убить священника. Даже за то, что он общается с Предтечи.

Валион тяжело вздохнул.

– Ты не понял. Речь не о нём, речь обо мне.

Дрейк смотрел на него, будто впервые увидел. Разделяя слова, Валион четко сказал:

– Никто не должен попасть им в руки. Я не могу это сделать сам. Ты должен будешь решить этот вопрос. Ты понял?

Дрейк неожиданно был удивлен указанием. Он секунду обдумывал. Потом кивнул. Мистер Валион хмуро смотрел на него. Откинувшись в кресле и, помедлив, сказал, глядя вперед на вереницу фонарей на темной улице:

– Запомни наизусть стих 3, глава 42, книга Иова... он ответит тебе 4 стихом.

Дрейк смущенно почесал лоб:

– У меня нет Библии. В руках не держал.

– Не осуждаю тебя в этом. Отцу Петру всё равно, знаешь ли ты её наизусть. Он просто хочет услышать пароль, который я сам ему дал. Он не задаст лишних вопросов. Священник готов помочь. Никогда не выдаст даже тайну исповеди сопливой девочки. Если для нас рушится любая надежда, заberi всё в церкви. Там есть отдельная комната и банальный шкаф,

в котором ящик с библией. В ней лежит синхронизатор данных, наши коды зоны 3. Моя миссия – хранить одни ключи из 12. И главное, Дрейк, лучше не спрашивай, как это работает. В случае провала тебя найдут, и ты должен будешь передать диски. Выхода если не будет, лучше убей себя сам.

Дрейк слушал его, сжимая руль. Напряженно переваривая информацию, он повернул голову к мистеру Валиону.

– Ты понял? – спросил тот. – Такое решение принято вчера. Нужна подстраховка. Я выбрал тебя. Что-то не то с Брайном. Пока не знаю, что, но подозреваю жадность.

– Я хотел уточнить, – сказал Дрейк. – Когда...

– Подожди секунду, вызов, – оборвал его Валион.

Он ткнул в браслет. Входящий вызов был переведен на ухо. То, что ему сказали, заставило его сильно нахмуриться. Звонок быстро прервался. Он постучал по стеклу, привлекая внимание парней, и махнул им рукой. Те быстро сели в машину. Дрейк молча завел двигатель и вопросительно посмотрел на него.

– Поехали, быстро! – приказал Валион, махнув вперед. – Дорогу покажу.

Они резко стартовали с места. Машина, нагло подрезая другие автомобили, устремилась вперед. Набирая скорость, они проскочили несколько перекрестков. Сворачивая в указанном направлении, Дрейк не задал ни одного вопроса. Он уверенно вёл, как опытный водитель. Парни на заднем сиденье только смотрели по сторонам. Четверо мужчин, нахмурившись, мчались в машине по ночным улицам мегаполиса. Мистер Валион, приглаживая волосы, невозмутимо смотрел вперед. Дрейк несколько раз хотел спросить, но не стал. Они выехали из района и, следуя по автостраде, ушли за реку. Через 10 минут показался рабочий сектор. Широкие улицы сменились тесными проулками. Здания стали пониже и фасады гораздо беднее. Замелькали припаркованные вдоль дорог старые автомобили. Яркая реклама светилась с крыш. Мистер Валион показывал дорогу. Снизив скорость, они прибыли на место.

– Будьте внимательны, – коротко приказал босс.

Парни приготовили оружие. Проверили. Дрейк убрал пистолет в кобуру на боку и спросил:

– Чего нам ждать?

Валион не выходя из машины, показал на дверь одного здания.

– Встречаемся со своими. Брайн и другая группа. Они с техникой. Обычно вы не пересекаетесь. С ними всё в порядке. Главное, чтобы не было «зонта» над ними. Могут быть неприятности от Предтечи.

Он внимательно посмотрел на небо через стекло, выгнув шею – Смотри вверх внимательно. Чтобы не было дронов.

Парни закрутили головами.

– Что-то случилось? – переспросил Дрейк.

– Видимо, да, – подтвердил Валион, надевая шляпу. Он достал из чехла на руке маленький пистолет и передёрнул затвор.

– Выходите... И, Дрейк, если ситуация выйдет из-под контроля помни про то, что я говорил.

Дрейк, открыв дверь, задержался на секунду и внимательно посмотрел на него, коротко кивнув. Мужчины вылезли из машины и несколько секунд смотрели на небо.

– Останься там, – показал Дрейк одному из парней на темный угол, из которого просматривался и вход, и машина.

Парень, молча придерживая автомат под курткой, торопясь перешел улицу, и занял позицию, скрывшись в тени. Он махнул рукой. Они втроем, оглядываясь по сторонам, подошли к зданию. В длинном строении не горело ни одно окно. Только несколько диодов освещали его стены с одной стороны – с улицы. Народу рядом практически не было. Ветер гонял неуб-

ранный мусор. Только бездомные копались в мусорном баке неподалёку. Подойдя к двери, Валион пропустил вперед Дрейка. Притормозил, когда тот хотел зайти. Щелкнув по браслету, он набрал абонента и коротко сказал:

– Это Валион. Мы сейчас зайдём втроём.

– Встретим.

Они стояли рядом с дверью на открытом пространстве и просматривали улицу в обе стороны. Стараясь прикрыть оружие, тем не менее, были готовы открыть огонь в ту же секунду. За дверью слышались шаги. Пискнул электронный замок, и коротко осветилась контурная лента над входом. Темнокожий рослый парень хмуро оглядел их с головы до ног и, увидев Валиона, быстро распахнул дверь, отойдя в сторону. Они обменялись взглядами с Дрейком, пока входили внутрь, явно не симпатизируя друг другу. За дверью их ждали ещё четверо.

– Всем отбой, – сказал Валион и поправил шляпу. – Где он?

– Сюда, мистер Валион, – сказал негр и махнул остальным. Направленные на дверь стволы поползли вниз.

Дрейк тоже кивнул своим, и они убрали оружие под одежду. Все вместе они быстро пошли по коридору, спустились по лестнице на уровень ниже. Здесь было мало света. Эхо от шагов отразилось от стен. Через раздвижные двери тамбур вёл в цех под зданием. Здесь давно уже никто не работал. Накрытые плёнкой станки были выключены, но в помещении горели лампы высоко под потолком и гудела мощная вентиляция. На звук обернулись люди, которые монтировали аппаратуру на бетонном полу. Уже были установлены несколько столов с мониторами, витки кабелей подводили питание к блокам памяти. Портативные тарелка и передатчик, направленные вверх, ретранслировали сигнал. За процессом следил Брайн. Он, отдавая указания своим, обернулся и, увидев Валиона, поспешил подойти навстречу, пожал руку, чуть склонив голову. Они обменялись взглядами с Дрейком и коротко кивком поздоровались.

– Я уверен, ты сделал это не просто так, – констатировал Валион, осматривая, как монтируют оборудование.

– Лучше показать. Нужно было срочно менять точку. Не уверен, что и здесь нас не запеленгуют, но будем пока тут.

Он жестом пригласил к столам с мониторами и щелкнул пальцами. Двое операторов засуетились, подключая систему.

– Мы получили это сегодня, несколько часов назад.

– Почему сразу не доложил?

Брайн уклонился от ответа. Валион подошел к мониторам и, нахмурившись, посмотрел на отображение потока данных. Потом в недоумении поднял глаза на Брайна и перевел на Дрейка. Всё, что происходило на голограмме, оставалось для того простым потоком схем и графиков. Архивом большого объема, сплошным потоком данных.

– Мы еле успели скачать, – Брайн сложил руки и потер подбородок. – Этого хватило бы на месяц обработки. Только наш канал принял такую мощность.

– Вы скачали всё?

– Да.

Брайн подошел к синхронизатору и показал на зелёный сигнал.

– Под завязку один элемент.

– Выключай, – сразу приказал мистер Валион.

Операторы недоуменно выполнили приказ. Они молча слушали разговор, сняв наушники с головы. Брайн ждал. Дрейк, посматривая на них, отступил на несколько шагов, чтобы лучше видеть всех.

– Это, – пальцем ткнул Валион, – никак не должно быть здесь. Никаких копий? Это не деза от Предтечи?

– Я примерно так и предполагал, – сказал Брайн. – Но входящий сигнал был от наших. Протоколы передачи полностью проверены. Они искали любую возможность. Это был единственный шанс.

– Что это? – спросил Дрейк.

Валион хмуро посмотрел на него:

– Это, скорее всего, подтверждение, что мы на грани. Хотя у тех, кто это послал, не оставалось выбора.

– Мистер Валион, – Брайн молитвенно сложил руки и скосил глаза на синхронизатор. – Насколько я понимаю, это полный скрейч всех операбельных кодов, полная информация. Вся документация и функции по внедрению G.A.N.Z.A. Почему бы не заняться этим, если у нас все доступы? Можно привлечь ещё специалистов и расширить бизнес. Если никого уже не осталось, всё в наших руках.

Тот молча смотрел на него:

– Не распаковывайтесь! – приказал он, оглядывая цех. Сворачивайте оборудование.

– Но мы... – запротестовал было Брайн.

Валион покачал головой. Операторы переглянулись.

– Запускай протокол. Консервируемся.

– Мистер Валион...

– Сколько копий вы сделали? – ткнул тот пальцем в синхронизатор.

– Только одну, – оправдывался Брайн. – Такой объём, и чтобы перевести коды, нужен ваш доступ. Я не мог оставить всё там. Нас тут же накрыли, пришлось перевести всё сюда. Нам нужно решать.

Не дослушав его до конца, мистер Валион протянул руку. Брайн не договорив, посмотрел на неё. Он кивнул одному оператору, и тот быстро остановил схему, вынул пластину и аккуратно отдал.

– Мы не можем ничего сделать теперь без дешифровки. Система сама перезапускает протоколы.

– Это не потребуется, – сказал Валион, передавая пластину в руки Дрейку. – Убери.

Брайн, недопонимая, смотрел, как Дрейк спрятал носитель во внутренний карман.

– Полностью прекращаем операции! – приказал Валион. – Это единственный выход. Настало время уйти в тень. Вчера совет принял решение.

– Вы уверены? – переспросил темнокожий.

– Это было выслано с зоны военной операции, – сказал Валион, он был раздражен. – Скорее всего, в последней попытке как-то сохранить. Теперь весь синдикат под угрозой. Это не только наша зона, есть исследования, есть база данных, разработки. Задача – всё это сохранить, пока не уляжется этот шум.

Дрейк поправил очки, которые и так плотно сидели на лице. Ему не нравилось это место и эта бригада. Оружие было спрятано под одеждой, и это беспокоило его. Хотя вокруг были свои, но само место и несоответствие интересам – нарушали их позицию. На входе стояли несколько темнокожих. Их оружие было в руках.

– Приказ. Сворачиваемся.

– Но деньги? Контакты? – Брайн недоуменно развел руками.

– Сейчас речь не об этом. Всё вернётся по текущим сделкам. Для тех, кто уже сейчас в стадии интеграции, подготовим запасные варианты. Нужны новые коды для обхода лицензии. Займётся этим.

– Всё вернуть? Это же миллионы...

– Да. Что-то неясно?

Мистер Валион строго взглянул на него. Развернулся, запахнув пальто, и пошел к выходу, оставив недовольного Брайна на месте. Дрейк осмотрел всех по очереди и пошел следом. Их провожала тишина.

11

На вокзале было полно народу. Обычный будний день, в который движение поездов было таким же интенсивным, как и толпы пассажиров, прибывающих и убывающих с платформ. Белые поезда аккуратно останавливались у стеклянных тамбуров и открывали двери, чтобы выдохнуть вереницу людей, спешащих на пересадку или к выходу. Другие двери распахивались, и, наоборот впускали внутрь вагонов очередную партию тел, гомонящих на разных языках. Всем управляла автоматика. Табло показывали точное расписание. Номера поездов ярко подсвечивались. С больших экранов над платформами транслировалась бесконечная реклама и информация по рейсам. Скамейки на перронах были полны. Люди стояли и сидели, ожидая нужного номера. Это напоминало управляемый хаос, но в таком ритме давно жили все мегаполисы. Один человек растворялся и становился обезличенным. Только вездесущие сканеры и редкие патрули охраняли незыблемость этого ритма, не затихающего ни днём, ни ночью.

Маленькая собачка бежала вдоль скамеек. Маленькие лапы семеняли по грязному граниту, цокали коготками. Она обнюхивала ноги сидящих людей, тыкаясь носом в сумки. Кто-то с улыбкой провожал эту мелкую живность, Кто-то брезгливо отодвигал ноги, как будто увидел крысу. Собачка, в общем-то, не обращая никакого внимания на людей, бежала по своим делам. На голове между ушей у неё торчал дурацкий, замызганный бантик. Собака остановилась и решила почесать ухо. Рядом на одной из скамеек сидела женщина в сером плаще. Ткань подчеркивала стройную фигуру. Капюшон модно накрывал голову так, что практически не было видно лица. Тень закрывала глаза, которые с тревогой смотрели вокруг. Изредка она слегка поворачивала голову вдоль перрона, наблюдая за потоком идущих людей, и высматривала кого-то. На руках у неё были черные перчатки. Она сидела нога за ногу, покачивая каблук с элегантных сапог с малиновой застёжкой. Рядом стояла большая сумка, на которую она облокачивалась. Мужчины вокруг то и дело бросали на неё взгляды. Она чувствовала это и нервничала.

Собачка так усердно чесала задней лапой за ухом, что привлекала внимание женщины. Она подалась вперёд и протянула руку. Аккуратно, чтобы не спугнуть животное, перчаткой коснулась бантика. Псина ничуть не испугалась и не зарычала, а, встав на лапы, замахала хвостом, и с удовольствием дала себя погладить, и была рада знакомству. В тени капюшона скользнула улыбка. Собачка подошла ближе к ногам женщины и села рядом, подняв к ней пушистую морду, буквально улыбнулась в ответ. Высунула язык.

– Какая у вас собачка! – сказали совсем рядом.

Женщина вздрогнула и резко убрала руку. Двое полицейских, держась за ремни, увешанные амуницией, стояли, склонив голову, и наблюдали за картиной, как красивая женщина играет с животным. Она поправила капюшон и опустила ногу на гранит, цокнув каблук, плотно сдвинула щиколотки и непроизвольно напряглась. Они улыбались и просто стояли, наблюдая. Собака, смешно задирая голову, высунув розовый язычок, смотрела на женщину и не собиралась бежать дальше.

– У моей сестры такая же порода. Прелесть. Племянницы в восторге, – он обратился к женщине. – Сколько ей лет?

– Простите?

– Уже взрослая?

– Э... это не моя собака, – со смущением ответила она, – я...

Один полицейский присел на корточки, почесал собаку за ухом и посмотрел на ошейник.

– Дикси, – прочёл он и встал, взяв собачку на руки. Второй тоже почесал её за ухом.

– Ждёте кого-то?

– Да, – волнуясь, ответила женщина слишком поспешно.

В этот момент издалека сквозь гомон донесся голос, визгливо и с надрывом призывающий:

– Диксииии... Диксиии!

Собака, услышав вопль, стала извиваться в руках полицейского. Они обернулись на крик и увидели красотку, которая торопилась по перрону, с отчаянием осматриваясь вокруг. Стражи переглянулись, и тот, что держал псину, поднял её над головой. Девушка увидела пропажу и с радостью, ещё на бегу, протянула руки.

– Нашлась, проказница!

Она схватила собачку из рук полицейского и прижала к себе, усыпая поцелуями грязный бантик, картинно поднимая плечи и вздыхая.

– Какое чудо, офицеры, что вы её нашли. На секунду нельзя отвлечься, подвести губы... Довольные полицейские перемигнулись и отдали честь.

– Всегда на страже.

– Я так рада, безумно рада.

Девушка, жестом поправляя распадающиеся волосы, прижала собачку к себе, одаривая их белоснежной улыбкой, кокетливо присела. Они, как болванчики, кивали головами в шлямах. Одуревая от скуки на этом перроне, нашли себе развлечение и теперь буквально прилипли глазами к стройной фигуре.

– Ну вот, Дикси. Не смей больше так делать, – строго отчитала собачку девушка. – Что я буду делать, если ты убежишь? Хорошо, что есть такие стражи порядка. Даже неожиданно.

– Служба! Всегда рады помочь.

Женщина на скамейке из тени капюшона наблюдала за сценой. Она была рада, что про неё забыли.

– Ой, – сказала девушка. – Мой чемодан.

Она не на шутку переполошилась и испуганно прижала палец к ярким губам.

– Пройдемте. Сейчас отыщем и ваш чемодан. Никаких проблем.

Полицейский жестом пригласил её и они, пошли по перрону, властно раздвигая пассажиров. Наигранный смех девушки и довольные голоса стражей растворились в толпе. Женщина в сером проводила их взглядом, расслабилась, сделала несколько глубоких вдохов. Осмотрелась и увидела, как к скамейке подходит Эдвард. Он был в парике и в очках. Короткое пальто по последней моде было плотно застёгнуто. Через грудь шел ремень от сумки, в которой он держал руку.

– Что им было нужно?

Она испуганно посмотрела на мужа. Взяла его за руку.

– Признаюсь, они подошли неожиданно и напугали меня.

– Увидел их и был готов реагировать, – он отпустил что-то в сумке и сел рядом. – Но в такой толпе не скрыться. Кулон у тебя?

– Да.

– Элиз, не волнуйся. Я рядом. Позволь, я посмотрю на глаза.

Она повернулась к нему лицом. Их взгляды встретились. Он на секунду застыл, улавливая контуры её лица, скрытые капюшоном, и посмотрел на карие глаза, которые так внимательно отвечали ему. Неловко поцеловав её в щёку, он тихо сказал:

– Линзы держат свет, всё хорошо. Кулон дешифрует сканеры. Уверен, всё будет прекрасно.

Он натянуто улыбнулся, тревожно осмотрелся по сторонам.

– Ты встретился с ними?

– Да. Они всё сделают. Пока ждём здесь. Сейчас будут билеты, и поедem. Сказали, что сами будут прикрывать и будут рядом.

– Как долго нам ехать? Почему было не лететь?

– Нельзя. В аэрозолах контроль строже, и я опасаясь, что кулон не сможет выдержать такой нагрузки. Мы доедем. Пневмопоезда ходят быстро. За 6 часов будем на краю материка.

– Как долго. Стоило убегать так далеко, чтобы вернуться обратно в ту же сторону.

– Возможно, оттуда и дальше. Может, через океан по туннелю. Пока не знаю.

– Океан, – повторила она задумчиво. – Я так хотела бы проплыть по нему на корабле.

Он улыбнулся иронично.

– Они сейчас все автоматизированы. Огромные лайнеры. Океан очень грязный. Романтики в таком путешествии не больше, чем в прогулке рядом с химзаводом. Когда-то да, лет 20 назад, но не сейчас.

– Что мы делаем с этой планетой, Эдвард?

Он грустно посмотрел на неё.

– Это начато давно и не остановить. Когда-то будет найдено решение.

Она промолчала. Смотрела на людей, которых привозили и увозили поезда. Ощущала ритм, который пульсировал и увлекал эти толпы. Смотрела из глубины капюшона на жизнь, которую не могла вспомнить и не принимала, борясь с двойственным мнением своего разума. Синие глаза, прикрытые карими линзами, смотрели на мужа с любовью. Но стоило повернуть голову, как взгляд её становился холодным и безразличным ко всем. Она сжимала его руку и спокойно сидела, ожидая, что будет дальше. Но в её голове развивалось собственное сознание и точка зрения на ряд очевидных противоречий. Минутная задержка для доктора Эдварда была невыносима. Глядя, как она спокойно сидит, он осознавал, что опасность, которая их окружает, до конца не принимается Элиз. Несколько раз, открыв было рот, он хотел приободрить её, думая, что такое спокойствие – результат страха, но не стал ничего говорить, просто сидел рядом и ждал человека с билетами.

Он посмотрел на часы на большом мониторе.

– Скоро уже наш, – тихо сказал он, склонившись к капюшону.

– Хорошо, – ответила она.

Доктор Эдвард аккуратно засунул руку в сумку, которую держал на коленях и ухватился за рукоять пистолета. Крепко сжал ребристую поверхность металлопластика. Его глаза под очками встревоженно смотрели вокруг. Он сидел, не вынимая руку, и наигранно расслабленно опирался на спинку. Минуты текли очень медленно. И хотя они выбрали самое удачное место на куске перрона с минимумом перекрестных камер, само их присутствие на переполненном вокзале несло огромный риск. Нужно было уходить и быстро. Постоянно перемещаясь. Но слоняться туда-сюда по перрону и вокруг вокзала, ездить на такси, было не лучшим вариантом.

– Нужно говорить, – кашлянул он, – нельзя сидеть молча.

– Хорошо, – ответила Элиз. – Почему мы не сразу сели на поезд?

– Я не мог купить билет. Это должен сделать кто-то другой. Регистрация была, но мы опоздали на минуту.

– Они точно помогут?

– Не сомневаюсь, – он осматривался вокруг.

– Откуда они? Эти люди? Это синдикат? Еретики?

– Они вне закона. Но только для правительства и Предтечи. Они не все готовы совершать преступления. Они просто дают свободу выбора, как они это называют. Еретики по версии Предтечи. Те, кто захотел воспользоваться G.A.N.Z.A. в обход лицензии, идут к ним.

– Это мафия? У них получается? А как они вышли на тебя?

– Давно. У них большая сеть и свои финансы. Они знали, что я отказал Предтечи. Как и у Предтечи, на синдикат работают много талантливых врачей. Они делают это в противовес системе, которая сложилась. Но они все в тупике, так и не поняли, что это не развитие. Тупик.

– Эдвард, – она сжала его руку, когда очередной патруль прошел мимо.

Он напрягся и сидел с наигранной улыбкой, только глазами провожая неторопливо идущих стражей порядка. Прибыл очередной поезд и гулко выдохнул очередную порцию пассажиров.

Эдвард склонился к её капюшону и говорил негромко.

– Их можно винить только за то, что они недостаточно борются с массой мошенников. Предтечи жестко отстаивают свои интересы.

Она посмотрела на него из тени. Её глаза внимательно отиечали его морщины и седину.

– Это было твоё открытие, но вместо признания ты в бегах вместе со мной. Какая разница, кто лишил тебя права на славу и карьеру? Предтечи или синдикат?

Он вздохнул.

– Мне было тяжело сделать звонок. Ты выбрала другой путь. Живая кожа избавила бы нас от общения с этими людьми, и мы могли бы просто исчезнуть. Но я всегда знал, что нужен запасной путь. И Цибион знал.

– Они ждали, что пойдёт что-то не так?

– Да.

– Что ты дал им? – она нахмурилась.

– Немного. Базовые методики и несколько экспериментальных моментов. Но главное – согласие, работать на синдикат.

– Какие методики? – спросила она.

– Например, формула нестабильной реакции теплообмена при добавлении резуса вещества. Это было одно из заданий у военных. Ликвидация прототипа при попадании в руки противника. Я отдал это синдикату в обмен на наш побег с базы.

– Боже, как всё это жестоко, – она поежилась. – Ты сам говорил, что им не вырваться из ловушки. Что их всё равно уничтожат, как только пройдёт закон в правительстве. Так куда мы едем? Зачем? Это же бойня! Как они спасут нас?

Он крепко сжал её руку:

– Не волнуйся. Сейчас у нас нет другого выхода. Есть множество мест, где можно спрятаться. Я не верил, как они сильны. Они доказали это, вытащив нас с базы «Заря». Это в принципе невозможно. Но и там у них есть агенты. Они сильны. Кто-то лоббирует их с самого верха, как противовес Предтечи. Это всё – игра.

– Но что они попросят взамен?

– Я буду работать. Сейчас мне важно, что ты рядом, и кто знает, что получится потом. Но я не разделяю их взглядов.

– Не будь противником идеализма, Эдвард. Для тебя всегда будет важна идея, борьба. Именно поэтому тебе легче быть с ними, чем с правительством.

– Для меня важна только ты. Мне плевать на военных, на Предтечи, на синдикат. Пусть грызут глотки друг другу.

Она покивала головой. Со стороны они напоминали влюблённую пару, ведущую тихую беседу на оживленном перроне трансконтинентального вокзала. Он даже на секунду забыл, где они. Если бы не рукоять пистолета в сумке, он мог почувствовать секунду счастья, как перед отпуском, когда они отправлялись в путешествие с Элиз в безмятежные недели, проводимые на побережье. Но его вывел из фантазий грубый голос над ухом.

– Билеты оплачены на имя Черри. Автоматическая регистрация, как только войдёте с картами внутрь салона. Возможно, на перроне есть агенты Предтечи. Если что, мы прикроем. Удачи.

Эдвард почувствовал, как ему сунули в карман пластиковые карточки билетов. Он посмотрел вслед мужчине, тот, только на секунду задержавшись у скамейки, пошел дальше по перрону, протискиваясь между людьми.

– Что он сказал? – переспросила Элиз.

– Что, возможно, за нами следят, – сказал он и, достав билеты, посмотрел на них.

– Первый класс, – прочитала она.

– Мило, – он посмотрел по сторонам. – Но можно хоть в почтовом, лишь бы подальше от глаз. Через минуту наш поезд. Сразу идём на посадку. Поняла? Держи меня за руку.

Она кивнула. Несколько секунд она смотрела перед собой и улыбалась, но потом вдруг уловила какой-то фон и необычное чувство. словно волна тянула её к себе. Нервный неосознанный позыв, который заставил её аккуратно убрать рукой край капюшона и повернуть голову. Её глаза встретились со взглядом маленькой девочки, которая стояла метрах в пяти от скамейки. В опущенных руках она держала плюшевого крокодила. Ребёнок лет 5, не двигаясь, молча смотрел на неё, словно её не беспокоило присутствие такого количества людей вокруг, смотрела именно на Элиз глубокими синими глазами. Почувствовав, как она напряглась, Эдвард взял её руку и тоже посмотрел в ту сторону. Он похолодел от взгляда устремленных на них синих глаз. Милое и безобидное существо с плюшевой игрушкой не могла оторвать взора от Элиз. Он крепче взял её руку и сжал, пытаясь отвлечь. Но заипнотизированная, она не отрывала взгляда от девочки. словно невидимая связь четко скрепила обоих. Беспокоясь, Эдвард потянул Элиз, но она даже ни сдвинулась. Девочка, не моргая, стала поднимать руку и показала на них пальцем.

– Кто эта тётя? – спросила она громко.

– Пожалуйста, не спрашивай, – сказала Элиз, не открывая рта. Она просто смотрела в глаза ребёнку и спокойно говорила.

– Почему не спрашивать? – ответила девочка в её голове.

– Ты же умная. Понимаешь, что нельзя указывать пальцем?

– Да, – ответила девочка, улыбаясь. Ей было смешно, что в её голове говорит женский голос, и ей становится очень хорошо и весело.

Эдвард застыл. Какая-то женщина, которая стояла неподалёку и без умолку говорила, отвлеклась и посмотрела на девочку. Видимо, мама, она сразу подошла к ребёнку и присела на корточки. Посмотрела, куда она показывала, и настойчиво своей рукой опустила руку девочки.

– Не надо показывать пальцем.

Она что-то ещё зашептала девочке, делая замечание. И виновато улыбнулась Элиз.

– Простите.

Женщина встала и увела девочку, которая всё время оборачивалась и смотрела на Элиз. Та провожала её взглядом.

– Что это было, Элиз? – недоуменно со страхом спросил Эдвард.

Элиз склонила голову. Она была слегка выбита из колеи нахлынувшими чувствами. Её словно ударили током. Чтобы прийти в себя, она несколько раз прикладывала руки к животу. Все эти переживания не ускользали от взгляда профессора. Он с тревого следил за ней. Хотел что-то сказать, но звук прибывающего поезда заставил его отвлечься. Большой белый пневмоэкспресс заполз на платформу, и из раскрывшихся дверей повалил народ. Он встал и настойчиво потянул сторбленную задумчивую Элиз со скамейки. Она выпрямилась и, грустно посмотрев на него, поежилась.

– Мне так холодно здесь, – прошептала она указывая на живот.

Он не стал обнимать её, а лишь с отчуждением посмотрел в тень капюшона и задумался. Потом решительно взял сумку и потянул её к стеклянному тамбуру входа. Сканирующие элементы пискнули, опознавая личности. Он глупо ухмыльнулся, молясь, чтобы чип в кулоне Элиз сделал своё дело. Автоматика проверила билеты, следуя коду, прочитала данные, и сигнал засветился зелёным. Выбросив струю пара с шипением, двери разошлись, пропуская их внутрь.

– Добро пожаловать, пассажиры, – сказал механический голос.

Жестом пригласив Элиз внутрь, Эдвард хмуро огляделся по сторонам. Уже шагнув внутрь салона, он заметил нескольких человек, которые быстро шли вдоль перрона и смотрели по сторонам. В руках у каждого был сканер. Они водили ими. Зелёные лучи скользили по пассажирам. С ними не было служителей Церкви Предтечи. Только несколько полицейских чуть позади также спешили по перрону. До входа оставалось всего несколько десятков метров. Он зашел в тамбур и попросил:

– Элиз, иди в салон.

Она, ещё находясь под впечатлением от девочки, покорно кивнула и, ничего не говоря, склонив голову в капюшоне, прошла за стеклянные двери в салон с рядами больших мягких кресел. Он быстро перевел взгляд на контроллеров, и нащупал в кармане рукоять пистолета. Они шли прямо к ним. Поезд стоял на месте. Шла посадка. Люди на перроне прощались с родными.

Зелёное свечение сканеров отвлекало провожающих. Несколько человек возмутились, и полицейские успокаивали граждан, объясняя, что им нужно делать свою работу. Выборочно проверяли документы у подозрительных лиц. Большинство спокойно реагировало на процедуру. Никто не высказывал открытой агрессии. Эдвард нервно посмотрел на табло с цифрами. Поезд должен был отбыть буквально в течение минуты. Не было никакой уверенности, успеют контролёры зайти в вагон или нет. Они явно кого-то искали. И, возможно, именно их.

Внезапно на перроне опять появилась мама с девочкой. Они стояли спокойно под лучами, и девочка, держа мать за руку, моментально была поймана приборами. Остановившись рядом, полицейские и контролеры, мило улыбаясь, коротко переговорили, проверив данные. Девочка не осознавала, что пришлось пережить её родителям. Напряженное лицо матери несло отпечаток трагедии, которая недавно чуть не отняла у неё дочь. Проверив документы, контролёры и полицейские пошли дальше.

– Чистая лицензия, – прошептал профессор, с гордостью осознавая весь процесс восстановления жизни этой крохи.

Прозвучал короткий сигнал. Голос предупредил о закрытии дверей, и они с гулом загерметизировались, отгородив перрон. Вынужденная задержка сняла всё напряжение. Полицейские не дошли до пропускного тамбура десять метров. Они вежливо поклонились маме и девочке, продолжили свой путь и прошли мимо скамейки, где три минуты назад сидел он и Элиз. Эдвард выдохнул. Поезд начал медленно двигаться.

– Просим пассажиров проследовать в салон и занять положенные места, – сказала возникающая у дверей голограмма стюарда.

Проведя ладонью по лицу, профессор хотел отойти от двери, но он вдруг увидел, как по перрону бежит человек. Его стремительный порыв привлек всеобщее внимание. Люди расступились. В стороны полетел багаж. За герметизированным стеклом вагона не было слышно звуков, только перекошенные рты издавали крики. Вслед человеку неслись трое контролёров с шокерами в руках, позади бежали полицейские. Эдвард шагнул назад к стеклу и буквально прилип к нему лицом. Показалось, что бегущий обернулся и начал стрелять в своих преследователей, полицейские открыли ответный огонь. Перрон мелькнул и исчез, оставив позади вспышки, падающие тела и панику вокзала. Ему показалось, что это и был как раз мужчина, который принёс билеты. Хотя на скорости сложно было понять, что там произошло. Посмотрев на своё отражение в стекле и перекошенное лицо, он изнеможённо прикоснулся лбом к прохладной поверхности. Несколько секунд вспоминал синие глаза девочки и хищные сканеры, рыскавшие лучами в поисках жертв. В салоне ждала Элиз. Он рукой провел себе по шее. Воротник с галстуком душил его. Стараясь выглядеть так, как она любила, в элегантном костюме и галстуке, он впервые почувствовал, как тяжело ему становится сдерживать всё напряжение, накопившееся за последние годы. Он медленно развязал и стащил галстук с шеи.

– Будьте вы все прокляты, – хрипло сказал он, ни к кому не обращаясь, и, заставив себя отстраниться от прохладного стекла, пошел в салон, туда, где ждала его Элиз.

12

– Большого не желали те, кто пошел вверх, спасаясь от беды, настигавшей их мечты и попиравшей их надежды. Короток путь к вершине и нет более спуска вниз. Осталась позади только тьма. Без надежды... – голос звучал отрывисто где-то в темноте, плавал в медленно ползущей бледной дымке.

Тихий ветер чуть шевелил молочную рваную завесу, сгущал и подхватывал звуки. То стихал, то вновь туго нарастал, чуть шевелил песчаные крупы на седых камнях, гулял по бурому, еле видимому мху. Голос назойливо, прерывисто бубнил, невидимый за камнями, и доносился, словно из бочки. Невозможно было определить расстояние. То ли в пяти метрах, скрытые тьмой и дымкой, говорили люди, то ли метрах в 100 происходил этот разговор. Прислушиваясь к этому гомону, двое солдат, распластавшись на камнях, медленно передвигаясь, ползли в направлении звуков к границе каменной россыпи, за которой заканчивался склон. Они, как серые ящерицы, прижимаясь животами к камням, медленно передвигали конечности, чтобы перенести тело ещё на 30 см ближе к цели. Головы были повернуты на бок, чтобы не возвышались выше задницы. Работая одними локтями и коленями, они двигались к горизонтально очерченному краю гряды, за которой начиналось каменистое плато, откуда и доносились голоса. Щитки на коленях и локтях скребли по камням. У каждого разведчика на шлеме была маленькая камера, которая напрямую проецировала обстановку вокруг. Напряженные лица напарника, прижатые тела и тяжелое дыхание – всё это разглядывал капитан у себя на командном планшете. Помехи в связи дёргали картинку. Лейтенант Ка-фогин навалился на его плечо. Вокруг – пара связистов и ещё несколько солдат, а дальше вниз по склону – вся остальная рота, замершая в ожидании команды.

– Скоро рассвет, – сказал кто-то.

Темнота размывала всё вокруг, ползла дымка, тянулась вниз по извилистому склону, уходила рваными клочьями в ущелья. Горы темнели, но звезды словно начали таять в этом черном небесном болоте.

– Триста метров прошли, – доложил связист. – Они у края.

Капитан внимательно следил за действиями бойцов на экране. Видно было, как тяжело им преодолевать последние метры, как пот катится у обоих из-под обручей коммутаторов. Вот они немного замедлили ход и медленно повернули головы. Отблеск от эффекта ночного видения пропал, и картинка улучшилась, однако помехи в связи искажали изображение. Солдаты выглянули. Склон резко заканчивался, и дальше начиналась вырубленная в скалах очень большая площадка. Целое футбольное поле, на котором запросто могло приземлиться несколько квадрокоптеров. На обширном пространстве везде валялся какой-то мусор, темнели основы каких-то конструкций, ранее, видимо, служивших погрузочными механизмами. Поле заканчивалось более крутым склоном, уходящим вверх в темноту. В нем виднелась вертикальная стена бетона с выдающимися вперед массивными вертикальными ребрами противоударной защиты от атомного взрыва. Противообвальные парапеты сверху резкими росчерками выделялись на темном склоне. Они были давно завалены частыми падениями камней. Под ними на сером бетоне виднелись две огромные двери высотой метров по 10, в которые можно было запросто въехать на большом грузовике. Массивные железобетонные конструкции проходных в зону бункера выглядели почти целыми в темноте. Всё это было давно покинуто и брошено 50 лет назад, пока вновь кто-то не распечатал входы в горный комплекс.

Солдаты внимательно осматривали поле, давая возможность капитану оценить обстановку по изображению с нашлемных камер. Два бледных источника света мелькнули у самых дверей и выхватили на миг группу людей с оружием. Видно было, как слегка вздрогнули

камеры у бойцов, когда они увидели противника. Солдаты очень осторожно приложили приклады к плечам, и в экраны вползло изображение зелёной сетки прицелов.

– Огонь не открывать, – приказал капитан и, показав пальцем на планшет, повернул голову к Ка-фогину.

– Ворота открыты.

– Мы вовремя.

– Это наш шанс, – капитан увеличил изображение пальцами.

Плохо видимые в сумраке огромные, массивные створки противоатомных дверей, были полностью открыты. Слабо угадывалась техника, которая стояла рядом. Было непонятно, на ходу она, или это старые остовы, брошенные здесь очень давно, когда данная база и бункер потеряли свое военное значение и были законсервированы.

– Не стрелять, – ещё раз повторил капитан, – вести наблюдение.

Он переключился на другие группы поиска, блокирующие другие направления, и, не найдя для себя ничего значимого, закрыл клапан на планшете, пристегнув его к животу. Лейтенант и связисты смотрели на него. Он сел, потёр подбородок перчаткой с обрезанными пальцами, думал только секунду.

– Наш единственный шанс.

– Мы не знаем, сколько их на улице и у входа, – констатировал лейтенант.

– Поэтому надо действовать быстро.

– Проблема – скрытно выдвинуться на 300 метров вперед. Времени в обрез, – Ка-фогин сел рядом и раскрыл свой планшет.

– Попробуем накрыть группу у входа и быстро выйти к воротам. Неизвестно, какой оператор командует управлением за дверями. Судя по их величине, на закрытие требуется не меньше минуты. Источника питания нет. Будут закрывать вручную.

– Наверняка оператор здесь, вот в этом колпаке, – Ка-фогин показал пальцем на бетонный выступ с горизонтальной щелью амбразуры по всей длине. – И точно, вне зоны досягаемости для прицельного выстрела.

– Проще обстрелять световыми и газовыми.

– А если не поможет? Вероятно, работает ещё защита и сразу блокирует помещение с управлением на КПП, пара трупов у входа и двери на замке, вот и всё, что нам будет доступно.

– Там наверняка полно бойниц. Мы их не выковырнем ничем, что сейчас есть в наличии.

– Умели строить раньше. Для большой войны.

– Тут и «Парус» не поможет. Будем гору ровнять...

– Может, и проще. Одна вспышка, и все как в могиле.

Они внимательно рассматривали изображение с камер бойцов.

– Быстрая атака – единственный шанс.

– Пожалуй, ты прав. На это и был расчёт.

– Мы проверили шесть аварийных выходов, и все они заблокированы, но смотри, что я нашел на схеме, – Ка-фогин вывел на экран старые чертежи комплекса. – Севернее, выше метров на 400, с тыла упирается в эту гряду короткое ущелье. Видишь?

Капитан внимательно смотрел на схему.

– Совсем близко и, кажется, расчищена. На схемах тупик.

– Сколько лет прошло после консервации? Давно заброшено.

– Есть шанс, что мы что-то упустили и там есть второй выход.

– Прикрыто склонами от ядерного удара, и в случае повреждения центрального входа выход может идти только оттуда.

– Везде только вертикальные лестницы из туннелей, а там горизонт.

– Здесь можно проехать на машине.

– Чёрный вход, – капитан максимально увеличил изображение. – Со спутника не видно, действительно ли там что-то есть.

– Вопрос, какой шанс, что там выход, а не дверь или бетонная стена? Потеряем время... Посмотри на склоны. Мы будем в ловушке.

– Дрона не запустишь, мы не проверили патрули выше. Поднимут тревогу, потеряем главный вход.

Ка-фогин убрал планшет, посмотрел на Метиса:

– Я не предлагаю атаковать оттуда. Нужно закупорить банку с крысами. Чтобы никто не ушёл.

Капитан удовлетворённо хмыкнул и кулаком легонько постучал по плечу лейтенанта. Одобрительно кивнул и, ткнув в выжидательно смотревших на него солдат, знаком подозвал четверых. Он показал на своем планшете схему и сверил её на местности:

– Скрытно и тихо. Вот сюда. Максимально оперативно 2 турели. Запечатайте проход. Задача – обеспечить блокировку этого выхода. Возможно, он там есть... Самим не подставляться. В случае сильного сопротивления только блокировать и не дать высунуться. Начнут зажимать, бросайте турели и отходите к нам, вот на эту точку. Мы даем вам 5 минут и будем атаковать главный вход. Задача ясна?

Солдаты коротко кивнули.

– Выполняйте!

Капитан ещё раз глянул на схему и убрал планшет, встретился взглядом с Ка-фогиным и, подняв кисть на уровень глаз, растопыренными пальцами показал в темноту в сторону бункера. Лейтенант молча понял команду и через коммутатор начал отдавать указания. Рота бесшумно поднялась с камней. Напряженные лица смотрели вверх, ожидая дальнейшей команды. Они не видели ничего впереди, но их действия и движения показывали готовность вступить в схватку. Каждый чувствовал, что впереди будет бой. Четверо солдат, подхватив стволы и станки турелей, нацепив на себя зарядные ящики, отделились от роты и, гибко переступая через камни, растворились в темноте и дымке. Капитан проводил их взглядом и посмотрел на часы, потом на небо. Ночь отступала, и небо начинало менять свой чернильный цвет. До рассвета было ещё далеко, но время неумолимо истекало.

Он подозвал связиста:

– Дрон ещё жив?

– Три минуты максимум.

– Связь с полковником, быстро!

Связист, четко выполнив указание, на секунду прижал коммутатор пальцем, активировал станцию и поймал отраженный сигнал, вывел изображение штаба.

– Тито на связи, – нахмурившись, ответил полковник.

Капитан коротко обрисовал ситуацию.

– Прогноз неутешительный, – подтвердил полковник. – Но успех, уверен, во внезапности. Даю тебе добро на атаку в лоб.

Капитан кивнул. Помехи искажали лица. В штабе полковник напряженно вглядывался в его серое лицо:

– Основная кавалерия на подходе. Они над вами. Взяв ворота, даешь сигнал.

– Принял. Высадка по моему сигналу.

– Не лезь на рожон.

– Так точно!

Связь оборвалась.

– Дрон сдох, – констатировал связист.

– Мы на острие, – сказал Ка-фогин, улыбаясь.

Капитан подтянул ляжки и, подняв свою укороченную винтовку, оглядел роту, еле видимую в сгущавшейся пелене. Солдаты ожидали приказа. Он, пригибаясь, ступая, как можно тише, пошёл вперед, огибая крупные камни. Проходя мимо солдат, следящих за ним, вышел вперед и, вглядываясь во тьму, ещё раз посмотрел на часы:

– Внимание, псы! – сказал он в коммутатор. – Тихо... вперед.

13

Верховный кон Рерик ходил между койками и смотрел на людей, которые были подключены к системам жизнеобеспечения. Они бледными мумиями с трубками, воткнутыми в вены и в ноздри, молча взирали вверх. Полуприкрытые глаза светились синим светом, который отражался в капиллярах зрачков и наполнял их неестественной для обычных радужек оттенком. Как следствие переливания синей плазмы, поддерживающей жизнь в этих обреченных телах, зарождалась новая иммунная система, устраняющая все проблемы неизлечимых заболеваний и дефектов. С каждым неровным вздохом в этих несчастных возвращалась их жизнь, пробуждалось исчезнувшее сознание. В этом зале снова рождались люди, которых нужно было убить, прежде чем воскресить. Кроме кон Рерика, в помещении был персонал, с головы до ног упакованный в спецодежду. Белые комбинезоны и респираторы отделяли их от атмосферы стерильности. Они сверяли показания и ходили от койки к койке. Постелей были сотни, и все они были подключены к единой системе. На каждой лежал человек. Иногда это были дети. Зал тянулся на целое футбольное поле. Потолок его упирался в звездное небо, на котором так же, как и в кабинете Кон Рерика, всполохами горели созвездия и галактики. Широко раскинулся след млечного пути, поражая реалистичностью глубины и исполнения проекции. Первое, что видели люди, очнувшись после смерти, – Вселенную, полную звёзд.

Он медленно обходил зал, его руки словно скользили над телами. Глаза холодно смотрели вокруг, но брови были болезненно напряжены. Он склонял иногда голову и улавливал чьи-то лица, и снова шел дальше, не останавливаясь. Его собственные синие зрачки скрывали истинную боль. Его движения были плавными, длинное облачение волновалось в такт шагам. Молча следуя своим намерениям, он словно благословлял каждого на путь в новую жизнь. Собирает всю боль и страхи, и улавливал все это ладонями, которые собирали воздух и содержащийся в нем невидимый поток эмоций. Но их не было в этом зале. Он был полон трупов. Людей, которые не жили, но дышали. Они только входили в этот мир, ещё не понимая, кто они теперь, и зачем они здесь. Выйдя из зала через карантинную зону, он прошёл в смотровой атриум, и какое-то время стоял один, наблюдая с возвышения через толстое стекло на ровные ряды коек с пациентами. В помещение вошел Тодаш и склонился с почтением. Хотя Кон Рерик стоял к нему спиной, он понял, что-то увидел в отражении стекла.

– Вы звали меня.

– Да. Подойди.

Они вместе смотрели на зал какое-то время.

– Их становится все больше, – отметил Тодаш.

– Ты прав, и это только здесь, в нашем главном офисе. А сколько их на всех материках.

И как помочь всем, мы пока не знаем.

Тодаш нахмурился. Его синие глаза отражались в стекле.

– Я очень благодарен вам за спасение моей племянницы.

– Не стоит, Тодаш. Это не моя заслуга. Это твоё участие и вера сделали для неё.

– Моя сестра до конца не понимает ценность такого подарка.

– Нет, – Кон Рерик посмотрел на него твердым взглядом. – Важно, что именно ты знаешь его цену.

– Да, – Тодаш был мрачен, – знаю. И чувствую.

– Оставим это. Как она?

– Теперь всё в порядке, кон Рерик. Все очень любят её, и десять лет, которые есть у неё, бесценны. Это дар.

Кон Рерик задумался, глядя в стекло. В нем отражались их синие глаза.

– Я вызвал тебя для того, чтобы объяснить, что за времена наступают впереди. Как мы стремимся укрепить нашу веру и спасти человечество.

Тодаш внимательно смотрел на него. Он стоял, расставив ноги и сложив руки за спиной. Он отличался от Кон Рерика выправкой и цепким взглядом. Его глаза, несмотря на синий цвет, были более живыми. Черные волосы были выстрижены четкой площадкой, а виски выбриты. Его униформа не была одеждой служителей церкви. Очень отличалась на фоне белой одежды Кон Рерика. Военные ботинки, уже старые и потасканные, которые были аккуратно вычищены и блестели. Видимо, как старый талисман, были дороги и неизменны.

– Нам не победить смерть, – сказал Кон Рерик. – Мы не сможем это сделать, нарушив равновесие. Мы можем лишь обмануть себя, настаивая на таком открытии. Это лишь розыгрыш от Него.

Кон Рерик многозначительно показал пальцем вверх и усмехнулся.

– Но мы, получив эту пощечину от Бога, обращаемся к знанию. К спасению тех, кто достоин ещё пожить на этой планете.

Тодаш пока не понимал сути, но промолчал.

– Я понимаю, ты не можешь сейчас обсудить это со мной. Но я верю, в тебе есть понимание, что важно именно самое простое в этой жизни. Любовь. Да, именно любовь к ближнему делает возможным появление такого дара, как G.A.N.Z.A. Вера в исцеление и спасение любимого человека. А мы смотрим на это в большем масштабе, в спасении всего человечества. От грязи, алчности, борьбы за самые простые ресурсы, войны и национализма. Мы хотим объединить всех. Сделать мир лучше.

Кон Рерик начал прохаживаться, складывая молитвенно руки. Тодаш повернулся к нему от окна и внимательно слушал.

– Но как бы мы ни бились, и чтобы мы ни вкладывали в исследования, нам не сдвинуться с места. Мы теряем нить сущности открытия. Вся технология и возможности исчерпываются с каждым разом в синтезировании плазмы. Это бич и проблема. Процесс дальнейшей интеграции G.A.N.Z.A. будет снижаться, и каждый раз смертность будет расти.

– Разве это не ошибка? – спросил Тодаш.

– Нет, – покачал головой Кон Рерик. – Я не буду объяснять, насколько секретна данная информация. Но понимать, что за этим следует, – очень просто. Всё, что мы делаем, настроено на сохранение G.A.N.Z.A., её свойств и целей на благо всего Человечества. И то, как её воруют и используют эти еретики, – неприемлемые факты. И мы любыми силами защищаем это право нести свет G.A.N.Z.A. Но мы теряем её. Теряем способность развиваться, идти к тому, что действительно позволяет победить смерть. Дать надежду человеку, а не лишь почувствовать, как мы близки к истинному открытию. Синдикат наверняка также столкнулся с этой проблемой. Всё, что было создано доктором Прайсом и обосновано в исследовании, обладает одним изъяном. Оно не даёт продвинуться дальше. Расширить возможности. Воскресить в умирающем теле жизнь на десятки лет. Мы лишь научились внедрять сокращение, установить ограничения, но сломать барьер и выйти вверх не можем. Нам не хватает только одного шага. И знать, в чем причина, – может только он.

– Это было ясно с самого начала? – спросил Тодаш. – Почему он скрыл это?

Кон Рерик вдохнул и поднял голову вверх, словно хотел что-то увидеть.

– Думаю, он и сам этого не знал. Все были ослеплены открытием и первыми результатами. Нет. Это результат расчётов и простых вычислений. Истина, которая всегда где-то рядом с вопросом: «Что дальше?»

– Что дальше? – машинально переспросил Тодаш.

– Прошло десять лет после открытия. И никто не понимал, что в итоге они нашли. Но то, что они получили, оказалось только лишь маяком к достижению более значимой и важной цели.

– Какой?

– Возможности внедрять нужный мод, способности делать его восприимчивым к нашим сигналам. Этого не знают и те, кто создавал этот дар, давно поделившиеся на два лагеря – за и против.

Кон Рерик опять подошел к стеклу и посмотрел на койки:

– Это даст нам возможность подсказать нужные решения для тех, кто управляет этим миром среди тех, кого мы спасли. Мы выбрали их, и их пока немного. Но это те, кому вести за собой человечество. С лучшими целями.

Тодаш нахмурился ещё больше:

– Но как?

– Лучше спросить – когда? Когда мы придем к тому пределу, когда не сможем спасти человека. Дать ему надежду не на 15 лет, а лишь на год или два. И всё потеряет свой смысл. Некому будет дать сигнал, как лучше вести человечество к объединению. Политика не умрёт. Она будет вечной. Но люди, способные принимать решения, не будут в наших рядах. Когда судьба ждёт нас самих? – сказал Кон Рерик. – В процессе создания весь этот сложный процесс должен привести к чему-то, что стало бы основой для революции в генетике, перед которой отступила бы сама смерть. Прорыву, мечта о котором сопровождает человечество очень давно. Но мы не можем этого достичь. Мы потратили годы на решение этой проблемы, но только с каждым разом, каждым новым пациентом констатируем потери при интеграции G.A.N.Z.A. Мы синтезируем каждый раз продукт, который повышает риск необратимой реакции вместо излечения, который даст в итоге не то, что от него ожидают. Мы не сможем говорить людям, что они найдут исцеление от неизлечимых болезней. Мы не спасём больше никого.

– Как скоро?

– Нам негде взять новый источник. Через 5 лет станет хуже, через 10 совсем плохо, и потом всё рассыпается в прах, и мы уже совсем не сможем сделать ничего для этих тысяч обречённых на смерть.

Они вместе смотрели на подключенных людей и молчали. Тодаш переваривал информацию.

– Лучшие ученые, лучшее оборудование, но нет результата потому, что нет только одной детали, – сказал Кон Рерик.

– Какой?

– Гения. Человека, который начал всё и скрыл это от нас. Которому оказалось мало памятника.

– Это – гордыня, – разочарованно сказал обеспокоенный новостью Тодаш.

– Нет, это как раз и есть бескомпромиссная любовь гения к своему делу. А мы играем лишь с честолюбием. И в этом потеряли саму нить.

– Мне сложно понять, – сказал Тодаш, – в чем смысл достижения идеи. Я не учёный. Я понимаю, что все средства хороши для достижения цели. Главное, чтобы она оправдывала средства.

– Ты прав, именно поэтому я и рассказал тебе об этом. Мы ищем решение, все силы брошены на поиск решения. Пусть это будет один шанс из тысячи, но мы найдём его. Твоя задача – найти любыми средствами его. Я уверен – в нём ключ. В его стремлении. Он нужен нам, – доктор Прайс. Он что-то нашел не так давно, и это очень сильно его или испугало, или заставило принять решение бежать. Он был у истоков, и ему открылось то, что может спасти сотни жизней. Его воля, его любовь, всё, его гений – это бесценно, но нельзя быть эгоистом перед всем человечеством. Он нужен нам, как и им, – кон Рерик ткнул в ряды коек.

Тодаш слушал его и не перебивал.

– Мы ищем ответы даже среди еретиков и пытаемся собрать информацию. G.A.N.Z.A. принадлежит только нам. Это регулирует закон, и он на нашей стороне. И если есть ключ к бессмертию, то он наверняка есть у него. У Прайса. Найди его. Неважно, сколько на это потребуется времени и денег. Ищи везде, укради, пытай, убивай, неважно. Теперь это твоя цель. Он нужен нам живой.

Кон Рерик замолчал и, приподняв подбородок, стал смотреть сквозь стекло. Его взгляд поднимался выше. К потолку в зале, на котором мигали звёзды. Тодаш склонил голову и, бросив взгляд на ряды коек с безвольными телами, вышел из помещения.

14

Рота двинулась вслед за командиром, держа интервалы между солдатами, ошестинившаяся оружием и готовая к броску. Разведка на гребне, получив уведомление о выдвижении, продолжала наблюдение, всё хуже улавливая движение людей в темноте у ворот. Дымка уплотнялась буквально каждую минуту. Туман полз над полем, скрывая группу споривших о чем-то людей. Тот голос, который читал молитву или наставление, таял в сумраке. Бойцы вглядывались во тьму, пытаясь угадать хоть какое-то движение. Проблески света исчезли, и редкие слова, доносившиеся издали, стихали или удалялись, понять было очень сложно. Поле было пусто. Темная сторона скалы с еле видневшимися воротами была всего в 150 метрах, но дымка скрадывала расстояние, а опасность удлиняла короткое расстояние в разы. Темнота таила опасность. Широко раскрытые глаза ловили её, и приборы не помогали понять, что, возможно, случится через секунду. Прицелы медленно гуляли по дымке и не находили себе цели. Но она там была, где-то совсем рядом, готовая ответить смертельным огнем, внезапно рвущим темноту. Стараясь не пропустить подхода роты, они по очереди, то и дело оборачивались и смотрели в темноту, по склону, но пока ничего не видели. Зажатые на гребне, без возможности пошевелиться даже руками, просматривая каждый сектор возможного направления. Враг был повсюду и нигде.

Один из разведчиков ткнул товарища и молча показал двумя пальцами сначала на свои глаза, потом вперед. Они оба перестали двигаться, замерли. Дыхание стало тихим и глубоким, лица, намазанные светоотражающей термопастой, окаменели. Зрачки остановились и смотрели только в дымку. В ней показалась размытая человеческая фигура. Нечёткая и темная, искаженная туманом, медленно передвигающаяся конечности. Надвигаясь прямо со стороны ворот, на них шел мужчина, выставив оружие на уровне пояса. Медленно поворачивая ствол из стороны в сторону, он осторожно переставлял ноги в высоких ботинках. Подошвы шкрябали по бетону и давили мелкие камни. Он прислушивался склонив голову. Сделав несколько шагов и полностью проявившись из ползущей пелены, мужчина замер. Почесал бороду. Буквально 10 метров отделяло его от лиц окаменевших разведчиков. Они сливались с камнями, на которых лежали. Смотрели прямо на него. Максимально медленно, указательные пальцы сползли на спусковые крючки и остановились там, готовые в любое мгновение опередить действие человека, подозрительно вглядывавшегося в темноту.

– Что там, Эрл? – донесся громкий крик от ворот.

Мужчина секунду не отвечал, молча ожидая. Ветер нехотя гнал мимо него пелену, успокаивал и размазывал тревогу. Ствол, выставленный вперед, смотрел прямо на невидимых солдат, будто резал их и крошил камни. Только секунда напряженного противостояния собственным страхам отделяла его и разведчиков от желания открыть огонь друг в друга.

– Эрл! – настойчиво крикнули снова.

Мужчина нехотя опустил оружие и, не сводя глаз с края гряды, раздраженно крикнул в ответ:

– Показалось!

Он медленно распрямился и, подозрительно посматривая по сторонам, сделал несколько шагов в сторону. Солдаты следили за каждым его шагом. Он замер на секунду, снова прислушиваясь, и, видимо, уже точно не найдя подтверждения своим страхам, не доверившись интуиции, взяв винтовку в правую руку, неторопливо пошел назад, растворяясь в молочной пелене и шаркая ботинками по каменистой крошке. Звук его шагов удалялся во тьме.

Солдаты тихо выдохнули и посмотрели друг на друга. В молчаливых взглядах каждый понял состояние товарища. Забыв на эти мгновения о собственных жизнях, они думали только об успехе, который был так важен для всей роты.

Внезапно чья-то рука тронула ботинок одного разведчика. Капитан предупредительно приложил палец к губам и осторожно лег рядом. Разведчики жестами обрисовали ситуацию и Метис, кивнув, обернулся, помахал кистью у горла, потом растопыренными пальцами показал влево и вправо от себя. Рота быстро подтягивалась к гряде, буквально за секунды цепью залегла на краю. Ка-фогин осторожно лёг рядом.

– Турели ставишь сюда и сюда, – зашептал ему в самое ухо капитан, показывая пальцем. – Интервал 15 метров. Два отделения на прикрытие наших задниц, держите тыл. Атакуем ворота. По первому ответу засекаете вспышки и даёте очереди через нас.

Ка-фогин посмотрел на него и показал на себя, потом в темноту в сторону ворот. Капитан покачал головой, притянул его к себе, зашипел в ухо:

– Моя атака, я в ответе. Если сразу ударим ракетами, кто знает, что за воротами. Женщины? Дети?

Лейтенант кивнул и, осторожно пятясь назад, отполз вниз. Пригибаясь, перебежал и жестом позвал к себе ожидающих солдат, нагруженных оставшимися двумя автоматическими турелями. Сдерживая сбитое дыхание, они потащили тяжелые стволы и станки к указанной точке. Ка-фогин, прикрывая рукой коммутатор, отдал указание. Те, кто был рядом, шикая на товарищей, перехватили зарядные ящики и батареи. На краю гряды, так, чтобы стволы только чуть высились над горизонтом, быстро и четко раскрыли треноги и закрепили. Операторы, надев очки, включили питание. На каждую треногу навалилось несколько солдат, прижимая станки к камням.

Капитан, наблюдая за их действиями, ждал сигнала. Слева и справа от него установка пулемётов закончилась, и ему показали сигналы, подняв большие пальцы. Кивнув, он повернулся к полю и несколько секунд смотрел через него на медленно ползущую пелену. Впереди, совсем потерянные в этом сумраке, темнели ворота. Метров 150 отделяло роту от границы бетонных ограждений входа в комплекс. Капитан, в который раз посмотрел на часы, засёк время, оглядел роту, растянувшуюся на гребне. Ка-фогин неподалёку напряженно следил за ним. Метис встретился с ним взглядом. Минута принятия правильного решения истекла. Оно было правильным, но крайне рискованным, аргументировать его можно было удачей, объяснить которую логично было нечем, и другого варианта просто не могло быть. Вверху, в блуждающих кораблях, за горной грядой, невидимые отсюда, ждали остальные роты и ксеноны, жаждущие получить ответы от тех, кого ещё нужно было захватить врасплох. Всё зависело от них. На таком маленьком пространстве и в таких условиях даже дивизия не решала поставленную задачу. Тактическое преимущество было в их руках. Только внезапная атака. Капитан отвернулся, и его сузившиеся глаза оценили шансы пробежать это поле. Он принял решение.

– Внимание! – приказал он по общей связи и выдохнул. – За мной!

Он передёрнул затвор и, резко рванувшись вперед, выскочил на поле, побежал к воротам. Сотни глаз следили за ним. Не оглядываясь, он быстро погрузился в пелену дымки. Она поглотила его, как брошенный камень вода. Вся рота следила за его рывком и, на секунду замешкавшись, солдаты вскочили на ноги, устремились следом за командиром на горизонтальное плато. Сотни ботинок грохнули о бетон. Цепь бойцов побежала с лязганьем и бряцаньем уже не скрываясь.

Секунды растянулись в минуты. Казалось, само поле удлинилось, и нет конца тем метрам, которые можно было спокойно преодолеть до момента, пока те, кто способен его защитить, примут верное решение и откроют огонь. Звук бегущих ног нарастал, и это – первое, что услышал бородатый мужчина в чёрной одежде, который не успел дойти до ворот.

Резко обернувшись, он с перекошенным лицом увидел, как из пелены, раздвигая её своим устремленным в рывке телом, прямо на него несётся капитан. Окаменев от неожиданности, он в замешательстве на мгновение расширил глаза. Забыв об оружии, запаниковав, он бросился молча бежать назад, не открывая огонь. Обернувшись на бегу увидел, как из тумана

с гулом выскочили цепью солдаты и с ожесточенными лицами стали молча настигать его. Капитан гнался за ним, а бородатый с неожиданной скоростью, высоко задирая ноги, не бросая винтовку, бежал впереди, пытаясь выдавить из перекошенного рта хоть какой-то звук. Метров через 25 у него это получилось, и он заорал, как сирена, громко и панически:

– Каратели!!!

И ещё раз закричал:

– Карателиииии!!!!

Капитан выстрелил ему в голову на бегу, но промахнулся. Трасса только опалила волосы, прошла чуть выше. Но это было не важно. Главное, что расстояние даже сейчас до ворот сократилось, и даже те метры, которые оставались до открытия ответного огня, будут пройдены, что даст возможность выжить многим. Преодолеть открытое бетонное поле под плотным огнём было бы просто невозможно. Капитан отметил для себя тот крайний предел. И отметил остов старой ржавой машины, рядом с которым уже не будет такой возможности. Ещё секунду после его выстрела темнота впереди безмолвно молчала, и капитан всеми инстинктами почувствовал направленные в них прицелы.

– Ложись! – резко скомандовал он по связи и сам бросился на бетон, с размаху врезавшись в него коленями. Вся рота, мгновенно выполнив его указание, грохнулась латами на землю.

Темнота у ворот взорвалась сизыми вспышками, всполохи выхватили из пелены скрюченные фигуры. Плотный треск разорвал тишину, и всё вокруг покрылось росчерками синих трассеров. Бородатый, бежавший вперед в одиночестве, споткнулся, на месте вскинул руки и, несколько раз дернувшись, согнулся. Пули рвали его, били, отбрасывая назад, не давая шанса выжить. Он за мгновение превратился в бесформенный мешок и рухнул на землю. Трассеры продолжили жадно жалить темноту, пролетая над лежащими солдатами. Неприцельный огонь крошил камни на гряде, на той стороне поля, где остались отделения прикрытия. Пули били в бетон, поднимая пыль.

Операторы турелей, находясь в безопасности за камнями, следили, как на мониторах управления турелями автоматика выхватила вспышки, и, очертив их, пометила цели. Огонь длился всего несколько секунд, ещё не упал бородатый, изрешеченный пулями, а операторы уже отметили все цели и сигнализировали Ка-фогину.

– Готово! – передал тот капитану.

– Огонь! – приказал капитан, прижимаясь щекой к холодному бетону.

Перекрывая выстрелы от ворот своим резким скорострельным звуком, турели открыли огонь по зафиксированным целям. Рота одобрительно завывала сотней глоток, когда огонь от ворот прекратился, и на пол сползли, выронив оружие, разрезанные в клочья тела. Отстреляв серию очередей, турели сделали своё страшное дело и замолкли. Капитан вскочил на ноги, рванулся вперед. До ворот оставалось всего 100 метров. Он уже видел тяжелые створки, десяток тел, скошенных огнём. Но главное, что ворота, медленно скрипя, сдвинулись с места и начали тяжело закрываться.

– Вперёд, вперёд, вперёд! – заорал он, подгоняя солдат, указывая на створки, медленно съезжающиеся друг к другу по рельсам.

В выпирающем вперед бункере, бывшем КПП, суетились какие-то фигуры. Широкая смотровая прорезь вдоль всего полукруглого помещения то и дело освещалась тусклым светом. Достаточно широкая, чтобы можно было пролезть человеку, она темнела в 3 метрах над землёй. Видимо, запуская генератор, те, кто был внутри, пытались закрыть тяжелые створки. При каждой вспышке ворота дёргались на несколько сантиметров и медленно двигались, взвизгивая несмазанными колесами. Из ворот выбежало несколько человек и, увидев солдат, начали стрелять. Трассеры рикошетиrowали от бетона, выбивая голубые искры, защелкали об остовы старых ржавых механизмов. Рота ответила огнём, изрешетив стрелявших.

– Медика! – закричал кто-то среди солдат.

Пробежав по инерции, раненый упал. Из бункера начали стрелять по бегущим. Очереди неприцельно поливали в тумане бегущих солдат, ржавые остовы. Капитан споткнулся о камень, и очередная трасса прошла совсем рядом с его головой. Кто-то на бегу поддержал его, но тут же охнул и упал на колени, схватившись за бок. Метис, не останавливаясь, оглянулся на солдата, поднял винтовку, выстрелил в сторону ворот, заметив ещё фигуры, которые выбегали наружу. Те отпрянули назад. Добежав до стены бункера, он с размаху ударился о неё, вжался в обкрошенный бетон. От ворот его отделяло совсем немного, метров 30—40. Прикрываясь изгибом стены, он осмотрелся. Часть роты залегла под огнём, часть кучковалась за остовами, ответным огнем блокируя тех, кто пытался выйти из ворот и стрелял из КПП. Человек десять успели добежать с капитаном в мёртвую зону. Сверху трещали сизыми вспышками очереди. Метис показал пальцем вверх. Вынул из чехла гранату.

– Ты и ты, – приказал капитан, ткнув пальцем.

Двое солдат рядом, перебросив своё оружие товарищам, сделали шаг от стены и, приготовившись, поймали брошенные им две гранаты и зашвырнули их в прорезь, сверкающую вспышками. Огонь не ослабевал ни на секунду. Солдаты вжались в стену. Капитан пригнулся. Наверху полыхнуло, грохнуло, и горячая, тугая волна выбросила через горизонтальный срез клуб дыма и мусора. Дикий вопль раздался сверху и затих. Ворота перестали дергаться и замерли. Огонь сверху оборвался, но от ворот из темноты стали стрелять по атакующим. Ответный огонь исчертил ворота искрами, трассеры крошили бетон, не давая выскочить наружу тем, кто скрывался внутри. Огромные створки ворот перестали сдвигаться.

– Наверх! – приказал капитан.

Он осторожно сдвинулся по стене и, высунув руки с винтовкой, неприцельно выпустил очередь в темноту ворот. Солдаты, стоявшие рядом и подхватившие оружие, полезли на плечи к товарищам. Капитан откинулся к стене, сложил руки, приготовился, и стоящий рядом боец в два приема прыгнул ему на плечи, подтянулся и, засунув ствол внутрь, выпустил в амбразуру бункера весь магазин, затем перевалился и исчез внутри. Несколько одиночных выстрелов глухо прозвучали в помещении и голос прокричал:

– Чисто!

Капитан перезарядил винтовку и огляделся. Подбегали оставшиеся бойцы и, смещаясь влево от сектора обстрела, кучковались за выступами, вжимаясь в стены и опасаясь роя светящихся вспышек изнутри. Часть подбежала к капитану, стоявшему боком к краю изгибающейся стены бункера КПП. Рядом со створками хлопнуло несколько гранат, не залетев внутрь. Те, кто добежал к стене комплекса, не могли стрелять и забросить в проем детонаторы. Огонь прижимал их. Капитан был от них в 30 метрах, но перебежать дальше уже было нельзя. Со стороны было видно, как бойцы слева от створок вне зоны обстрела не могут закинуть гранаты внутрь. Он на секунду чуть больше выглянул в сторону ворот и тут же отпрянул. Прицельная очередь выбила бетонную крошку, секанула его по лицу. Он зажмурился, потряс головой, и, уступив место напирającym сзади бойцам, прижимаясь, сдвинулся дальше от края.

– Порядок, сэр? – настороженно крикнули солдаты, наблюдая за ним.

Капитан отмахнулся, вытер ладонью лицо, посмотрел на неё. Кровь из рассеченной брови размазала грязь.

– Осторожно! – обернулся он к стоящему у края.

Трассеры резали воздух буквально в полуметре. Солдат повернулся к капитану и чуть вышел в зону обстрела. Его плечо на мгновение показалось из-за бетонного края, и пуля зацепила его. С реактивным воем чавкнула, разорвав латы, и на излете зацепила ещё кого-то. Солдат пошатнулся, руки товарищей рванули его за край.

– Медика! – позвали несколько голосов.

– Нормально, – сказал солдат, кривя побелевшие губы и по инерции собираясь куда-то идти, скосив глаза, глянул на плечо и, увидев развороченный плечевой сустав, белевший из порванного обмундирования, как-то жалобно взглянул на капитана, смотревшего на него. Подбежавший медик оттащил солдата на несколько метров, усадил к стене.

– Наверху? – вопросительно крикнул капитан, отвернувшись от раненого, которому медик делал укол.

– Чисто. Держим дверь. Проход закрыт.

– Значит, только ворота, – сам себе сказал капитан, ожесточенными знаками подгоняя тех, кто ещё оставался на бетонном поле за ржавыми остовами.

– Накройте их огнем, твою мать! – закричал он.

В этот момент, отскочив от стены, кувыркаясь, прилетела от ворот граната и закрутилась у его ног. Увидев её краем глаза, капитан, не нагибаясь, коротко размахнулся, пнул её ногой обратно в сторону ворот и присел. Отлетев в темноту, детонатор рванул, обдав жаром. Осколки прошли в мертвой зоне, никого не зацепив. Капитан разогнулся, и в этот момент вторая граната, прилетев, ударилась о край стены, отскочила на пару метров в сторону. Наблюдая за ней, он сделал шаг, но его опередил один из солдат, бросившись вперед, подхватил с земли и, размахнувшись, кинул обратно.

Видимо, эту бросили с задержкой, и она сработала раньше, едва улетев за угол. Капитан и солдат оказались в зоне ударной волны. Тугая, обдувающая жаром вспышка резко осветила солдат вжавшихся в стену бункера. Боец и капитан, встав у неё на пути, как пушинки полетели в сторону, приняв на себя всю энергию взрыва. Бойцу досталось несколько осколков, и он, скрючившись от боли, пролетел несколько метров, шваркнулся на землю рядом с капитаном, которого только отбросило назад, оглушив мощным ударом. На секунду Метис потерял ощущение времени и не понимал, где находится. Темнота стала гуще, и звуки отдалились, уплотнились в нечленораздельные рывки, пульсирующие в сознании. Он мотал головой, лежа на спине, видел корчащегося рядом рядового и, пытаясь помочь ему, не мог подняться. Медики, подхватив его за лямки, потащили к стене, а он, всё вытягивая руку, хотел подхватить бойца за собой. Увидев, как солдата тоже тащат, похлопал по рукам удерживающих его, встал на четвереньки, продувая уши, отмахнулся от фляжки, которую настойчиво тыкали ему в щеку. Он замычал, восстанавливая голос, и закашлялся. Выругавшись, пошарил вокруг себя и, не найдя винтовки, поднял контуженую голову. Медик и несколько солдат, тащивших его, с тревогой смотрели на командира. Он завалился на бок и со второй попытки встал. Гул в ушах качнул его, но через секунду зрение и звуки стабилизировались. Он посмотрел на раненого и, увидев, что ему оказывают помощь, сплюнул себе под ноги кровавую слюну. Медик чем-то влажным обтер ему лицо. Капитан опять отмахнулся, посмотрел по сторонам. Кто-то протянул ему его винтовку, подобранную с земли. Он посмотрел на солдат, вжимавшихся в стену, потом на небо, потряс головой, похлопал ладонью по уху. Трассеры мелькали совсем рядом, он, не отвлекаясь на них, распрямился, поправив коммутатор:

– Ка-фогин!

– На связи.

– В створку ворот с двух «труб» световую и сразу дай вакуум. По-другому не пройдем.

– Принял.

Капитан, пнув в плечо ближайшего солдата, показал пальцем вверх. Тот поставил винтовку и капитан, поморщившись, быстро вскарабкался ему на плечи, оттолкнулся и, потянувшись, влез в прорез бункера КПП. В задымленном помещении валялись обожженные тела на полу, покореженный генератор, какой-то мусор. То и дело в срез колпака снаружи били пули, не залетая внутрь. Пятеро солдат жались от них в маленьком переходе, стояли у двери. Стальная створка с усилителями неприступно запечатывала ход дальше. Солдаты посторонились, капитан хлопнул по ней ладонью.

- Закрыто с той стороны, – сказал кто-то.
- Внимание! Огонь! – передал Ка-фогин.
- Внимание! Огонь! – передавался сигнал всеми солдатами по связи.
- Внимание! Огонь! – вторили голоса снаружи.

Капитан сделал несколько шагов назад, в помещение с прорезью, и прикрыл ладонью глаза. От гряды с коротким воем, мгновенно через поле, прочертив огненными хвостами, метнулись две ракеты и, влетев в створки ворот, рванули ярчайшей световой вспышкой, озарившей все пространство плато, на мгновение вытянув длинные черные тени от фигурок солдат и остовов техники. Через мгновение свет потух, и дикий грохот рванул в проёме ворот. Следом ещё две ракеты, прочертив в метре от земли огненный след, ворвались в створки ворот. Капитан сквозь сжатые пальцы наблюдал, как короткая желтая наэлектризованная вспышка шаром очертилась в прямоугольнике раскрытых створок, а потом чудовищная сила, высосав весь воздух, резко расширилась в стороны, поколебав даже многотонные ворота, выжигая всё в радиусе 50 метров. Даже в бункере волна сквозь прорезь толкнула его на метр назад, и жар опалил брови. Он переступил от толчка. Никто не мог остаться целым в этом чудовищном огненном шаре внутри ворот.

- Занять рубеж! – приказал он.

Солдаты от стены бросились к воротам. По ним никто не стрелял.

- Хорошая работа, – констатировал капитан, в коммутатор обращаясь к ракетчикам.

Он, оставаясь в бункере КПП, распечатал лист планшета. Открыл схему комплекса.

- Блокировать три прохода во внутренние помещения. Налево – проход к внутреннему переходу к бункеру КПП, разблокируйте выход.

Подразделения роты, бросив для подстраховки несколько гранат внутрь задымлённых ворот, осторожно выставив оружие, по одному исчезали внутри. Гулко отразившись от обожженных стен, раздались шаги в старых куполообразных сводах. Широкий проход уходил от створок внутрь комплекса. Обесточенный и мрачный, он таил смертельную опасность. Благодаря старым схемам, было понятно расположение помещений. От ворот, через короткий туннель начинался большой зал, уходящий вверх на десятки метров, весь заваленный кучами обвалившегося от времени бетона. По полу тянулись ржавые рельсы, упиравшиеся в основы механизмов и платформ в центре зала. Первые солдаты выскочили в зал и закричали:

- Противник! – и открыли огонь по убегающим фигурам вглубь зала.

Капитан оценивал переговоры по связи, вслушивался в треск выстрелов. Пока не вмешивался, контролируя четкие приказы командиров взводов. Переключаясь с камер бойцов, он видел, как разбегаются они по залу, защищая все углы и стреляя из укрытий, как кто-то с разбегу упал на камни, как бахнули гранаты в туннелях. Трассеры выбили искры из металла в центре зала. Гулкие тяжелые звуки загугали в пустоте, отражаясь эхом, перекрывая крики, команды. Выстрелы гремели справа и слева. Быстро продвигаясь почти без сопротивления, бойцы выдавливали огрызающегося противника, заставляя бросать раненых. Капитан спокойно и безропотно наблюдал, как одиночными выстрелами их добивали военные, выполняя негласное правило «не брать в плен тех, кто сразу не поднимал руки и встречал их огнем». Его командный глаз видел всю картину. Через несколько минут пришли сигналы, что зал чист и контроль от боковых проходов вглубь комплекса установлен. Кто-то забарабанил в дверь помещения, где он стоял. Механизм распорок зашевелился. Капитан убрал планшет и взял винтовку наизготовку. Кто бы ни ломился внутрь, живым ему не быть. Дверь пытались открыть с той стороны. Солдаты, оставшиеся с капитаном, прицелившись, следили, как качаясь на петлях, она открывалась. С той стороны послышалась ругань, и дверь, дико закрипев, распахнулась полностью. Сначала в помещение ввалился перекрывающий доступ к рычагу на двери труп с вывороченными внутренностями и обожженным лицом. Потом показалось несколько бойцов, приветствовавших капитана. Среди них виднелась чумазная физиономия Прохора.

– Готово! – сказал он и посторонился, пропуская капитана на выход.

– Прицепился, тварь! – Прохор пнул с ненавистью труп. – Видимо выскочил, закрыл дверь и подох.

– Кровь у тебя, – показал на его шею капитан. – Ранен?

Тот размазал пятно и посмотрел на ладонь:

– Да это не моя, я – в порядке.

Метис похлопал его по грудным латам, пошел по узкому коридору мимо бойцов. Командир одного из взводов встретил его у выхода в зал:

– Три прохода, как на схеме, машина проедет, не застрянет. Блокированы, все под прицелом. Огня ответного нет. Скан на 25 метров бьет сквозь стены. Ни души. Вероятно, отступили дальше к залу очистки, управления и жилым помещениям.

Капитан посмотрел на зал, в котором, как светлячки, освещая пространство наплечными фонарями, перебегали его солдаты. В темноте зал казался огромным. К капитану подошли связисты.

– Дрона! – коротко приказал он, подходя к воротам.

Связист выбежал на улицу и с резким хлопком запустил робота вверх. Тот загудел и устремился красным огоньком в высоту, улетел. Капитан проводил его взглядом и, переступая через обожженные трупы в проходе, подошел к створкам. Небо быстро серело. Прямоугольник проема четко вырисовывался серым полотном. Туман, смешиваясь с дымом, полз над полем. На нем несколько человек перетаскивали убитых солдат к стене КПП, где суетились медики над ранеными. Капитан, опустив руки, ждал связи, наблюдая за ними. Начинался новый день. Ночь отступала, и задача была выполнена ценой незначительных жертв. Но, как тяжело было видеть гибель своих товарищей. Он молча смотрел на поле, которое пришлось перейти для того, чтобы не дать отрезать им вход в комплекс. Удача пока была на их стороне.

– Есть связь! – воскликнул связист и перекинул канал.

Полковник на экране молча смотрел на него несколько секунд, отмечая перекошенное, грязное лицо, запекшуюся кровь из рассеченной брови:

– Ранен?

Капитан отрицательно покачал головой.

– Вижу результаты, – кивнул Тито, указывая на обожженные трупы, среди которых стоял капитан. И строго добавил:

– Докладывай!

– Псы сделали своё дело, птички могут садиться, – хрипло ответил Метис.

15

При первом гуле выстрелов, донесшихся из темноты, маленький отряд, тащивший по приказу капитана турели, остановился. Люди повернулись на звук и прислушались. Сначала темнота принесла короткую очередь, а затем прошёл целый шквал трескотни и хлопков, которые отразились от горных склонов. Только на секунду замешкавшись, солдаты, тяжело дыша, прислушивались к бою, разгоравшемуся невдалеке. И потом, как по команде, подбросив на плечах оборудование и ящики, снова гуськом устремились вбок по склону, уже не соблюдая тишину и наращивая скорость. Четыре сгорбленные фигуры, задыхаясь, преодолевали склон, пересекая его с левой стороны, огибая очередную огромную россыпь, чтобы выйти в назначенную точку. Еще было совсем темно, местность скакала перед напряженными глазами. Шедший впереди то и дело сверялся по маяку с маршрутом. Они тащили тяжелые стволы, а выстрелы, доносившиеся эхом, подгоняли их вперед.

Заходя сзади комплекса, скрытого в горе, они дали большой крюк, пересекая несколько расщелин и пологих россыпей из старых обвалов. После очередного подъема, цепляясь за валуны, вскарабкались на гряде и, тяжело дыша, остановились перед спуском. Прежде чем спускаться, сверились по карте и поняли, что вышли точно в указанную точку. Залегли на краю, ещё раз прислушались к звукам отдалённого боя. Внизу начиналась котловина. Вытягиваясь в одну сторону, она как бы остриём конуса упиралась в крутой склон, уходящий вверх в темноту. В этом склоне, в основании котловины, виднелся вертикальный парпет. Скрытый сумраком и ползущей по котловине дымкой, он был еле виден. Но при пристальном изучении видно было искусственную стену из старого бетона и железные двери. Камни частично навалились на площадку перед дверями, но проход в основном был расчищен. Могла подъехать грузовая машина. Всё же слабо угадывалось присутствие людей. Точно, ворота открывали. Но когда? Сейчас, во мраке уходящей ночи, створки были плотно сомкнуты и мертвы. Чёрный вход...

Солдаты внимательно смотрели на двери.

– Там, смотри! – ткнул напарника Вачонски. – Вроде – амбразура?!

Боннар, лежавший рядом, посмотрел, куда он указывал, опустил к глазам линзу ночного видения.

Дымка размазывала камни. Бетонные конструкции, незаметные среди камней, были не повреждены, и четко выделялся прямоугольник раздвижных дверей. С такого расстояния трудно было определить, в рабочем ли они состоянии, но то, что они оказались там, где нужно, – несомненный факт.

– Пусто. Никого нет рядом.

Солдаты сели, повернувшись друг к другу.

– Что будем делать?

Вачонски достал флягу, отпил из неё и предложил Боннару. Тот отхлебнул глоток.

– Расстояние метров 100—150 до двери. Можно поставить здесь. Но лучше, – он махнул рукой, – пересечь площадку и ещё один ствол поставить с той стороны... Прикроем друг друга.

Они повернулись и несколько секунд снова медленно осматривали темноту, цепляясь за каждый камень у входа. Туман сползал вниз по пологим склонам, но не мог прикрыть бегущие через него фигуры полностью. Если кто-то и следил за тем, что делалось в низине, мог отлично отстреляться по ним, как по мишеням. Ползти на брюхе времени не было.

– Спуститься по склону и пересечь, потом залезть, метров 150—200. И это, если в засаде не сидит какая-то сволочь, и не смотрит на нас сейчас в амбразуру, – сказал Боннар.

– Нет там ни хрена, – прошипел Вачонски. Ты же сам только что сказал.

Гул боя не давал времени на промедление. В любой момент ворота могли распахнуться и неподготовленные турели станут бесполезным хламом в скоротечном бою.

– Решаем? – сказал Боннар.

– Надо делать засаду по полной! – ответил Вачонски и отвел от глаз линзу.

– Как? Брен, что думаешь? – он вопросительно посмотрел на двоих других.

Брен, солдат с тоскливыми глазами, пожал плечами. Он с напарником переглянулся, тот, ничего не сказав, тоже лишь пожал плечами.

– Ок. Прикроете нас, пока мы пересечём котловину, – сплюнул на камни Вачонски. – Мы с Боннаром поставим с той стороны.

Он посмотрел вниз по склону и по сторонам. Снял шлем, на секунду подставляя мокрую голову легкому дуновению. Прислушался к звукам боя.

– Сейчас ставим одну здесь. Позиция нормальная и сектор полный от дверей и дальше. Никто не проскочит. Камни крупные, как раз есть, где убраться, если даже полезут по склону, просто сползайте пониже. Чтобы мы не покروшили вас с той стороны. Перекрестный огонь, и всё будет фарш.

Они секунду молча смотрели друг на друга. Брен сжимал винтовку, не отводил свои тоскливые глазами.

– Главное, дойти до той стороны!

– Дойдем, – зло сказал Вачонски и добавил: – давайте, ставим

Они вчетвером быстро и чётко распаковали из походного положения станок и установили его у края. Активировали штифты крепления, которые с резким щелчком вошли в породу, закрепляя треногу намертво. Брен, кряхтя, подтянул ствол и, насадив на платформу, крутанул центральную ось. Боннар воткнул питание. Вачонски, пригибаясь, зацепил контейнер с зарядами.

– Порядок, – сказал он. – Проверь, Олег!

Оператор активировал турель, и она с легким жужжанием отцентрировала станок. Ствол сдвинулся влево и вправо. На экране планшета управления загрузилась боевая готовность. Пошла перезарядка. Олег показал большой палец. Вачонски закинул винтовку за спину, подхватил ствол другой турели и элементы питания. Боннар резко встал, поднял станок. Они подхватили зарядные ящики.

– Не палите зря, – хмыкнул Вачонски.

Специально зацепив Брена ногой по заднице, торопливо потащил груз вниз по склону в котловину. Боннар последовал за ним. Камни дробной цепочкой посыпались из-под их ног и, обгоняя, катились весёлой вереницей вниз. Товарищи сверху следили за ними, улеглись поудобнее и, выставив винтовки, взяли двери на прицел. Темнота поглощала фигуры товарищей. Они словно погружались в темно-серую мглу. Детали растворялись по мере их удаления. Совсем скоро они достигли дна, и, перейдя на ровную поверхность, ускорились, поспешно преодолевая 50 метров до следующего склона. Тяжелые шаги бухали, отражаясь от камней, перемешиваясь с гулом отдалённых выстрелов. Вялая дымка цеплялась за ноги, словно растворяя всё ниже колена. Вачонски и Боннар, сторбленные под тяжестью снаряжения, как будто потеряли голени. Стали короче и, переваливаясь на культих, семенили дальше, стремясь как можно быстрее укрыться в камнях. Внезапно вдалеке что-то сильно рвануло. Ослепительная вспышка на миг осветила небо. И следом за этим ещё раз пришел тугой звук взрыва. Солдаты повернулись на звук и напряженно вглядывались секунду в темноту на гребни скал. Те, кто был на поле котловины, на мгновение сбавили темп.

– Неслабо, – прохрипел Боннар, замедлившись.

– Бегом, – не оборачиваясь, заскрежетал зубами Вачонски.

Маленький, злобный и скрюченный, он семенил, как горный тролль с толстой палкой на плече, бряцая железом. Они достигли подъема на противоположной стороне и, сбивая ноги о валуны, поскальзываясь, полезли вверх. Им оставалось преодолеть всего 20 метров до верха гряды, когда посторонний звук вдруг послышался со стороны отвесной скалы, в которой нахо-

дились двери. Тяжелый скрип давно не смазанных створок с резким визгом пронесся, словно сирена. Больше ничто не могло так дребезжать и взвизгивать в этом захламленном камнями месте. Многотонные противоатомные двери кто-то открывал, и они медленно, со скрипом раздвигались. Солдаты наверху, крепче обхватив винтовки, нацелились в их сторону, с тревогой поглядывая на товарищей.

– Внимание! Движение! – предупредительно сказал по рации Брен.

Вачонски, получив сигнал, на секунду замер и посмотрел в сторону дверей, вытянув шею. Боннар, не расслышав товарища по рации, пёр на него сзади и, столкнувшись, сначала вопросительно поднял лицо, потом, увидев, что он смотрит в сторону дверей, тоже расслышал звук. Он покрутил головой. Обернулся.

– Куда? – хрипло спросил он.

Вачонски посмотрел назад и прикинул расстояние.

Брен и Олег ещё больше занервничали, увидев их фигуры, замершие на склоне. Сейчас они представляли собой прекрасные мишени, нагруженные оборудованием, с винтовками за спиной. Сколько ещё секунд отделяло их от открытия огня, сложно было сказать.

– Назад! – прошипел в микрофон Брен, следя в прицел за дверями, плохо видными в темноте.

Было неясно, открылись ли они хоть на сантиметр или их только пытаются сдвинуть.

– Вперёд! – четко сказал Вачонски и рванул вверх.

Боннар без сомнений последовал следом. Возвращаться назад не было смысла. С турелями они не смогли бы быстро пересечь котловину за несколько секунд. Вдруг в дверях мелькнул свет. Суетливо мигая, он четко обрисовал щель, которая образовалась в сдвинутых створках. Скрип продолжился, и двери начали открываться. К первому фонарю добавился еще один луч. Белый неоновый свет на миг очертил фигуры, которые открывали её изнутри.

Когда щель стала достаточной по ширине, чтобы могла протиснуться рука, один из лучей прорезал котловину вдоль по центру. Кто-то, удерживая фонарь, освещал дорогу, осматривая её вдоль. Яркий белый луч бил прямо, слегка дрожал в метре над землёй и терялся далеко в темноте. Вачонски и Боннар, увидев свет, пригнулись почти к самому склону. Выбирая место, куда наступить, стараясь не вызывать обвала, не останавливаясь, двигались к своей цели. Тяжело нагруженные, они не могли соблюдать достаточную осторожность. Почва и камни предательски цеплялись за ботинки, и путь к вершине будто становился недостижим. Всего несколько метров осталось им до него, когда Боннар зацепил несколько крупных камней, и они предательски покатались вниз. Наблюдая за ними со стороны и цепляя прицелами луч, Брен и Олег буквально заскрежетали зубами, увидев это. Камни, цепляясь за соседей, не останавливаясь и раскручиваясь, закувыркались на самое дно и выкатились, чуть ли не в самый свет. Движение не осталось незамеченным, хотя дымка поглотила осколки. Луч фонаря дернулся и суетливо пополз в сторону, к склону. Медленно белая полоска побежала по пелене, выхватывая изломы, и потом сдвинулась к самой вершине склона, который был уже пуст. Резко обозначился гребень, и тени удлинились мертвенным светом. Тот, кто держал фонарь, заметно нервничал, проводя туда-сюда и пытаясь найти причину падения камней, но ничего не вызвало подозрений. Через несколько секунд луч ушел вниз и свет погас. Скрип возобновился, разносясь вокруг. Отдаленная стрельба затихала, и звук был хорошо слышен.

Скрючившись за гребнем, Вачонски выдохнул, и, зло посмотрев на напарника, пнул его в бок.

– Порядок, – сказал он в коммутатор товарищам.

– На контроле, – пришел ответ. – Держим на мушке.

– Собираем.

Вачонски спустился чуть ниже от края. Боннар, лежа на животе, подтянул к себе станок. Они, воспользовавшись разносившимся вокруг скрипом, быстро собирали турель. Огля-

дев место, сдвинулись на несколько метров, подтянув оборудование, и, отбросив несколько камней, установили станок. Щелкнули крепежи, закрепился ствол, и через несколько секунд грозная боевая машина пришла в движение. Сканер дал сетку на местность и определил расстояние до цели. Датчики зафиксировали сектор.

– Готово, – удовлетворенно сказал Вачонски.

Он снял через голову винтовку, выставил её вперед через край. Боннар смотрел на планшет, проверял настройку турели. Потом подергал зарядный ящик, убедившись, что он хорошо закреплён. Черный двухметровый ствол смотрел в сторону дверей, пока молчаливо ждал команды оператора.

– Побережем заряды, – констатировал Вачонски, наблюдавший за дверьми. – Их мало.

Боннар убрал панель управления, и, перехватив свою винтовку, подполз к нему, выглянул в котловину. Его взгляд ловил любые движения у двери. Металлический лязг прекратился, и створки, освещенные слабым светом, четко вырисовывались на темном склоне. Шесть человек с оружием вышли наружу и, разбросав несколько тусклых световых маяков вокруг себя, настороженно оглядывались по сторонам. Один вышел вперёд и, поболтав рукой, размахнувшись, бросил ещё один источник света вперёд на несколько десятков метров. Пролетев, дугой световой карандаш упал в середине котловины, в дымке, обозначив размытое белое пятно. Держа группу на прицеле, солдаты медленно вели за ними стволами. Они были наверху и в темноте. Те, кто был внизу, не понимали, что сами расставляли для себя прицельные метки.

– Брен, – шёпотом запросил Вачонски.

– На связи.

– Ствол ставь на дверь, если пойдет толпа – крошим на выходе. Этих положим и так.

– Принял.

Пройдя с десятков метров, шестеро мужчин остановились и о чем-то посоветовались. Голоса глухо бубнили, неразборчиво. Один отчаянно жестикулировал. Он развернулся и пошел обратно к дверям. Кто-то достал портативный пеленг и, водя им из стороны в сторону по темному небу, видимо, искал сигнал. Попытка была явно безуспешной. Не добившись результата, он махнул остальным и уверенно пошел по котловине, отдаляясь от дверей.

– Внимание! Кидаю гранату, – сказал Вачонски, и, не отрывая взгляда от идущих внизу, рукой нащупал боковой клапан на боку, достав цилиндр осколочного детонатора.

Дождавшись, когда те подошли к источнику света, лежавшему на дне котловины, нажал кнопку задержки три раза, и, мягко размахнувшись, по дуге бросил гранату вниз. Пригнулся, спрятавшись за гребнем. Следом ткнулся носом в камень Боннар. Мужчины как раз остановились, и один нагнулся, чтобы поднять светлячок. Цилиндр шмякнулся недалеко от них и по инерции прокатился в сторону на несколько метров. Все повернулись в его сторону, будто задавшись вопросом, откуда прилетела эта штука, и мгновение стояли, наблюдая, как катится этот страшный черный предмет.

– Назад! – раздался вопль, и, дернувшись, они рванулись, что есть сил в сторону.

Резко ударила белая вспышка, усиленная темнотой, и жгучие оранжевые мухи секанули воздух. Бабахнуло, и тугая волна отбросила людей на землю. Тела шмякнулись, скрючившись от удара. Звук взрыва эхом отразился от скал, и, завертевшись вихрем, ушел гроыхать в вершины. Следом за ним раздался крик смертельного раненого от невыносимой боли.

– Огонь! – очень спокойно сказал Вачонски по радио.

Он перекинул винтовку через камень и начал стрелять в котловину короткими очередями. Следом за ним огонь открыл Боннар. Замелькали сизые тусклые трассы с противоположного края котловины. Оттуда открыли прицельный огонь их товарищи. Люди, отброшенные взрывом гранаты, по инерции, на адреналине уже вскочили на ноги. Но не все. Один остался лежать на земле, медленно вытягивая ноги. Двое сразу получили по очереди, пули с визгом отбросили их обратно на землю, добили, выдирая целые куски одежды. Двое других успели

отбежать только на несколько метров. Переваливаясь с боку на бок, один мужчина в отчаянии обернулся и начал стрелять по невидимому противнику длинной очередью, из стороны в сторону водя стволом. Прежде чем рядом рухнул его напарник, сраженный мелькающими трассерами, ему удалось расстрелять в темноту весь магазин. Вачонски, тщательно прицелившись, выстрелом в голову уложил его. Мужчина дернулся, выронил замолчавшую винтовку и упал на спину, широко раскинув руки. Солдаты перестали стрелять, наблюдая за телами, лежащими на дне котловины. Дымка медленно накрывала их саваном. Мрак ночи всё больше уходил, открывая мир новому дню. Но уже не для этих людей, выбравших другой путь. Боннар вытянул новый магазин из подсумка на груди, ухмыльнулся, перезарядил оружие.

– Прием? – коротко спросил Вачонски.

– Порядок! – ответил Брен и приподнялся над краем гряды, помахал издали рукой.

Вачонски махнул ему в ответ. В этот момент из темного участка под скалой от открытых дверей раздался вопль и выбежал шестой мужчина. Услышав выстрелы, он оставался на месте и смотрел, как гибнут его друзья. Находясь в тени двери, он теперь увидел, откуда велся огонь, и в отчаянии вопил, бежав в сторону лежащих тел, прижимая винтовку к боку и высоко задирая ноги, стрелял по гребню. Трассы, взвизгивая, крошили камень и уходили росчерками в небо. Вачонски инстинктивно отпрянул, закрылся рукой от отлетающей крошки, но в следующую секунду ожесточенно начал стрелять по бегущему человеку. Опять с той стороны тоже ударили трассеры. Они в четыре ствола заглушили треск выстрелов вопящего человека. Сначала пули выбивали пыль у его ног, строчкой догоняя следы, а через десяток метров он сам наварлся на очередь трасс и, несколько раз качнувшись, дернулся и со всего размаха упал, по инерции вперед далеко выбросив руки с винтовкой. Дернувшись, замер, подогнув правую ногу, будто собирался ещё ползти куда-то.

– Живы? – с тревогой пришел запрос от Олега.

– Порядок, – ответил Боннар, глядя на Вачонски, и поднял большой палец.

Они выругались и, перезарядив оружие, наставили его в сторону дверей, ожидая очередных атак. В этот момент коммутатор, сменив волну, настойчиво вызвал Вачонски. Через шипение заикался сигнал командной волны. Заработало стерео на прием, и в очках возникло маленькое изображение лейтенанта Ка-фогина. Квадрат проецировал его напряжённое лицо. Он настойчиво вызывал группу. Звук плавал, и картинка дрожала, никак не фокусируясь.

– Перехожу на аудиоканал, – прорвался голос лейтенанта.

Помехи исчезли. Картинка свернулась. Связь по радио стала более-менее чистой.

– Второй! Группе «Браво» доложите! Ответьте, «Браво»... – опять возникли шипение и треск в наушниках.

– Группа «Браво», – ответил Вачонски, – на связи.

– Ситуация и потери?

– Вышли на точку. Здесь проход. Блокируем. Ведём бой. Потерь нет.

– «Браво», прием. Уточните позицию.

– Стволы настроены. Приказ выполняем. Устранили шестерых. Потерь нет.

– Проход в активе? – уточнил лейтенант.

– Здесь ворота открыты, но муха не проскочит. Держим.

– Принял, – ответил лейтенант, и очередные помехи съели его следующие слова – ...

Блокировать... в ...открывать огонь... никого не пропустить.

Вачонски несколько раз вызывал лейтенанта, но связь оборвалась.

– Что там? – спросил Боннар.

– Связь – дерьмо. Всё по-прежнему. Задача и так ясна. Блокируем. Если будут зажимать, уходить к ним.

– Ясно.

Вачонски вызвал товарищей и передал разговор с лейтенантом и его приказ. Связь между ними, разделенными сотней метров, работала отлично, но, видимо из-за горной гряды, которую они обогнули, и самого комплекса бункера, титаном застывшим в глубине горы, связь не работала с остальными, несмотря на запуски дронов. Их группа выпадала из сети. В любом случае они оставались в засаде. Пыль от выстрелов уже улеглась. Мертвые люди перестали хрипеть на дне котловины. Теперь только терпение и время решало исход поставленного задания. Четыре солдата, прикрывая друг друга, молча следили за прямоугольником двери и видели его всё четче в светлеющем сумраке. Ночь медленно уходила. Туман становился в котловине чуть плотнее, и скоро совсем скрыл убитых ровным белым одеялом, вместе с камнями.

16

Поезд несся через туннель глубоко под землёй. Скоростные магнитные дороги опоясывали планету, соединяя материки. Тем, кто готов был комфортно пересечь материк, не используя авиасообщение, такой вид путешествия казался более приемлемым. Развивая до 500 км в час, вагоны скользили в темноте. Чтобы пассажиры не смотрели по 8 часов во мрак, на стеклах разворачивалось красочное действие. Объемные панорамы с различных мест планеты. Тронувшись с вокзала, они влетели в саванну и ехали уже час сквозь живописные виды жаркого континента, наблюдая вдалеке горы и стада диких животных. Стены растворились, и только кресла и пол напоминали о поезде. Вокруг простиралась только природа.

Элиз, не снимая капюшона, смотрела вдаль. Казалось, она не может оторваться от видов Африки. Все эти стада антилоп, слоны и горы, вдалеке покрытые снежными шапками, завораживали всех пассажиров. Но она молча смотрела сквозь них с невозмутимым лицом, отвернувшись от Эдварда, который смотрел прямо на нее. Он сидел, напротив. Мрачный, с расстегнутым воротом. Перед ним стоял стакан виски. Автоматическая раздача на их столике несколько раз повторяла заказ. Его глаза давно стали тусклыми. Он смотрел на её лицо и ловил знакомые черты, пытаясь понять эти глаза. Тень глубоко накрывала черты лица. В салоне вагона несколько женщин были в капюшонах. Мода на подобные аксессуары не выделяла Элиз среди других женщин, но он смотрел только на неё. Теперь в этом была своя причина.

– Они все погибли, понимаешь? – сказал он тихо, уже который раз и отпил из бокала.

Элиз не сразу повернула к нему голову. Её взгляд был равнодушным. Она просто игнорировала пьяные разговоры. Скользнула взглядом по галстуку, небрежно засунутому в карман пиджака, расстегнутому вороту, щетине, очкам на столе и опять повернулась к окну, не меняя позу. Гибкая и статная, она привлекала внимание всех мужчин в салоне своей необычной грацией.

Эдвард отметил это с неудовольствием сразу, как только вошел в салон час назад. Он был на взводе, и рука постоянно проверяла пистолет в сумке. Переживая своё состояние, он долго крепился, но потом всё-таки нажал кнопку и заказал виски. Всё накопившиеся напряжение и возможная гибель людей, тех, кто помогал им на вокзале, подталкивала к срыву. Алкоголь словно ждал десять лет, чтобы опять ударить жестоким пристрастием с новой силой. Он уже забыл вкус виски и глушил отчаяние большими глотками. Терять было уже нечего.

– Я видел, как они попали под обстрел. Они защищались. И что я сделал? Просто опять сбежал. Это невыносимо, понимаешь? Что за след идёт за мной?... Трупы...

Он с разочарованием смотрел вокруг. Через несколько рядов кресел сидел мужчина и смотрел безмятежно вокруг. Его синие глаза то и дело цеплялись за фигуру Элиз, красиво закинувшей ногу за ногу. Эдвард перехватил его взгляд и хмуро посмотрел на него. Тот слишком поспешно посмотрел в окно.

– Невыносимо, – вздохнул профессор и опять приложился к стакану.

– Ты говорил, что чуть не покончил с собой в стадии постоянного опьянения десять лет назад. Перестань, пожалуйста. Ты теряешь самообладание, – сказала тихо Элиз.

Он ухмыльнулся и отпил большой глоток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.